

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬ-
НОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – УЧЕБНО-НАУЧНО-
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС»

Б.Г. Бобылев

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ
ОСНОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных работ

Орел 2013

УДК 37.017.93:821.161.1] (062)
ББК 74.200.51Я431:84(2Рос=Рус)Я431
Б72

Рецензенты:

кандидат педагогических наук
доцент кафедры «Русский язык и педагогика» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс»

Н.Т.Рожков

доктор филологических наук,
зав. кафедрой русского языка как иностранного Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Орловский государственный университет»,
профессор

М.С.Зайченкова

Бобылев, Б.Г.

Б72 Духовно-нравственные основы отечественного просвещения и культуры: Сборник научных трудов/ Б.Г. Бобылев,. Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК, 2013.– 258 с.

Сборник включает тексты статей и выступлений, посвященных проблеме сохранения отечественных духовно-нравственных традиций в педагогике и культуре. Рассматриваются вопросы педагогической антропологии, нравственного идеала, воспитательного потенциала русского языка и литературы. Значительное внимание уделено этическим и эстетическим аспектам современной литературы Орловщины. Проблематика книги непосредственно связана с содержанием вузовских курсов «Педагогика», «Основы педагогики» и психологии», «Риторика», «Культурология», «Русский язык и культура речи».

Издание предназначено преподавателям вузов, специалистам по организации воспитательной работы, студентам, учителям-словесникам.

УДК 37.017.93:821.161.1
ББК 74.200.51+83.3(4Рос)

ISBN

© ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ЧАСТЬ I. ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ.....	8
Аксиологические основы дидактики К.Д. Ушинского.....	8
Христианский архетип «Родного слова» К. Д. Ушинского и его отражение в структуре и содержании традиционных учебников - хрестоматий для начальной школы.....	11
Педагогическая антропология К.Д. Ушинского и современность.....	14
Духовные традиции отечественного образования и развитие языковой личности младшего школьника.....	24
«Идеал совершенства» как цель и смысл педагогического творчества.....	30
Воспитание молодежи на основе русских духовно-нравственных традиций.....	39
Традиции «Глинской пустыни» в просветительской деятельности преподобного Макария (Глухарева) и современной педагогике.....	49
О некоторых аспектах нравственного воспитания детей	60
Н.В. Гоголь как педагог.....	69
ЧАСТЬ II. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ.....	87
О воспитании чувства возвышенного в языке и жизни.....	69
Проповеди профессора Московской Духовной Академии К.Е. Скурата как явление современного духовного красноречия.....	95
Православные истоки русской военно-патриотической	

словесности.....	103
О любви к отечеству и родному языку: уроки адмирала А.С. Шишкова.....	114
Жизнь русской семьи в изображении С.Т. Аксакова.....	134
Феофан Затворник и религиозный кризис русской интеллигенции.....	143
Православие как внутренняя форма русской литературы.....	153
Литургические образы в стихотворении Б. Пастернака «Ожившая фреска».....	165
Рождественская тема в стихотворении Б. Пастернака «Единственные дни».....	172
Нравственный смысл стихотворения кн. П.А. Вяземского «Степь»	177
ЧАСТЬ III. ЭТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОРЛОВЩИНЫ.....	184
Гимнографические мотивы в поэме Ирины Семеновой «Ксения Петербургская.....	184
Духовные основы современной орловской поэзии.....	193
По страницам альманаха «Орел литературный-2010».....	206
Заметки филолога (альманах «Орел литературный-2011»).....	213
О творчестве орловского писателя А.И. Кондратенко.....	219
Поэзия Геннадия Попова.....	245
Тема Родины в книге Григория Лазарева «Поющие холмы»...252	
ПРИЛОЖЕНИЕ. ТИХОН ЗАДОНСКИЙ КАК ВОСПИТАТЕЛЬ.....	258

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость восстановления духовно-нравственных приоритетов отечественного образования сегодня признана всеми. В школах и вузах все активнее и шире вводятся предметы и курсы, нацеленные на изучение православных традиций в отечественной педагогике и культуре. Существует объективная потребность в научно-методических материалах, которые могли бы стать источниками для разработки предметно-дидактической основы новых курсов. Предлагаемый сборник научных трудов по педагогике, филологии, культурологии, в определенной мере, нацелен на удовлетворение данной потребности.

Сборник состоит из трех частей. Первая часть книги посвящена рассмотрению духовных традиций в отечественной педагогике. Ряд статей, помещенных в данном разделе, посвящен изучению научно-педагогического наследия К.Д. Ушинского. Принципы его педагогической антропологии получают здесь свое дальнейшее развитие и конкретизацию – с учетом реалий современной социокультурной и образовательной ситуации. При этом отмечается, что внимательное изучение традиций отечественного образования позволяет существенно расширить горизонт педагогических поисков, повысить их объясняющую силу, придать им разумно-жизненный смысл. Значительное внимание в статьях и выступлениях, включенных в первую часть сборника, уделяется идеям и принципам православной педагогики, которые активно развиваются в трудах Николая Васильевича

Маслова – доктора педагогических наук, президента историко-патриотического общества «Наследники Александра Невского». Воплощению данных идей в жизнь посвящена деятельность Московской педагогической академии. Преподавателями МПА разработан обширный и разнообразный методический инструментарий, опубликован ряд дидактических разработок, хрестоматий, учебников и пособий, в которых последовательно и систематично осуществляется духовно ориентированный подход не только к преподаванию «Основ православной культуры», но и к изучению всех школьных предметов, без исключения. В статьях сборника раскрываются отдельные аспекты методики Московской педагогической академии, показывается плодотворность педагогического подхода, осуществляемого преподавателями МПА, для теории и практики духовно-нравственного образования и воспитания в нашей стране.

Вторая часть сборника посвящена проблеме духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов средствами языка и литературы. Сохранение русского слова является одним из важнейших условий сохранения национальной самобытности русского народа, его духовного самостояния и суверенитета, выживания в условиях глобальной информационной войны. Важнейшей социальной, культурной, педагогической задачей сегодня является преодоление той информационной блокады, которая создана вокруг подлинной истории нашего государства, нашей культуры, в основе которой, как и в основе всего русского народного мировидения, лежит православная духовность. Различным аспектам решения данной задачи посвящен ряд статей второй части. Так, здесь, в частности, указывается, что

ключевые идеи русской литературы, ее ценностная основа обусловлены присущей ей внутренней, глубинной связью с христианской, православной традицией.

В третьей части сборника помещены материалы, освещающие этические и эстетические особенности современной литературы Орловского края. Анализ особенностей литературного процесса на Орловщине осуществляется в форме научных эссе, в которых логико-дискурсивная подача материала сопровождается приемами образного метаописания, что позволяет значительно повысить объясняющую силу и репрезентативность представленных исследований. С предыдущими частями книги этот раздел сборника объединяет доминирующая методологическая установка, ориентация на раскрытие духовно-нравственных основ отечественной культуры.

ЧАСТЬ I

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Аксиологические основы дидактики К.Д. Ушинского

В отечественной научной литературе достаточно активно обсуждается вопрос об аксиологических основах современной педагогики. При этом выдвигается и развивается идея «человекоцентрированного образования», обеспечивающего непрерывную связь времен, равновесие личности и общества, гармонию человека с природой и «с самим собой»¹. В качестве одного из источников антропоцентрической аксиологии указывается концепция развивающего обучения. В числе основоположников данной концепции указывают великого русского педагога К.Д. Ушинского². В этой связи отметим, что – принцип современного развивающего обучения был сформулирован Л. С. Выготским в 30-х годах текущего столетия, суть его выражает тезис о ведущем значении обучения для умственного развития детей школьного возраста. Нельзя не принять во внимание и тот факт, что главную задачу развивающего обучения Л. С. Выготский и его ученики видят в «энергичном преодолении природы культурой, натуральной формы идеальной». Между тем К. Д. Ушинский подчеркивал: «школа не имеет права вторгаться в чуждую ей область и мешать своими уроками влиянию других воспитателей: природы и жизни»³ [3, с.253].

¹ См., например: Ирхина, И.В. Антропологические ценности в дидактической системе учителя / И.В.Ирхина // Ползуновский вестник.- Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2003, №3-4.

² Катуржевская, О. Теория развивающего обучения в отечественной дидактике второй половины XIX начала XX века / О. Катуржевская // Научно-методический вузовский сборник "Образование в России: история, опыт, проблемы". - Армавир, 1999.

³ Ушинский, К.Д. Полн. собр. соч., т.IV. - М.-Л., 1949, с.253.

Атмосфера сциентизма, поклонения разуму, интеллекту человека, характерные для нашей современной цивилизации, были чужды К. Д. Ушинскому, всегда подчеркивавшему приоритет «логики природы», «естественной системы» перед абстрагированными научными системами. Это исключает гипостазирование научных понятий, наделение их статусом действительных, реально существующих вещей. Подобное гипостазирование, в частности можно увидеть в тезисе: «есть особая «область жизни», которая называется развитием» (Б. Д. Эльконин). Для современных систем развивающего обучения доминирующей является установка на стимулирование интеллектуальной способности ребенка, при этом организация его внутреннего мира остается без должного внимания. Перегрузка детей информацией, стремление к теоретическому усложнению материала притупляет и ослабляет детей духовно, тормозит развитие других сторон их личности.

Дидактическая аксиология К.Д. Ушинского предполагает введение детей «в понимание естественной системы, которая служит основанием для систем научных». Развитие ума ребенка осуществляется не путем обогащения его теоретическим материалом, но путем развития его умения наблюдать за жизнью, ставить и разрешать вопросы, которые она выдвигает.

Понимание человека как пучка социальных функций, выступающее в качестве методологической основы отечественных систем развивающего обучения (в прошлом и настоящем) восходит, в конечном счете, к марксизму (ср. определение ребенка у Д. Б. Эльконина как «части совокупной производительной силы, создаваемой совме-

стно детьми и взрослыми»), а также к педагогическим идеям утопического социализма, согласно которым ребенок рассматривался как «чистая доска». Ушинский предостерегает о той опасности для общества и человечества, которая может произойти, если образование и воспитание сдвинется с христианских основ. При этом он перечисляет плоды, которые могут вырасти в детских душах под воздействием материалистических воззрений: «оправдание деспотической власти одного человека над другим, презрение к человеческой личности, равнодушие к праву и правде. Полная несправедливость отношений, уважение к одной силе, жестокость»¹.

Согласно К. Д. Ушинскому, целью, идеалом педагогики является «совершенный человек». В первом томе «Педагогической антропологии» он сначала отмечает, что «вечно предшествующий идеал педагогического искусства есть совершенный человек», а затем пишет о том, что педагогика «стремится к идеалу, вечно достигаемому и никогда вполне недостижимому: к идеалу совершенного человека». Ушинский говорит о «совершенном человеке» не просто как об умозрительной совокупности социально значимых качеств, вырабатываемых у детей путем усилий педагогов, но как о **вечно предшествующем и вечно достигаемом** идеале – и это вызывает у нас представление о некоей вечной реальности. Что же это за Реальность? В «Материалах к третьему тому «Педагогической антропологии» мы находим прямой ответ на этот вопрос: «Этот идеал надобно внедрять детям с детства, а этот идеал Христос. Каждый христианин рожден для высшего совершенства!»².

¹ Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т. VIII. – М.-Л., 1950, с. 716.

² Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т. X. – М.-Л., 1950, с. 323.

Христианский архетип «Родного слова» К. Д. Ушинского и его отражение в структуре и содержании традиционных учебников - хрестоматий для начальной школы

К. Д. Ушинский признан классиком отечественной педагогики. Это признание выражается в выпусках многотомных собраний сочинений, в наличии многочисленных исследований, посвященных педагогическим взглядам К. Д. Ушинского, в высоком «индексе цитирования» его работ. Вместе с тем есть все основания утверждать, что мы не смогли до сих пор осмыслить и освоить главное в творческом наследии великого педагога, то, что составляет суть, ядро его дидактической системы – православную антропологию К. Д. Ушинского. Долгое время официально считалось, что христианское мирозерцание К. Д. Ушинского мешало его педагогической деятельности, успех которой обеспечивался вопреки его « религиозным верованиям». В данном случае мы имеем классический пример «точности наоборот». Необыкновенный эффект дидактической системы великого педагога был достигнут не вопреки, но благодаря православию К. Д. Ушинского.

Православное мировидение играет роль внутренней формы, своеобразного «архетипа» (в том смысле, который вкладывал в этот термин Платон) знаменитой учебной книги К. Д. Ушинского «Родное слово». Важное место в первоначальном варианте книги играли рассказы из Священной истории, статьи, посвященные христианским праздникам, библейские заповеди и молитвы. Исключение всех этих важнейших составных частей книги в академическом издании «Род-

ного слова» 1949 года существенно нарушило структуру учебника, в основу которой был положен не фенологический принцип наблюдений за сменой времен года, но идея литургического православного годового круга. Сам К. Д. Ушинский в своей «Книге для учащихся» выделяет этот момент как центральный и важнейший: «Для ребенка Светлый праздник и весна, Рождество и зима, Спас и спелые плоды, Троица и зеленые березки сливаются в одно могучее впечатление, свежее и полное жизни... Первое знакомство с евангельскими событиями всего удобнее совместить с объяснением предстоящих праздников: здесь и церковная служба, и рассказ матери, и праздничное чувство ребенка – все соединяется, чтобы оживить то или другое событие¹. Идея целостного и гармонического литургического сознания, пронизывающая «Родное слово», определяет характер, содержание и расположение всего дидактического материала в книге - от изречений нравоучительного характера (типа: «Чти отца и мать твою...», «Добро не умрет, а зло пропадет» и т. п.) до отдельных литературных произведений. Так, например, стихотворение Ф. И. Тютчева «Весенние воды» помещено – под рубрикой «Светлый вторник»: воскресение природы традиционно в православии рассматривается как прообраз воскресения Христа (вспомним «Слово» митрополита Иллариона); радость и торжество, звучащие в словах: «Весна идет! Весна идет», сродни ликующей радости пасхальных песнопений².

¹ Ушинский, К.Д. Полн. собр. соч., т. VI. – М.-Л., 1949, с. 321-322.

² Ср.: «Воскресения день, просветимся, людие: Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поюция»; «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля, и преисподняя: да празднует убо вся тварь востание Христово, в немже утверждается»; «Богоотец убо Давид, пред санным ковчегом скакаше играя, людие же Божии святии, образов сбытие зряще, веселимся Божественне, яко воскресе Христос, яко Всесилен»; «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иног жития, вечнаго, начало, и играюще поем Виновнаго, Единаго благословеннаго отцев Бога и препрославленнаго» и пр.

«Родное слово» К. Д. Ушинского послужило прообразом большинства книг для чтения в начальной школе, созданных в России в XX веке. Несмотря на различные (как правило, атеистические) мировоззренческие установки авторов этих книг, влияние политической конъюнктуры и злобы дня, свет первоначального образца продолжает пробиваться сквозь позднейшие тяжеловесные и грубые напластования. В ряде случаев сохраняется название «Родное слово» и распределение материала в соответствии с годовым циклом, сохраняются также многие из первоначальных текстов изречений, басен, сказок, стихотворений и пр. При этом не редко происходят весьма характерные трансформации, типичным примером которых является замена рассказа К. Д. Ушинского «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой» на заглавие «Хлеб». Сохранив характера материала, а также порядка его расположения обуславливает значительную суггестивную силу ряда традиционных учебников – хрестоматий для начальной школы, что связано с подспудным воздействием внутренней формы, христианского архетипа «Родного слова» К. Д. Ушинского.

В большинстве современных экспериментальных разработок для начальной школы наблюдается стремление к радикальной перестройке структуры и содержания книг для чтения. При всей интеллектуальной изощренности концептуальных основ инновационных учебников и программ, они заключают в себе опасность серьезных и невозполнимых утрат, связанных с отрывом от духовных корней русской культуры.

Педагогическая антропология К.Д.Ушинского и современность¹

Ян Амос Коменский писал в «Великой дидактике»: «Человеку как микрокосму присуще все и нет необходимости вносить что-либо со стороны, кроме света: он сам все увидит»². В этих словах выражена суть христианского подхода к обучению и воспитанию: человек – образ и подобие Божие и поэтому ему «присуще все», однако его изначальное совершенство затемнено, омрачено грехопадением, отсюда необходимо внести в него свет, необходимо *просвещение*. Слово «просвещение» в христианской святоотеческой традиции является синонимом Крещения, приобщения ко Христу («крещение» образовано от «крест», что первоначально обозначало «Христос»), Иисус Христос искупил грех Адама, сделав возможным просвещение затемненной природы человека.

В святоотеческих книгах говорится: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его во дно адово». Эти слова очень точно характеризуют ситуацию, в которой оказывается культура, стремящаяся освободиться от «ига» христианства. Рекомендации быть хорошим и делать добро не спасут человека от бездны, которая таится внутри него. «Христианская нравственность не может пережить учение, служащее ей истоком, – пишет Алексей Степанович Хомяков, – корысть и страсть легко побеждают привычку». Омраченный страстями ум человека склонен принимать за истину и добро их обманчивые призраки. По словам Св. Серафима Саровского, «воля Божия и

¹ Выступление на IV Всероссийско научно-практической конференции, посвященной изучению педагогического наследия К.Д. Ушинского (г. Курск, 5 мая 1999 г.)

² Коменский Я.А. Великая дидактика// Я.А.Коменский. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1955, с.296.

всеспасительная в том только и состоит, чтобы делать добро для стяжания Духа Святого». Подлинная любовь к ближнему без любви к Богу невозможна, так как не имеет онтологической основы, не укоренена в существовании. «Бог есть» - это значит есть добро и любовь.

Главной проблемой современного образования является проблема идеала, без решения которой бессмысленными и мертвыми являются и все самые продуманные до мелочей стандарты, планы, и самое современное техническое обеспечение, и самые современные методы обучения. Можно говорить о деполитизации школы, но не о ее деидеологизации. Лишить ее идеала – значит лишить ее души. Вы спросите, есть ли такой идеал у отечественной школы? Да, есть! Этим идеалом живет отечественная школа уже более тысячелетия, со дня Крещения Руси. «Идеалом совершенства» называет его К.Д. Ушинский. Он пишет: «Этот идеал надобно внедрять детям с детства, этот идеал – Христос». ¹ Заслугой Ушинского является то, что он кладет этот Идеал во главу угла своей педагогической системы, создавая такие формы подачи материала, такие методы учебной работы, которые сами по себе, в силу своих глубинных основ оказались способными нести свет христианского мировидения, благотворно воздействовать на души детей и в богоборческие годы нашего образования.

Мы только начинаем сегодня подходить к пониманию всей глубины и органичности связи трудов К.Д. Ушинского с православной святоотеческой антропологией. Само строение его «Педагогической антропологии» соответствует святоотеческим представлениям о трехчастности строения человека: тело, душа, дух. Первые два тома

¹ Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т. – Т.Х. – М.-Л., с.323. Далее при ссылках на это издание в скобках указывается том и страница.

посвящены телу и душе. В последнем томе рассматриваются вопросы, связанные с духовной природой человека. Соответствует также святоотеческой традиции и применяемый в «Педагогической антропологии» метод изучения души человека – метод непосредственного наблюдения над собственной душой: «На основании этих-то воспоминаний душой своей истории человек полагает возможным действовать на душу другого человека и избирает для этого именно те средства, действительность которых испытал на самом себе»¹. Подобный подход в принципе отличается от той абстрактной психологии, которая изучается в наших университетах, которая равняется на естествознание, видя в нем образец научности, и тем самым превращает человека в механическую систему.

Святые отцы путем самопознания, путем истинных первопродцев извели все пустыни и бездны падшей души человека, ни один их совет не носит отвлеченного характера, все они проистекают из их собственного опыта. Не мыслит иного пути для педагога и К.Д.Ушинский, требуя от воспитателя истинного христианского смирения, при котором «человек с глубокой болью в сердце осознает свою испорченность и все свои скрытые пороки и преступления своей жизни, сознает даже и тогда, когда толпа, видящая только внешнее, а не внутреннее, называет эти преступления безразличными поступками, а иногда и подвигами»². В этих словах раскрывается подлинный масштаб личности К.Д. Ушинского, вся глубина его самосознания и смирения, в котором великий русский педагог справедливо усматривает главный источник творчества.

¹ Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т. VIII. – М.-Л., 1950, с. 47

² Там же, с.26.

Наибольшей новизной, гениальностью прозрений отличаются материалы к третьему тому «Педагогической антропологии», который был посвящен духовной стороне человека и, как известно, остался недописанным. Однако и в других двух томах, где с педагогической точки зрения рассматриваются физиология и психология человека (его тело и душа), ни на одно мгновение не упускается из виду духовная цель воспитания. Этой целью, согласно Ушинскому является стремление к «идеалу, вечно достигаемому и никогда вполне не достижимому, к идеалу совершенного человека»¹.

Весьма показательное следующее замечание Ушинского, сделанное в небольшом предисловии к первой серии его статей в «Педагогическом сборнике», которые в дальнейшем и легли в основу «Педагогической антропологии»: «Принужденный самим свойством избранного мной предмета встречаться с метафизическими вопросами, я прежде всего старался везде держаться фактов; но если, за недостатком их, мне приходилось выбирать одну из двух одинаково достоверных научных гипотез, то я выбирал ту, которая не противоречит коренным религиозным верованиям человечества, потому что в самой силе этих верований есть уже залог истины».

В заключение физиологической части своей антропологии Ушинский пишет: «Многие боятся естествознания как проводника материалистических убеждений; но это только слабодушное недоверие к истине и ее источнику – Творцу природы и души человеческой. Истина не может быть вредна: это одно из самых святых убеждений человека, и воспитатель, в котором поколебалось это убеждение,

¹ Ушинский, К.Д. Полн. собр. соч., т. VIII. – М.-Л., 1950, с. 689.

должен оставить дело воспитания, – он его не достоин. Языческий бог обманывает, хитрит, притворяется, потому что он сам – создание человеческого воображения: христианский Бог – сама истина. Пусть воспитатель заботится только о том, чтобы не давать детям ничего, кроме истины...»¹.

В начале же психологической части «Педагогической антропологии» читаем: «...истина, добытая рассудком из наблюдений и опытов, признается нами совершенною истиною только в том случае, если она сходится с нашими врожденными верованиями... мы признаем полную истину только наших врожденных верований, в том же, что им противоречит, видим только истину временную, относительную, опытную, ограниченную, рассудочную, а не разумную»².

Еще решительнее приоритет христианских ценностей отстаивается Ушинским по отношению к социальным и политическим факторам жизни человека и человечества. В 60-е годы XIX века среди молодежи пользовалась широкой популярностью идея разумного эгоизма, суть которой заключается в следующем: «Для того, чтобы человек был счастлив или наслаждался, какого рода эти наслаждения ни были, ему необходимо жить в обществе, а потому он должен быть счастлив так, чтобы это не мешало счастью других, чем общая доля счастья увеличится, а вместе с тем увеличится и доля счастья каждого человека»³. Ушинский убедительно показывает языческую подоплеку этой идеи, ее несовместимость с христианским мировоззрением:

«Это умеряющее начало общественности могло еще держаться в

¹ Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т.VIII. – М.-Л.,1950, с.662.

² Там же, с.677.

³ Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т.IX. – М.-Л.,1950, с.498.

языческом мире, где личность человека вообще уступала государству; но оно уже решительно не может держаться в мире христианском, после того, как христианство самую личность человека, его душу сделало целью всей истории человечества. После этого великого переворота нет уже сомнения, что и всякое общество и государство, и союз государств существует только ради личности человека и в ней одной находит разумное оправдание своего существования»¹.

Конечно, Ушинскому на фоне общего гуманистического оптимизма его времени и в кошмарном сне не могли привидеться чудовищные социально-государственные опыты XX века, нацеленные на уничтожение свободы и самостоятельности личности, отбросившие нас в дохристианскую языческую эпоху. Вместе с тем в «Педагогической антропологии» присутствует великая тревога за человека, порожденная знанием его поврежденной грехом и страстями природы. Школа, согласно Ушинскому, призвана облагораживать социальную жизнь, вносить в нее разумные элементы, «под сенью которых должны обеспечиться от едкой остроты жизни и ее беспрестанных временных увлечений – как нежное беззащитное детство, так и неокрепшая еще пылкая юность»². Ушинский пишет о той угрозе, которую несет в себе отказ от христианских основ образования: «каждый, кто принимается за дело воспитания, прежде чем начать сеять в детские души семена материалистических воззрений, должен посмотреть на плоды, которые могут вырасти из этих семян». На собственном опыте и опыте своих ближайших предков мы могли убедиться в правоте Ушинского: плоды эти мы пожинали и продолжаем пожинать.

¹ Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т. IX. – М.-Л., 1950, с. 499.

² Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т. VIII. – М.-Л., 1950, с. 659-660.

Характеристика предмета педагогики в современных учебниках нередко начинается с критики позиции Ушинского, относившего педагогику не к наукам, но к искусствам. Полемический пафос оппонентов Ушинского во многом обусловлен воздействием на них общепринятой сегодня системы ценностей, в которой наука занимает вершинное положение. Мы все в той или иной мере вольно или невольно исповедуем сциентизм – религию современной технотронной цивилизации. Однако для Ушинского наука не является высшей ценностью. Признавая необходимость освоения школой научных достижений, великий русский педагог далек от обожествления науки, рассматривая ее как порождение способностей души человека, его разума, присущего, согласно Ушинскому, в определенной мере, и животным.

Искусство же, по Ушинскому, относится к сфере духа и разума человека и вместе с нравственностью выступает как практическое осуществление религиозного идеала в жизни: «Наука только изучает существующее или существовавшее, а искусство стремится творить то, чего еще нет, и перед ним в будущем несется цель и идеал его творчества»¹. При таком подходе высшей целью педагогики как искусства становится обучение творчеству жизни, «вечно предшествующий идеал этого искусства есть совершенный человек»². Данная мысль получает наиболее открытое и полное выражение в материалах к III тому «Педагогической антропологии», которые, к сожалению, так и не стали достоянием широкой педагогической общественности России ни в XIX веке, ни в веке двадцатом. Ушинский здесь ставит и

¹ Ушинский, К.Д. Полн. собр. соч., т. VIII. – М.-Л., 1950, с. 12

² Там же, с. 13

разрешает один из сложнейших вопросов философской антропологии – вопрос о соотношении эстетики и этики, красоты и добра.

Источник эстетического чувства, по Ушинскому, – это врожденное стремление к совершенству: «Язык прекрасного – гармония, врожденная и душе и телу, но само прекрасное – Бог»¹. Красоту же Ушинский определяет так: «сила истина в такой форме, что она делается доступна чувству без посредства рассудка»². При этом он восклицает: «Сердцем веруется в правду» – вот девиз художества»³.

«Вид распятого Христа – уж с одной художественной стороны действует победоносно. *«Смирился до смерти, смерти же крестная,* - тут смирению пределов уже нет; оно разорвало все пределы и стало божественным творчеством. Чтобы *так* смириться – нужно смирение, создавшее мир»⁴.

Нравственность, по Ушинскому, ни в коем случае не является проекцией государства и общества, ее основанием является евангельское «люби другого как самого себя»: «способность самосознания, самооценка и стремление к истинному совершенству, раскрытому в сердце Евангелием, - стремление быть совершенным в глазах самого себя и возможность удовлетворить этому стремлению во врожденном чувстве любви к благу, счастью, свету, истине – вот основания человеческой морали»⁵.

Эстетическое и нравственное, таким образом, выступают у Ушинского как формы вечно расширяющейся деятельности, божественного творчества, стремящегося к совершенству: «Эта деятель-

¹ Ушинский, К.Д. Полн. собр. соч., т.Х. – М.-Л., 1950, с.254.

² Там же, с.256.

³ Там же, с.269.

⁴ Там же, с.267.

⁵ Там же, с.311.

ность доступна всякому и во всяком положении, хотя в безграничности она доступна только Творцу»¹. К сказанному необходимо добавить то, что красота и добро в «Педагогической антропологии предстают не как умозрительные отвлеченные понятия и не как функции человека, но как реальное и живое целое, явленное нам в образе совершенного человека – Иисуса Христа. Ушинский восстанавливает тем самым изначальный смысл слова «образование». В качестве внутренней формы этого слова выступает понятие «образ». Образование изначально в Древней Руси рассматривалось как воссоздание в человеке образа и подобия Божия. В заключение приведу еще одну цитату из «Материалов к третьему тому «Педагогической антропологии»:

«Оставим в стороне всякое догматическое значение наших церковных служений и торжеств – взглянем на них глазами этики языческой: что выражено в них? Торжество нравственности, всемирное торжество в ранах, рубище, посреди насмешек, поруганий, под побоями, на кресте, в гробе, наконец, нравственности, от которой все, даже преданные ученики бежали, торжество тем более сияющее. Чем более оно унижено... Что более возвышенного, укрепляющего, эстетического может дать человеческая философия, история, искусство?

Вот та укрепляющая атмосфера, в которой воспитывается христианское дитя. Очищайте ее от миазмов, если по слабости и невежеству людей она наполнена ими; но не извлекайте из нее детей, если не хотите, чтобы за неимением нравственного воздуха они задохнулись в прозаизме жизни, в постоянном трепете о куске хлеба и т.д.»².

¹ Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т.Х. – М.-Л.,1950, с. 284.

² Ушинский, К.Д Полн. собр. соч., т.Х. – М.-Л.,1950, с. 321

Эти слова Ушинского обращены ко всем нам. Именно от нас, поскольку мы приняли на себя роль педагогов-детоводителей, зависит воссоздание в наших школах укрепляющей христианской атмосферы, без которой невозможен духовный, нравственный и эстетический рост человека.

Духовные традиции отечественного образования и развитие языковой личности младшего школьника

«Традиция – познаваемый в коммуникативном опыте мир, он передается нам как постоянно открытая бесконечная задача»¹. В этом высказывании Георга Гадамера сформулирована одна из окончательных проблем современного мира - проблема творческого освоения культурного наследия человечества. Традициями обеспечивается устойчивость мира, а значит, и возможность любого роста. Диалог с традицией, как и любой диалог, предполагает терпимость к иному образу мысли, иному образу жизни, желание слушать и услышать. К сожалению, эта терпимость и желание услышать недостаточно присутствует в современных отечественных концепциях инновационного обучения, где «традиция» становится словом с резко выраженной отрицательной оценочной коннотацией. Весьма показательны в этом отношении материалы Первого научно-практического семинара психологии и организации школьного образования, вышедшие под названием «Инновационное обучение: стратегия и практика» (М., 1994). В ряде статей этого сборника объявляются порочными традиционные стратегии сохранившейся, сложившейся веками системы органов образования и развивается тезис о деструктивной роли традиционной школы по отношению к личности. Иными словами, все, что может быть отрицательного в педагогической деятельности, приписывается традиции. Положительные же результаты обучения, согласно этой крайней позиции, достигаются исключительно благодаря пе-

¹ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. - М., 1991., с.15

дагогическим инновациям. Вместе с тем при внимательном рассмотрении обнаруживается, что оппозиция «традиция - инновация» носит в значительной степени не научный, но риторический характер. Даже в том случае, если ставить знак равенства между традицией и репродуктивными методами обучения, данные методы далеко не всегда оказываются столь плохими и не эффективными, как это утверждают. Их исключение из практики образования не является целесообразным. Это прекрасно доказывает американский опыт, а также опыт многих европейских стран, где репродуктивное и поисковое обучение не противопоставляются в духе привычного для нас непримиримого антагонизма, но успешно дополняют друг друга.

Однако понятие «традиция» в образовании далеко не сводится к репродуктивным методам обучения. Оно включает в себя многое из того, что объявляется прерогативой недавно изобретенных инновационных педагогических стратегий. Внимательное изучение традиций отечественного образования позволяет существенно расширить горизонт педагогических поисков, повысить их объясняющую силу, придать им разумно-жизненный смысл. Особое значение в этой связи имеет обращение к духовным традициям отечественного образования и, в частности, к традициям педагогики К.Д. Ушинского.

Ушинского принято называть в числе основоположников концепции развивающего обучения. Вместе с тем его дидактика, в отличие от современных систем развивающего обучения совершенно чужда абсолютизации формирования рассудочной, интеллектуальной способности ребенка, игнорирования духовной стороны развития его личности. Заметим, что для Ушинского развитие рассудочной спо-

способности никогда не было главной задачей. Эта способность, согласно Ушинскому, неотделима от животной природы человека, от его души. Есть животные, которые проявляют весьма развитую рассудочную способность - пчелы, муравьи, пауки. Человека же отличает от животных самосознание, дух. Ведущей целью образования по Ушинскому является не интеллектуальное, но духовное развитие человека. Это развитие тесно связано с языком, религией, этикой, искусством. Относя грамматику к числу наук, очеловечивающих человека, К.Д. Ушинский придает ей значение важнейшего средства становления самосознания дитя, вступающего благодаря грамматике в духовное обладание сокровищами родного слова. Тем самым грамматика становится важнейшей ступенькой духовного роста ребенка, становления и развития его языковой личности. Сегодня во всем мире гуманитаризация образования проходит под знаком герменевтики и риторики. Способности понимания и говорения являются сторонами одной и той же языковой способности, развитие которой предполагает не просто обогащение ума учащегося лингвистическим материалом и соответствующим понятийным аппаратом, но формирование самосознания, рефлексии ребенка: «Я понял. - Что именно я понял?»; «Я знаю. - Что именно я знаю?» В данном отношении дидактические традиции К.Д. Ушинского приобретают для нас неоценимое значение.

К.Д. Ушинский отрицает абсолютизацию теоретических абстракций. И в этом его позиция сближается с позицией Иоганна Вольфганга Гете, который указывал: «Теория сама по себе не нужна, она полезна лишь постольку, поскольку она дает нам веру в связь яв-

лений»¹. К.Д. Ушинский вводит детей в понимание естественной системы, которая служит основой для систем научных через работу над текстом, посвященным описанию человеческого тела. Дети при этом практически овладевают навыками изобретения речи, темами «сравнение», «часть – целое», «род – вид». В этой связи уместно вспомнить еще одно высказывание Гадамера из его статьи «Риторика и герменевтика»: «Речь должна быть не простой рядоположенностью слов и фраз, любая речь должна быть организована как живое существо со своим телом, с ногами и руками, внутреннее и внешнее должны состоять в гармоническом соотношении между собой и со всем целым»²

В последние два десятилетия риторика активно вводится в отечественной начальной школе, однако эти педагогические инновации ограничиваются в основном речевым этикетом и изобразительно-выразительными средствами речи. Задача же формирования речевой рефлексии, навыков изобретения речи в современной начальной школе не ставится.

На факультете педагогики и методики начального обучения Орловского Государственного Университета в системе непрерывного образования «колледж – вуз» в течение ряда лет велась подготовка студентов по специализации «Развитие языковой способности учащихся начальных классов». В числе задач этой специализации выступало освоение традиций дореволюционной отечественной школы и, в частности, русского речевого идеала вкупе с последними достижениями мирового риторического Ренессанса. Для русского речевого идеала, как и для ряда европейских риторических школ, характерен

¹ Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. - Л., 1957, с. 404.

² Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. - М., 1991, с.201.

принцип диалогического гармонизирующего воздействия, восходящий к традициям Сократа, для которого подлинное риторическое искусство было неотделимо ни от знания истинного, ни от знания души. Переосмысление духовных традиций отечественного образования в контексте современности было положено в основу еще одной специализации. Ее название – «Формирование духовных основ языковой личности младших школьников». Целью данной специализации была углубленная лингвокультурологическая подготовка студентов, центральным звеном которой являлось изучение церковнославянского языка и методики его преподавания в начальной школе. Русский национальный литературный язык унаследовал общеславянское достояние, освоил сокровищницу церковнославянской грамоты как кровнородственное общезыковое целое. «Язык – дом бытия», - гласит ставшее крылатым изречение Мартина Хайдеггера. Освоение русского языка как дома бытия русского народа неотделимо от освоения его церковно-славянских корней. И это не имеет ничего общего со стремлением к национальной замкнутости. Изучение церковнославянского языка - это путь к освоению общего европейского достояния – христианской культуры, культуры Византии и античности, ибо древнецерковнославянский (старославянский) язык представляет собой в известном смысле «кальку» с древнегреческого языка. Как отмечал выдающийся русский поэт и культуролог Осип Мандельштам, мы не имеем своего Акрополя, своего Колизея, но мы имеем язык, воспринявший, воплотивший в себе традиции античности. И эта традиция донесена до нас в просветленном и одухотворенном виде через посредство церковнославянского языка.

В числе проблем, которые часто выносились на обсуждение отечественной педагогической общественности в 90-е годы прошлого столетия заметное место занимала проблема деидеологизации образования. Вместе с тем, на наш взгляд, неправомерно ставить знак равенства между понятиями «деидеологизация» и «деполитизация».

Образование нельзя лишить идеи, под которой следует подразумевать прежде всего цель, к которой педагоги-детоводители ведут своих питомцев. Духовные традиции отечественного образования неотделимы от поиска и установления этой цели, заключающейся, согласно К.Д. Ушинскому, в идеале «совершенного человека», воплощенном в Иисусе Христе.

«Идеал совершенства» как цель и смысл педагогического творчества¹

В начале Евангелия от Иоанна сказано: «И свет во тьме светится, и тьма его не объят». Эти вечные слова приобретают особый смысл в ситуации современного отечественного просвещения, ситуации современной русской культуры. Давление окружающей тьмы сегодня как никогда велико. Но вместе с тем как никогда велико напряжение духовных сил нашего народа и его лучшей и самой светлой части – нашего учительства. Как никогда остро переживается необходимость восстановления духовно-нравственных приоритетов нашего образования.

Образование изначально в Древней Руси рассматривалось как воссоздание в человеке образа и подобия Божия. Преподобный – это тот, кто восстановил в себе изначально богоподобие, осуществил в своей жизни идеал совершенства. Не случайно главными книгами для чтения в Древней Руси были жития святых. Эти книги играли выдающуюся дидактическую роль, наглядно показывая возможность творчества жизни – высочайшего из всех видов творчества.

Замечательным образцом современной житийной литературы и ценным пособием для нашего юношества выступает книга «Глинский патерик»², созданная выдающимся русским педагогом, преподавателем Московской Духовной Академии схиархимандритом Иоанном Масловым. «Глинский патерик» являет миру целую плеяду неведомых ему светильников духа. Они скрывались от мира во время своей жизни, чуждаясь славы земной и в то же время, по смирению своему,

¹ Выступление на Международном форуме «Глинские чтения» (г. Сергиев Посад, 28 июля 2005 г.).

² Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Глинский патерик. – Москва: «Самшит», 1997.

считая себя недостойными и славы Божьей. «Огарок догорает. Смерть на носу, глаза оловянные, глупый». Так говорил о себе схимонах Архип. Часто он повторял: «Свеча жизни догорает, се зрю гроб пред собой. Смерть стоит за мной, суд Божий надо мной... Что сотворю? Господи помилуй!» Вместе с тем духовное величие преподобного Архипа было несомненно. Бог прославил его еще при жизни явлением ряда чудес. Однажды по молитвам святого подвижника в непроглядную темную ночь неземным светом был освещен путь глинских насельников в чаще леса.

Будучи сам человеком высокой духовной жизни, автор «Глинского патерика» схиархимандрит Иоанн Маслов доносит до читателя свет и тепло святоотеческого предания, явления благодати Божьей в наше время и передает суть учения глинских старцев в отточенных и глубоких образных формулах.

Так он пишет о схиархимандрите Иоаникии: «Даже лицо его носило отпечаток постоянной самособранности». Схиархимандрит учил «возделывать ниву своего сердца молитвой». Архимандрит отец Макарий, неустанно читая и проникаясь глаголами жизни вечной, изобильно вселяя в себя слово Христово, старался им мыслить, чувствовать, говорить». О монахе Израиле: «Работа над умом и сердцем была его непрерывным внутренним занятием». В «Глинском патерике» Иоанна Маслова, воскрешающем древнерусский житийный жанр патерика, мы находим целые россыпи духовных изречений, имеющих неопределимое назидательное значение: схимонах Симон: «Смирение — это способность видеть истину»; схимонах Никита: «Шествие по пути спасения совершается в сердце и сердцем»; иеросхимомонах Иона:

«Православная церковность со всеми священнодействиями и правилами ее есть великое поле духа и возрастающая сила жизни...»; схимонах Варсонофий: «Молитва есть дыхание души. Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит святым, таинственным воздухом...»

Отец Иоанн Маслов пишет об одном из своих духовных наставников, схиархимандрите Серафиме Амелине: «Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нес отец Серафим всем окружающим, объединял миром и любовью разных людей. Какое-то излучение от него шло, теплота духовная, поэтому достаточно было побыть рядом, чтобы все получить: и утешение, и умиротворение, и разрешить вопросы, ничего не спрашивая»¹.

«Теплота духовная» - это определение лучше всего выражает то, что несет с собой Православие в наш охладельный, сиротствующий мир. Где истоки этого тепла? Ответ на этот вопрос находим в «Глинском патерике»: «В лице Иисуса Христа дается не просто пример, но живая, вечно действующая Божественная Личность, с которой пастырь теснейшим образом связывается, от Которой он может постоянно черпать живую благодать».

Книги Иоанна Маслова сегодня рекомендованы Министерством образования РФ к использованию в качестве учебных пособий для школ и вузов России. Одной из этих книг является «Глинская пустынь. История обители»². Здесь у многих могут возникнуть вопросы. Какое отношение к учебно-воспитательному процессу в школе и вузе

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Глинский патерик. – Москва: «Самшит», 1997., с.580.

² Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI-XX веках. – Москва: «Самшит», 1997.

может иметь издание столь «специального» характера? Не будет ли она слишком сложна и непонятна для учащихся? Что именно может дать труд магистра богословия для воспитания и образования школьников и студентов? Каждый педагог, который приступает к работе с книгой Иоанна Маслова, должен быть готов ответить на эти вопросы. Учебно-методическая и воспитательная ценность «Глинской пустыни» определяется в первую очередь тем, что при работе с этой книгой учащиеся получают возможность ознакомиться с духовными истоками отечественной истории. Схиархимандритом Иоанном Масловым раскрывается та глубинная связь, которая существует между жизнью монастырей и жизнью России. Учащиеся получают возможность прикоснуться к родникам духовности, незримо питающим древо государственности российской. При этом книга насыщена и различными ценными историческими сведениями, изложенными в доступной и наглядной форме. Перед нами разворачивается панорама многообразной деятельности монастыря на протяжении столетий. Факты, выразительные наглядные примеры, приводимые автором, свидетельствуют о том, что Глинская пустынь была не только крупнейшим духовно-просветительским центром, но и крупнейшим центром земледелия, ремесел, благотворительной деятельности. В истории обители были периоды процветания и упадка. Важнейшее воспитательное значение имеет вывод Иоанна Маслова о том, что процветание Глинской пустыни было связано не столько с внешним, сколько с духовным возрастанием обители. В этом выводе получают отражение учительные традиции глинских старцев, которые любили повторять: «Устроится внутреннее, тогда и внешнее устроится».

Схиархимандрит Иоанн Маслова приоткрывает сокровенную суть духовной жизни монахов Глинской пустыни, давая возможность в какой-то мере осознать, понять истоки той светоносной силы, которую являют перед нами творения, слова и дела насельников достославной обители. Так, он обращает наше внимание на смысл некоторых обрядов, отличающих богослужение в Глинской Пустыни. Один из них – ношение диаконами по церкви гробниц (дарохранительниц). Объясняя сущность этого обряда, схиархимандрит Иоанн приводит слова автора «Исторического описания Глинской Богородицкой пустыни»: «... гробницы, в которых Божественные Тайны на Святом престоле хранятся, изображают гроб Спасителя... когда диаконы выходят из алтаря и являются с гробницами на плечах и с кадилами в руках, тогда умы верующих обращаются к воспоминанию радостного о Христовом Воскрешении благовестия, которое мирносицы приняли от ангелов, явившихся в ризах блистающих и глаголавших им: «Иисуса Распятого ищите? Несть zde, но воста, придите, видите место, идеже лежа Господь»¹.

Пасхальная радость, реально переживаемая монахами во время каждого богослужения в течение всего года, отражается во всех проявлениях жизни обители. Этой светозарная радость присутствует в учении глинских старцев и, прежде всего, в творениях и поучениях самого схиархимандрита Иоанна Маслова.

Книга «Глинская пустынь» проникнута духом Православия, но в ней вместе с тем получает отражение и дух русской истории, дух русской словесности. Приведем в этой связи характерный пример –

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI-XX веках. – Москва: «Самшит», 1997, с.128.

обращение старца Филарета к императору Николаю I:

«Трудно ли отеческому сердцу Вашего Императорского Величества, оказав благостыню убогим инокам, не оставить в печали, утешить и добрых поселян! Трудно ли Благочестивому Царю, Владыке полушария земного, подобиться Царю Царствующих, Вседержителю Вселенных! рекшему: «Будите убо милосердии, якоже и Отец Ваш милосерд есть»¹.

Возвышенность слога о. Филарета сочетается с возвышенным содержанием: отдавая дань монаршему достоинству, старец при этом полностью чужд человекоугодия, он исполняет долг пастыря, пекущегося о спасении души царственного адресата, пробуждает в нем живые христианские чувства, желание следовать за Христом

Схиархимандрит Иоанн пишет: «Глинские подвижники, имея дух молитвы, с великим дерзновением просили за народ. Поэтому в храме Глинской пустыни душа сама устремлялась ввысь, возгоралась любовью ко Господу. Недаром старцы любили поучать: «Будь свечой горящей!».

«Я есмь путь, и истина, и жизнь», - сказал Христос. Будучи жизнью, Христос дарует нам спасение от смерти души. Будучи истиной, Он составляет главное содержание нашего познания и обучения. И, наконец, будучи путем, Христос указывает нам способы и формы спасительной и творческой деятельности.

Иисус Христос является одновременно и идеалом педагогики и идеалом педагога.

Проповедь Спасителя представляет собой прообраз всякой педа-

¹ Там же, с.177.

гогической деятельности. Наш Божественный Учитель выступает основоположником науки и искусства гомилетики – духовной беседы, формы организации и проведения которой лежат в основе урока и лекции как основных видов учебной деятельности, начиная со Средних веков.

Глубокий анализ учительства, педагогики Спасителя осуществляет схиархимандрит Иоанн Маслов в своих «Лекциях по пастырскому богословию». В первую очередь здесь отмечается общественная сторона учительства Христа. Иоанн Маслов пишет: «Выступая со своей проповедью, Иисус Христос требовал от людей пламенной веры, жертвенной любви, полного переворота во всем строе внутренней личной жизни. Все личное в жизни человека должно перестроиться на общественное, греховное – на чистое, земное – на небесное, старое – на новое»¹.

Преодоление самости, отказ от поклонения самому себе, установка на другого являются основой для успешной деятельности любого учителя, для его плодотворного служения обществу.

Педагогическое мастерство учителя предполагает умение излагать свои мысли с учетом состава и характера обучаемых. Иисус Христос являет нам образец и в этом отношении. Схиархимандрит Иоанн Маслов указывает, что всякий раз Христос применялся к обстоятельствам места и времени, строго сообразовывался с высотой умственного и нравственного развития Своей паствы. Он иначе говорил с ученым книжником или образованным саддукеем и иначе – с простым, неразвитым жителем Галилеи. С первыми Он ведет вполне

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Лекции по пастырскому богословию. – М., 2001, с.103.

научные беседы, держит к ним логически стройные и последовательные речи, с последними говорит просто, их собственным языком. Для этого Спаситель прибегает к форме притчи. По словам схиархимандрита Иоанна Маслова, приточная форма речи с одной стороны, служила покровом, прикрывающим слабое человеческое сознание от облистания светом Божественного учения, а с другой – она служила и проводником этого света в сознании и сердце слушателя, поскольку то был свет спасительный и необходимый каждому человеку.

Педагогика Иисуса Христа обращена к внутреннему человеку, она ориентирована на восстановление утраченной в результате поражения грехом цельности души человека. Восстановить цельность – это значит исцелить. Снискание чистоты душевной, сознание своей немощи и нищеты, глубокое покаяние создает духоносное и богоносное настроение души, вводит человека в Царство Небесное уже на земле. Итак, заключает схиархимандрит Иоанн Маслов, если Царство Божие внутри нас находится и это Царство есть праведность, мир и радость, то кто их имеет, тот, без сомнения, находится в Царстве Божием и, напротив, которые живут в неправде, раздоре и печали, производящей смерть, те находятся в царстве Дьявола, в аде и смерти...

Учительство Спасителя отличает жертвенность. Вся жизнь Христа была сплошным подвигом служения ближнему – жертвой совершенно бескорыстной. Развивая мысль об общественном служении Христа, Иоанн Маслов пишет: «Его личное, человеческое «Я» состоит, если можно так выразиться, в полном отречении от Себя Самого ради любви к Богу, к людям»¹.

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Лекции по пастырскому богословию, с. 111.

Педагогика буквально переводится с греческого как «детоводительство». Деятельность педагога, ведущего за собой детей, уподобляется деятельности пастыря, который должен стремиться к подражанию Пастыреначальнику Христу. Это подражание, подчеркивает Иоанн Маслов, следует понимать не как внешнее восприятие Христа, а как внутреннее приобщение к его жизни для благодатного питания, духовного возрастания и возрождения: «Аз есмь Лоза, вы же рождие, и иже будет во мне, и Аз в нем, тот сотворит и плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15,5).

От учителя, как и от пастыря, требуется жизнь, согласная с Божественными заповедями. «Вы – соль земли. Вы – свет мира», - говорил Христос ученикам. «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5,13-14). Этими словами Христос побуждает учеников своих к строгой жизни, научает их быть осторожными и требовательными к себе, так как им надлежало явиться перед лицом всех и подвизаться на поприще целого мира.

Альфой и омегой, краеугольным камнем современного образования и воспитания должен стать «идеал совершенства» – Иисус Христос. «Се, стою при дверех...аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему» (Откр., 3, 20). Эти слова Спасителя обращены к нам. Услышим же их!

Воспитание молодежи на основе русских духовно-нравственных традиций¹

В течение последних двадцати лет Международный педагогический форум «Глинские чтения» играет значительную роль в организации и поддержке всенародного движения за духовно-нравственное, христианское, православное просвещение нашего общества. Это движение возникло как естественная реакция народного организма, стремящегося к сохранению и развитию.

Сегодня есть основания для надежды на серьезный успех этого движения. В школах России началось изучение «Основ православной культуры» (модуль учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики»). Получили официальное признание многие замечательные книги, пособия разработки, посвященные духовно-нравственному воспитанию и образованию молодежи. Среди них первостепенное место занимают книги схиархимандрита Иоанна Маслова и Николая Васильевича Маслов, рекомендованные министерством образования для использования в качестве учебных пособий в высших и средних учебных заведениях. Важным достоинством этих книг является последовательная ориентация на святоотеческие православные традиции русской педагогики, на восстановление первоначальных значений слов «просвещение» и «образование», имеющих христианские истоки. «Вера христианская – не система учения, а образ восстановления падшего (в силу смерти Богочеловека, благодати Духа Святого)» - указывает Феофан Затворник.

Во главу угла духовно-нравственного воспитания и образования

¹ Выступление на Третьих Якутских Республиканских рождественских чтениях. (г. Якутск, 13 декабря 2007 года).

в школе должно быть положено знакомство со святоотеческим учением о спасении человека, о восстановлении духовного начала в человеке.

При этом нельзя забывать о том, что современные концепции и системы образования в России, Европе и всем мире во многом ориентированы на атеистические и механистические модели человека и его поведения. Согласно этим моделям, человек представляет собой своеобразный пучок функций – социальных и биологических, проекцию общественного окружения и генетических факторов. Одним из крайних проявлений такого подхода является бихевиоризм, широко распространенный в американской психологии и педагогике и активно тиражируемый во множестве остросюжетных голливудских фильмов, которыми заполнены экраны всего мира. Бихевиоризм постулирует принципиальную предсказуемость поведения человека по принципу: стимул – реакция. Для духа здесь нет места. Отсюда – богоборческая идея манипулирования чувствами, мыслями, волей каждого человека в отдельности и тотального управления человечеством в целом.

Истоки этих идей заключены в веке Просвещения, когда была открыто осуществлена ревизия христианской картины мира, под атеистическим углом зрения пересмотрена вся система понятий, составляющая основу мировоззрения европейцев, и тем самым заложены основы всех последовавших общественных потрясений и политических катастроф. Под лозунгом освобождения от оков мрачного средневековья, обращения к безбрежному наслаждению всеми благами мира происходит неуклонный поступательный процесс отхода от

христианских нравственных ценностей. Меняется оценочная сторона языка. Так, например, в русском языке происходит изменение значений слов «релесть», «гордость», «страсть», «соблазн», «одержимость» и др. То, что с позиции христианства оценивалось как зло и грех, приобретает положительную окраску. Искажение значения одних слов и выход из употребления других – таких, как *кротость*, *умиление*, *воздержание*, *смирение*, *терпение*, *совесть*, *послушание*, *покаяние*, приводит к разрушительным сдвигам в мировоззрении. Перечисленные слова составляют важную часть понятийного аппарата христианского миропонимания. Само употребление этих слов способствует формированию в человеке соответствующих им состояний, христианского мировосприятия и мировоззрения и, опосредованно, нравственного поведения.

Идеи французского Просвещения в 18 веке активно проникают в Россию. И, хотя простой русский народ в своей основной массе оставался православным, значительная часть дворянства, правящего слоя, «элиты», говоря современным языком, была подвержена растлевающим идейным влияниям. Это ясно видели и осознавали богомудрые учителя Русской Православной Церкви, которых именно в это время воздвигает Господь из народа. Первое место в ряду этих наделенных духовным зрением людей занимает Святитель Тихон Задонский. Схиархимандрит Иоанн Маслов пишет: «Святитель Тихон с горестью и болью видел то, что не было доступно простому человеку. Ему были известны не только совершавшие беззакония, но и даже замысливающие их. Среди живущих он усматривает непогребенных мертвецов, которые «ходят одной ногой на земле, а другой во вратах

адовых»¹. Забота о спасении своей души и спасении ближнего подвигает святителя к написанию трудов, которые, будучи опубликованными уже после кончины подвижника, оказывают большое влияние на духовное просвещение и культуру России в 19 и 20 веке. Учение о спасении, созданное святителем Тихоном Задонским, представляет собой христианское благовестие Новому времени. Опираясь на святоотеческую традицию и на собственный духовный опыт, святитель в ясной и образной форме разворачивает перед читателем систему понятий, лежащих в основе христианского вероучения и мировоззрения и составляющих фундамент христианской цивилизации. Схиархимандрит Иоанн Маслов пишет: «Творения святителя Тихона не менее самых высоких подвигов жизни внушают к нему благоговейное почитание». Эти слова могут быть отнесены и к трудам самого схиархимандрита Иоанна - «Учению о спасении святителя Тихона Задонского» и прилагаемой к ней «Симфонии по творениям Тихона Задонского»². Отец Иоанн Маслов не только сумел объединить, сконцентрировать весь доступный материал, связанный с именем Тихона Задонского, но и смог «одухотворить» его, раскрыть спасительную суть, внутреннюю стройность учения святителя, сделав его мысли доступными и доходчивыми для современного читателя.

Труды схиархимандрита Иоанна Маслова можно рассматривать как предпосылку для создания современной педагогики спасения. Начало такой педагогике положено книгой президента фонда благоверного князя Александра Невского, доктора педагогических наук

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. – М.: «Самшит», 1995, с.64.

² Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Симфония по творениям Тихона Задонского – М.: «Самшит», 2003.

Николая Васильевича Маслова «Основы русской педагогики»¹.

В «Симфонии по творениям Тихона Задонского» разворачивается система понятий, составляющих содержание совершеннейшего закона веры и нравственности, который преподал людям Искупитель мира. При этом показывается неразрывная связь нравственности с верой, подлинная любовь к человеку невозможна без любви к Богу.

Одним из центральных понятий, определяющих систему педагогических идей, представленную в «Симфонии», является понятие благодати. При этом указывается, что человек по своей природе бывает удобопреклонен ко греху; победить же немощь своего естества он может только при помощи благодати Святого Духа. Очень важное значение для привлечения благодати в душу человека имеет его **самопознание**, которое именуется у святителя Тихона началом спасения. Человек не в состоянии себя исправить надлежащим образом, если он не познает кроющегося в сердце зла, ибо как неопознанная болезнь пребывает неисцельной и приводит к смерти, так и скрытое зло, подобно смертоносному яду, грозит вечной гибелью. Наилучшим путем к стяжанию благодати служит **смирение**. Стремление стать лучше, совершеннее может возникнуть только у того, кто глубоко осознал свою греховность и духовную нищету. Смиранный человек считает себя недостойным милости Божией, но достойным всякого наказания. И это является источником **терпения**. Самоукорение помогает человеку великодушно, без ропота и терпеливо переносить все жизненные испытания и скорби, ибо добродетель смирения «без терпения быть не может, и где терпение истинное, тамо и смирение».

¹ Маслов Н.В. Основы русской педагогики. – М.: Самшит, 2007.

Добродетель терпения не ограничивается в своем благотворном влиянии на одного, отдельного человека, но распространяется на семью и общество в целом. Ни один человек не свободен от каких-либо немощей, но более всего эти немощи заметны и сказываются в семейном кругу. Поэтому терпение и снисхождение к немощам друг друга следует прежде всего приобрести супругам. Только в этом случае могут сохраняться в семье мир и согласие. Подобным образом терпение оказывает свое спасительное действие и в обществе. Если от нетерпения происходят в мире всевозможные нестроения, ссоры, войны и убийства, то посредством терпения «все сие зло отвращается. Ибо где терпение, тамо нет ссоры и брани»¹. По словам святителя, терпение более сохраняет общество, нежели оружие, и более сохраняет города, нежели стены.

Благодать Божия стучится в дверь сердца каждого человека, призывая лежащего во грехах к **покаянию**. Сердечная печаль «по Бозе», по словам святителя Тихона, не только очищает душевную скверну, но и удерживает от поползновения к греху, а слезами, проливаемыми при этом, «сетующая и скорбящая душа прохлаждается, как дождем воздух»².

Святитель подводит читателя к выводу о том, что духовно-нравственное совершенствование человека возможно только при наличии нераздельного взаимодействия Божественной **благодати** и человеческих усилий. Благодать, вселившаяся в сердце, обновляет его и, украшая плодами добродетелей, делает храмом Духа Святого Че-

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. – М.: «Самшит», 1995, с.282

² Там же, с.271.

ловец с таким обновленным сердцем становится чутким к восприятию слова Божия, призывающего его на всякое доброе дело. Переоценка прежних духовных ценностей, перенесение центра стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, освобождение от всего греховного, что отдаляет от Бога, доставляют человеку истинную свободу и очищение сердца, духовную целеустремленность, сосредоточенность, способность ко всякому доброду делу как в Церкви Христовой, так и в обществе

Всеобщий нравственный закон в «Симфонии», таким образом, представлен не в виде сухого перечня требований, диктаторского кодекса, но в виде живой и одухотворенной целостности, отражающей мировой педагогический идеал совершенства.

В течение ряда лет я использую эту энциклопедию нравственности на занятиях со студентами различных вузов г. Орла. Как показывают занятия, христианский идеал соответствует насущной духовной потребности студентов, их поискам смысла жизни, нравственных ориентиров в окружающем мире. Об этом также свидетельствуют их сочинения, написанные по материалам труда схиархимандрита Иоанна Маслова в рамках курсов «Риторика», «Русский язык и культура речи». Знакомство с «Симфонией» значительно расширяет духовный и культурно-исторический кругозор студентов, побуждая их задумываться о подлинных ценностях и цели жизни человека и человечества.

Особенно ярко это проявляется в сочинениях на темы: «Гордость», «Смирение», «Надежда», «Совесть», «Соблазн» и др. Так, студентка А.Проворная в своем сочинении на тему «Смирение» пи-

шет: *«Одна из добродетелей, потерянных человеком, - смирение. Смирение является основой, почвой, на которой выращиваются многие добродетели присущие христианину. Святитель Тихон Задонский называет смирение азбукой духовной жизни, он отмечает, «что алфавит или азбука начинающим учиться чтению книжному, то есть христианам, хотящим учиться христианскому житию, есть смирение. «Алфавит» есть начало и основание христианских добродетелей Без того бо всякое духовное созидание нарушается и падает».* Удивило то повышенное внимание, которое студенты проявили к темам «Смерть» и «Крещение» (а всего было предложено более сорока тем). *«Надо одуматься, осмотреться – в этом нам помогает святое Крещение и данные обеты «Кто будет веровать и креститься, спасен будет».* Слово это сказал Спаситель наш Господь для укрепления и утешения нашего: *что может быть более утешительно верной и крещеной душе, чем эти слова, которые обещают ей вечное спасение».* Это слова из сочинения студентки Анны Лукиной «Крещение». В работах студентов неожиданно проявляются духовная зоркость и чуткость. Приведу еще один яркий пример – отрывок из сочинения студентки Усковой Елены «Любовь»: *«Несмотря на то, что человек отступил от Бога, Он все равно любит его. Многие дети предают своих родителей, но родители, вопреки предательству, любят, думают, заботятся о них. Так и Бог. Он сотворил человека. И, несмотря на предательство, Он все равно любит нас, а любовь есть прощение».*

Студенты начинают осознавать свою духовную природу, приходят к пониманию подлинных истоков нравственности человека. В ка-

честве свидетельства приведу отрывок из эссе студентки строительного факультета ОрелГТУ Маргариты Курбатовой: *«Говорят, что все младенцы – ангелы, и только приобретенное впоследствии, извне превращает нас в обычных людей с пороками и недостатками. Так, может быть, эти ангелы остаются жить внутри нас? Этот вопрос я задавала себе не раз и, прочитав выдержки из «Симфонии по творениям Святителя Тихона Задонского», поняла, что была недалеко от истины, так как в ней говорится, что совесть – это глас Божий. Я считаю, что это лучшее доказательство того, что Бог всегда рядом: он помогает не совершать ошибок, отвращает от беды, говорит с нами. Это и есть совесть.»*

Евгения Кудрявцева, студентка строительного факультета, замечает: *«Если у человека есть совесть, значит у него есть и душа, и, следовательно, он бессмертен»*. Об этом же пишет Дарья Филимонова: *Слово – наш духовный портрет, а значит и наша совесть. Ведь словом можно убить, оскорбить и унижить, но можно воскресить, вселить надежду, поддержать в трудную минуту жизни... Уверена, что каждое наше доброе слово служит вечности и нашему спасению, а за каждое праздное или злое слово или дело мы дадим ответ на суде Божиим»*.

«Разлитая в мире правда, утверждение о достоинстве человека живет в людях в виде совести... Совесть – общее, единое знание о том, что добро и что зло для человечества; не для человека, не для времени его, не для группы людей, а для человечества в целом. Правда – одна, и потому совесть – одна на всех, и все об этом знают...»(Семин Александр, студент факультета информационных тех-

нологий). Евгения Кудрявцева же, студентка строительного факультета, замечает: Если у человека есть совесть, значит у него есть и душа, и, следовательно, он бессмертен. Об этом же пишет Дарья Филимонова: *«Слово – наш духовный портрет, а значит и наша совесть. Ведь словом можно убить, оскорбить и унижить, но можно воскресить, вселить надежду, поддержать в трудную минуту жизни... Уверена, что каждое наше доброе слово служит вечности и нашему спасению, а за каждое праздное или злое слово или дело мы дадим ответ на суде Божиим».*

Эти высказывания свидетельствуют о том, что святоотеческое учение о спасении воспринимается современными молодыми людьми не как отвлеченность, но как насущный духовный хлеб.

Разумная жизненность святоотеческой, монастырской педагогики подтверждается сегодня массовой учебной практикой.

В восприятии и осознании духовной природы человека - ключ к разрешению тех серьезных нравственных и педагогических проблем, перед которыми стоит сегодня наше общество

От нашего с вами труда на ниве отечественного просвещения, зависит очень многое, больше чем мы смеем предполагать, ибо слово педагога несет в себе бесконечно богатое духовное содержание, которое мы должны доводить до сознания наших питомцев.

Какой бы предмет мы ни преподавали, в какой бы области мы ни были специалистами, мы должны стремиться к наполнению нашей сферы деятельности спасительным христианским содержанием.

Традиции «Глинской пустыни» в просветительской деятельности преподобного Макария (Глухарева) и современной педагогике¹

В статье «Причины распространения в России деструктивных религиозных организаций» (Миссионерское обозрение 1999 № 3 – март) кандидат юридических наук Н.В. Кривельская пишет: «Давно известно: сначала приходит миссионер, за ним – купец, а затем – солдат-завоеватель. Первый готовит почву и выполняет задачу раскола общества по религиозному признаку, организует своего рода «пятую колонну» среди части населения, готовой поддержать любые начинания иностранных хозяев. Купец устанавливает экономическую зависимость народа. Солдат же довершает дело, по сути уже сделанное предыдущими эмиссарами от религии и экономики. Практическое воплощение этой схемы в жизнь на территории нашей страны разворачивается сегодня на глазах миллионов ее жителей»

Сто шестьдесят лет тому назад наши православные предки не могли предвидеть те социальные потрясения, которые пережила Россия в XX веке. Однако истоки того, что совершилось с нашей Родиной, и того, что совершается с нею сейчас, восходят именно к религиозной ситуации, сложившейся в России к середине 19 века. Вследствие петровских преобразований Церковь приобретает официальный статус государственного органа; она управляется чиновниками, священники получают зарплату от государства. Помещики обязаны были регулярно предоставлять в официальные инстанции специальные исповедные листы со списками крестьян, прошедших исповедь и

¹ Выступление на научной конференции, посвященной 160-летию со дня кончины преподобного Макария Алтайского (г. Орел, 19 сентября 2007 г.)

причастие. Большинство относилось к этому со смирением, всегда отличавшим русский народ. Но вместе с тем среди крестьянства начинают распространяться секты – хлыстов, молокан, баптистов и др. В числе причин этого можно указать реакцию на подавление свободы воли и деятельность иностранных миссионеров. Но серьезной причиной данной ситуации является также казенное, формальное отношение к православию со стороны тех, кто должен был нести свет Христов народу. Проблема внутренней миссии, обращенной к собственному народу, возникает именно в это время. Формальное исполнение обрядов у значительной части русских людей сочеталось с глубоким невежеством, незнанием основ христианской веры. Одним из тех, кто сумел почувствовать и осознать весь размер опасности был прозорливый глинский старец, просветитель алтайского народа преподобный Макарий (Глухарев). Схиархимандрит Иоанна Маслов пишет о нем в «Глинском патерике»: «отец Макарий, неустанно читая и проникаясь глаголами жизни вечной, изобильно вселяя в себя слово Христово, старался им мыслить, чувствовать, говорить». Сам же архимандрит Макарий писал о Глинской пустыни: «Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном шаре, в которую дабы войти надлежит умалиться до Христова младенчества»

Именно святоотеческая духовная традиция, носителем которой были старцы Глинской пустыни, стала живоносным источником благодатной просветительской деятельности преподобного Макария.

Архимандрита Макария Глухарева по праву называют апостолом Алтая, но до сих пор по достоинству не оценена его апостольская деятельность по христианскому просвещению русского народа. С

пророческой ревностью и бесстрашием он обращается в самые высокие государственные и церковные инстанции, буквально бьет в набат, говорит о опасной ситуации в религиозном просвещении России, призывая к публикации Библии на русском языке: «О горе! Затворились царские двери, которыми из святилища исходили к нам евангелисты один за другим, и Церковь российскую благословляли от лица Иисуса Христа, каждый своим евангелием на российском языке... Неужели слово Божие в облачениях славянской буквы перестает быть словом в одеянии российского наречия?...»¹. В своем обращении он исчисляет знамения гнева Божия: наводнение 1824 года, восстание 1825-го, холера 1830, пожар Зимнего дворца... Синод указом изяснил Макарию, что он «преступает пределы своего звания и своих обязанностей». Его было определено подвергнуть молитвенной эпитимии при доме епископа Томского. Филарет Черниговский так говорит об этой эпитимьи: «Его заставили служить каждый день литургию в продолжении шести недель, но это принял он за милость Божию и был очень доволен эпитимиею»².

За три года своего настоятельства в Оптином мужском монастыре Макарий Алтайский сделал очень много для христианского просвещения и духовного роста болховчан. Бесценные воспоминания духовного сына отца Макария настоятеля Мценского Петропавловского монастыря архимандрита Иоасафа (в миру Ивана Николаевича Ульянова) передают ту удивительную благодатную атмосферу, которая возникала в присутствии преподобного. Поучения преподобного Макария отличались благодатной простотой, он конкретно и нагляд-

¹ Прот. Георгий Флоровский Пути русского богословия. – Киев, 1991, с.190

² Там же.

но осуществлял апостольскую методику проповедования слова Божия, питая духовным молоком многочисленных младенцев во Христе, неспособных питаться твердой пищей. Архимандрит Иосаф пишет:

«Когда он возвращался из молитвенной, к нему подходили страдавшие какими-либо болезнями. Он... подводил их к Распятию Спасителя, брал из лампы масла и помазывал им больных, с молитвенным коленопреклонением. При этом бывало скажет болящему: «посмотри на Распятие Страждущего Спасителя в терновом венце; Он терпел за нас грешных. Чаще воспоминайте о страдании Сына Божия Иисуса Христа и читайте об оном в Евангелии»¹. Многие со слезами выслушивали наставления отца архимандрита и, принявши от него благословение, уходили, утешенные духовно».

Страницы воспоминаний архимандрита Иосафа с большой конкретностью, видимой реальностью передают светлый облик преподобного Макария как осуществленного идеала Христовой любви: «Приходилось, что на всенощной, во время кафизм, он подзывал меня к себе в алтарь и скажет бывало: «как ты, Иванушка, поживаешь? занимаешься ли молитвою?» – спросит о помыслах разных и благословит...»²

Выступал отец Макарий и с обличениями, обращенными к жителям г.Болхова: «Странно и скорбно слышать, что девицы ваши не ходят в церковь Божию даже в праздничные дни, ложно считают это за стыд: подумают, рассуждает иная из таковых, что она-де собирает-

¹ Воспоминания настоятеля Мценского Петропавловского монастыря Архимандрита Иоасафа. Стихотворения Протоиерея-Законоучителя Илии Ливанского: Из жизнеописания преподобного Макария Глухарева. – Орел: С.В.Зенина, 2007, с.19.

² Там же с.16-17.

ся в монастырь, если ходит молиться в церковь. А также и относительно говенья: если кому-либо на первой или второй неделе великого поста почему-либо не придется поговорить, то иные оставляют это до другого года. Св. Апостол Павел сказал некогда: О, безрассудные Галаты! – а я скажу: Болховские граждане! – Кто прельстил вас не покоряться истине? Не оставляйте церковного собрания, яко же есть некий обычай, но друг друга подвизайте к оному, – как убедительно внушает верующий тот же Св. Апостол. Посему прошу и благословляю, чтобы все девицы ходили в церковь. Тогда и Бог благословит их в жизни счастливою судьбою, о которой они будут молитвенно просить Его, если на это будет Его святая воля; Он Сам сказал: просите, и дастся вам»¹. Как указывает архимандрит Иосаф, «таковое вразумление отца архимандрита имело благие последствия». «Вскорости произошло в жителях г. Болхова много перемен к лучшему, и девицы стали ходить в церковь, по благословению отца Макария, стремясь к благочестивой жизни».

Опыт духовной жизни, переданный ему Глинскими старцами, преподобный Макарий стремился передать своим духовным чадам, уча их так: «Молитву умную совершай во смирении, как пред Самим Господом Богом; не развлекайся разными помыслами. Ведь сказано: памятование о Боге да не отступает от тебя. Бог Сам дает молитву молящимся. Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. И якоже кокош собирает птенцы своя (тук... тук...), так и молитва сердечная умственно совершаемая: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй мя грешнаго, – с Божиею по-

¹ Воспоминания настоятеля Мценского Петропавловского монастыря Архимандрита Иоасафа, с.25.

мощию собирает рассеянные мысли, а делание духовное соединяет человека с Богом, – он в спокойствии духа радуется о Господе»¹.

Воспоминания архимандрита Иоасафа содержат ряд наглядных примеров монастырской педагогики, уроки которой преподобный Макарий преподавал своим духовным чадам. Вот один из таких примеров: «Однажды отец Макарий говорил: «нужно в церкви и в молитвенном собрании не о себе токмо молиться, но и о молящихся с нами, обнимая любовью ближних и говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас и сподоби нас Небеснаго Твоего Царствия». А мне лично он сказал: «ты, Иван, не о себе только молись, но и приводи с собою в церковь товарища, – которого при этом и назвал по имени, – а то одного в Царство Небесное не пустят... А если оскорбил кого, отца или мать, или кого другого, – то проси прощения у них, поклонившись им в ноги». На это я сказал ему: «Батюшка! я старшую сестру оскорбил». Он как бы гневно сказал мне: «попроси у нее прощения, поклонившись ей в ноги, – и тогда приди, скажи мне». Это было для меня, как необычайное, весьма трудно. Но я исполнил приказание батюшки, низко поклонился сестре и сказал ей: «прости меня». Она сильно удивилась сему, – что такое это значит. После того, бывши у отца Макария, я сказал ему, что исполнил указанное им. Он на это мне заметил: «смирение весьма важно и душеспасительно; сделать со смирением поклон своему ближнему – это тоже, что как бы со дна моря достать жемчужину»².

Сегодня уроки монастырской педагогики, воспринятой преподобным Макарием Алтайским у старцев Глинской пустыни, приобре-

¹ Воспоминания настоятеля Мценского Петропавловского монастыря Архимандрита Иоасафа, с.27.

² Там же, с.29-30.

тают неоценимое значение для воспитания и образования современной молодежи. Светлый источник духовной жизни, питавший апостола Алтая, благодаря трудам глинского старца схиархимандрита Иоанна Маслова, деятельности фонда благоверного князя Александра Невского и Московской педагогической академии в настоящее время становится доступным для многих тысяч педагогов России. Книги схиархимандрита Иоанна Маслова «Глинская пустынь», «Глинский патерик», «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении», «Симфония по творениям Тихона Задонского» получили гриф Министерства образования Российской Федерации в качестве учебных пособий для школ и вузов.

Сегодня все острее переживается необходимость восстановления духовно-нравственных приоритетов отечественного образования. Об этом свидетельствует развернувшееся по всей стране общественно-педагогическое движение за нравственное, христианское, православное просвещение нашего общества. Участниками этого движения являются не только учителя и священнослужители, но и деятели науки и культуры, врачи, инженеры, предприниматели, военнослужащие, рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь, родители, – словом, представители всех слоев и групп населения нашего общества. Само возникновение этого движения является естественной реакцией народного организма, стремящегося к самосохранению и развитию на путях мировой истории.

Значительную роль в этом всенародном движении играют «Глинские чтения», проводимые сегодня Московской педагогической академией и Всероссийским историко-патриотическим обществом

«Наследники Александра Невского» по всей стране и за рубежом.

«Глинские чтения» восстанавливают исконную связь отечественной педагогики с православными святоотеческими корнями. Благодаря деятельности историко-патриотического общества «Наследники Александра Невского» в практику современного российского образования смогли войти труды отечественных подвижников благочестия и методическая литература по их изучению.

Заметным явлением современной отечественной педагогической мысли стала защита президентом фонда благоверного князя Александра Невского Николаем Васильевичем Масловым докторской диссертации на тему: «Православное воспитание как явление русской педагогической культуры (на материале трудов схиархимандрита Иоанна Маслова)». На основе данной монографии Николаем Васильевичем подготовлено учебное пособие для вузов, которое, по благословению Святейшего Патриарха Алексия II, получило название «Основы русской педагогики». Это пособие также сегодня уже имеет гриф Министерства образования.

В книге Н.В. Маслова выводятся наружу, получают развернутое и всестороннее освещение духовные основы российской педагогической культуры. Здесь убедительно показывается и доказывается, что источником творческой силы русской педагогической мысли, является Православие.

Московской педагогической академией за несколько лет ее существования создан серьезный методический фонд литературы по духовно-нравственному образованию и воспитанию школьников. Методика, разрабатываемая МПА, нацелена не на изложение православ-

ного катехизиса и даже не на преподавание «Основ православной культуры», но на то, чтобы распространить православный педагогический подход на преподавание всех предметов. По этому принципу создана серия хрестоматий и разработок для начальной и основной школы, которые сегодня широко внедряются в различных регионах России. Более того, эта методика сегодня находит сочувственный отклик у педагогов Болгарии, где проблема сохранения духовных основ нации стоит еще более остро, чем у нас. Мне в числе педагогов из ряда регионов России довелось участвовать «Глинских чтениях», проводившихся на земле Болгарии в июне и сентябре 2005 года и в сентябре текущего года.

В отличие от нас, болгары не взрывали своих церквей. Они стоят в нетронутой целостности, с сохраненными дивными фресками, с богатейшими собраниями икон. Но церкви эти стоят сегодня пустые. Рыльский монастырь, значение которого в духовной истории Болгарии не уступает значению Троице-Сергиевой Лавры в истории русского народа, находится сейчас под эгидой Юнеско. Он поддерживается в прекрасном состоянии, но в нем всего шесть монахов; на территории монастыря почти не видно паломников, кругом одни туристы из западных стран. Вместе с тем, это только одна сторона картины духовной жизни Болгарии. Здесь так же, как и у нас, начинает набирать силу движение за духовное просвещение общества, все ясней осознается невозможность сохранения духовного самостояния народа без опоры на Православие.

Данная мысль была одной из основных в выступлениях участников болгарских «Глинских чтений». Особенно проникновенно зву-

чали на Чтениях выступления Сливенского митрополита Иоаникия, духовного сына схиархимандрита Иоанна Маслова: «Наша цель – симфония церкви и государства. Залогом истинности просвещения является обращение к святоотеческой духовной традиции, воплощающей в себе суть учения и педагогики Иисуса Христа. Не надо думать, что мы великие. Там, где увеличивается беззаконие, изобилует благодать. Божья благодать над нами есть, но человеческой доброй воли еще недостаточно. Мы друзья и братья с русскими. Мы с ними одна Церковь. Идет духовная брань. Мы ведем сопротивление не плоти и крови».

Духовная брань должна вестись духовным оружием. И таким оружием являются традиции монастырской педагогики, оказавшие в свое время огромное влияние на менталитет русского и болгарского народа, которые смогли сохранить свое духовное ядро, внутреннюю независимость и целостность несмотря на беспримерно жестокие исторические испытания.

Митрополит Ианикий стал инициатором и организатором перевода и издания «Симфонии по творениям Тихона Задонского» на болгарском языке. Презентация этого издания состоялась на «Глинских чтениях» в Варне 6 сентября этого года. При этом указывалось, что значение этой книги далеко выходит за рамки одной национальной системы образования. По сути дела, «Симфония» представляет собой энциклопедию духовно-нравственной жизни, в целостном и ясном представлении о которой так сегодня нуждается человечество. Педагогическое же значение «Симфонии по творениям Тихона Задонского» заключается в создании твердых и ясных методологических

предпосылок для осуществления духовно-нравственного образования и воспитания современной молодежи. Иоанн Маслов восстанавливает здесь изначальные христианские основы европейской педагогики. В «Симфонии» развертывается система понятий, составляющих содержание совершеннейшего и спасительного закона веры и нравственности, который был преподан Иисусом Христом миру. При этом показывается неразрывная связь нравственности с верой. «Симфония» подводит читателя к выводу о том, что духовно-нравственное совершенствование человека возможно только при наличии нераздельного взаимодействия Божественной благодати и человеческих усилий.

Опыт Московской педагогической академии по внедрению в современное образование и воспитание традиций монастырской педагогики вызвал острый интерес не только педагогов Болгарии, но и представителей Сербии, Черногории, Румынии, Македонии, Польши, которые принимали участие в работе педагогических форумов в Софии и Варне. Духовное наследие Глинской пустыни является органичной частью вселенского духовного наследия Православия. Оно может и должно стать одним из краеугольных камней, на которых созиждется единство православных народов. Но оно также включает в себе и неиссякаемые возможности для благодатного преображения и возрождения системы образования в странах Европы и всего мира.

О некоторых аспектах нравственного воспитания детей ¹

В очередной раз мы собрались для того, чтобы обобщить сделанное за год на ниве педагогики, духовно-нравственного воспитания и образования детей и юношества. Каждый год мы являемся свидетелями возрастания от силы в силу педагогического движения, у истоков которого стоит глинский старец схииерхимандрит Иоанн Маслов и его духовные чада, являющие нам сегодня образцы плодотворного и самоотверженного служения людям. Это служение выражается прежде всего в развитии святоотеческого учительного наследия, разработке целой системы методов и подходов, заключающих в себе возможность качественного преобразования современной отечественной педагогики. Очередным важным шагом в указанном направлении является книга «Духовно-нравственные основы образования и воспитания»². Особенностью этой книги является стремление воздействовать на сложившуюся педагогическую ситуацию в нашем обществе не силой абстрактных теорий и схем, но внутренней силой живой традиции великих отечественных просветителей. Ни один из советов святых отцов не носит отвлеченного характера, все они проистекают из реального знания человеческой души. На своем опыте они выработали своеобразную диагностику страстей и недугов, скрывающихся в людском сердце, определили методы борьбы с ними, восстановления внутренней целостности, гармонии, творческих сил человека.

Анализ трудов великих просветителей, последовательная систематизация их наблюдений и советов помогает авторам книги «Духов-

¹ Выступление на пленарном заседании конференции, посвященной духовным и нравственным основам образования и воспитания 24 января 2013 г. (Место проведения – актовый зал Министерства образования и науки РФ)

² Маслов Н.В. Духовные и нравственные основы образования и воспитания. /В двух томах – М.: «Самшит-издат», 2003.

но-нравственные основы образования и воспитания» определить мотивы поведения детей, закономерности развития добрых сторон их характера и преодоления дурных наклонностей. На этой основе выстраивается методика работы по воспитанию положительных качеств и борьбы с пороками детей. Один из центральных разделов книги посвящен искоренению такой страсти, как гордость. Надо сказать, что в современном употреблении слово «гордость» в значительной степени утратило тот негативный оценочный ореол, который был присущ ему в прошлом. В Малом толковом словаре русского языка издания 1993 года находим такое определение: «Гордость – 1. Чувство собственного достоинства, самоуважения. Приводятся примеры: «Профессиональная гордость», «Просить не позволяет гордость» 2. Чувство удовлетворения от чего-нибудь: «Гордость за своих детей» 3. О том, кем, чем гордятся: «Он – гордость нашей школы». Для сравнения приведу отрывки из статьи о гордости в словаре Владимира Даля: «Гордость, гордыня, горделивость – качество свойство гордого, надменность, высокомерие. При этом гордый определяется также как «кичливый, надутый, спесивый спесивый, зазнающийся, кто ставит себя самого выше прочих». Приводятся примеры речений, бытовавших в русском народе: «Гордым быть, глупым слыть. Во всякой гордости черту много радости. Сатана гордился и с неба свалился.»

Как видим, наши предки относились к гордости резко отрицательно. За этим отношением стояли века христианского воспитания народа. Русские люди чувствовали и понимали смертельную опасность порока гордости, видели его внечеловеческие истоки. В книге «Духовно-нравственные основы образования и воспитания» дается

развернутая характеристика данных истоков¹. Согласно христианскому учению, гордость ведет свое начало от падения ангелов. По свидетельству Священного Писания, первый ангел – Денница, которому были дарованы Богом силы и возможности для восхождения по лестнице духовного совершенства, не пожелал повиноваться своему Творцу, но превознесся умом и впал в самообольщение, возмечтав быть равным Богу и восходить к духовному совершенству без помощи Всевышнего (Ис. 14, 12–15). За это десница Божия, державшая его на высоте, была отнята от него, и он, увлекая с собой множество других ангелов, пал в безысходную бездну мрака и отчаяния. Гордость уничтожила в падших ангелах все доброе и святое; поэтому они нравственно омрачились, утратили истинное познание о Боге, забыли свой долг любви к Творцу и тем самым расторгли с Ним вечный и благодатный союз. Таким образом, **гордость родилась не на земле, а на небе...** Вот почему она... является родоначальницей всех зол... Человек, пребывающий в гордости, забывает свое ничтожество пред Богом, без помощи Которого не смог бы просуществовать и одного дня. Ложно **переоценивая свои силы и достоинства**, он втайне обоготворяет себя самого...

Это самобоготворение, возвеличивание, превозношение себя не только перед людьми, но и перед Богом неизбежно приводит к наказанию человека.

«Погибели предшествует гордость и падению – надменность» - гласят притчи Соломона (Притч. 16: 18). В другой библейской книге говорится о неизбежном посрамлении гордых людей, низложении

¹ Маслов Н.В. Духовные и нравственные основы образования и воспитания. /В двух томах – М.: «Самшит-издат», 2003, Т.1, с.306-313.

высокомерных властителей, наказания забывающих Бога народов: *За гордость Господь посылает страшные наказания и в конце низлагает гордого. Господь низвергает престолы властителей и посаждает кротких на место их. Господь вырывает с корнем народы и насаждает вместо них смиренных. Гордость не сотворена для людей»* (Сир. 10, 16–21).

За гордость может быть наказано и все человечество. Об этом гласит сказание о Вавилонской башне.

У сыновей Ноя было много детей, и от них опять произошло много людей на земле. Но вскоре обнаружилось, что люди после потопы были не лучше, чем до потопы. Тогда на всей земле был один язык и одно наречие. Однажды люди собрались вместе и сказали друг другу: "Построим себе город и башню. высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли". Возгордившись и желая прославить себя, люди ревностно занялись постройкой. Но Господу не угодно было это. Он посмотрел на город и башню, которые они строили и сказал: "Вот, один народ и один у всех язык... и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого". (Помните, Бог также некогда сказал во множественном числе: "Сотворим человека...") Господь смешал язык людей, так что они не понимали друг друга и не могли продолжать строительства башни. Поэтому то место стало называться "Вавилон", то есть "смешение". Затем Бог рассеял людей оттуда по всей земле. (Быт. 11:1–9).

Строительство Вавилонской башни, дерзкое соревнование с Богом продолжается и в дальнейшей истории человечества, принимая различные формы – в государственной и социальной жизни, искусстве, науке и технике.

Для борьбы с гордостью необходимо хорошо знать признаки этого порока. В книге «Духовно-нравственные основы образования и воспитания» дается развернутое описание данных признаков. В частности, указывается, что находясь в плену гордости, человек свои мнения и рассуждения, хотя они часто являются ложными, всегда считает верными и неоспоримыми. На критику, замечания гордец отвечает враждой и ненавистью. Он не ценит достоинства других людей; все, что делает, делает напоказ всем, ради похвалы и славы человеческой. Горделивый человек спорит, ссорится и гневается, стремится угнетать других.

Все это в разных формах проявляется в детях, начиная с младенческого возраста. Они с трудом переносят порицания и даже самые легкие наказания. Начинают грозить кулачком: «Ты плохой, я с тобой не играю». Очень ревнивы к похвалам других детей, считая только себя достойными добрых слов и поощрения. Часто можно слышать от них: «Я лучше других, я не такой плохой как другие». С возрастом ростки гордости укрепляются, становятся трудноискоренимыми. И первую очередь данное обстоятельство таит в себе угрозу для самого гордеца. Человек, одержимый страстью гордости, не видит себя самого, не может принимать правильных решений, все оценивает неверно. Это становится причиной цепи неверных действий, ошибочных поступков. Гордый человек склонен к нерассудительно-

му, крайнему перенапряжению сил, что приводит, в конечном счете, к срывам и падениям, может стать источником тяжелых болезней и даже гибели человека.

На нас педагогах лежит большая ответственность за будущее наших воспитанников. Важно не дать развиться гордости, и как можно раньше начать бороться с ее проявлением в ребенке. Как указывается в книге «Духовно-нравственные основы образования и воспитания», одним из начальных проявлений гордости в ребенке является тщеславие в одежде.

Дети не должны слишком сильно радоваться красивой одежде. Сама радость эта естественна и понятна, но необходимо следить, чтобы она не была чрезмерной. Тем более нельзя допускать того, чтобы ребенок тщеславился одеждой и с пренебрежением относился к тем, кто одет хуже.

Другим характерным проявлением гордости в детях является хвастовство своими родителями, их богатством, должностью, социальным положением. При этом ребенок часто с пренебрежением смотрит на других детей, чьи родители в чем-то уступают его собственным. Поэтому нельзя разрешать ребенку грубо и дерзко обращаться с людьми; нельзя позволять плохо отзываться о ком-либо. Необходимо внушать детям, что Бог смотрит не на богатство и положение, а на добродетель и честность: Младенец Иисус выбрал Себе не богатых и знатных родителей, а плотника – воспитателем и бедную Деву – Матерью.

Третьим видом гордости, характерным для детей, является гордость своими действительными или мнимыми качествами и преимуще-

ществами. Нет ничего предосудительного в том, что ребенок радуется тому, что он хорошо учится, отличается прекрасным поведением и т.п. Но подобное честолюбие должно иметь разумные пределы и не превращаться в тщеславие.

Обобщая все сказанное, можно выделить следующие методы преодоления гордости в детях:

- метод примеров: родители, воспитатели должны сами подавать пример, не осуждать никого, не превозноситься ни перед кем, быть со всеми окружающими в мире;

- метод наставления: объяснять происхождение гордости, говорить о том, что гордый человек всегда бывает наказан;

- метод объяснения: доводить до сознания ребенка нравственные представления и понятия, раскрывать их насущную необходимость для жизни человека;

- метод запрещения: запрещать детям рассуждать и судить о вещах, которых они не понимают; не допускать, чтобы ребенок сам себя хвалил, много говорил о себе, вмешивался в разговор взрослых.

- метод контроля и анализа поступков: обучать ребенка смотреть на себя глазами другого, преодолевать стремление осудить окружающих; яркий пример: когда при отце Иоанне Маслове осуждали другого, он говорил: «Да и я сам так делаю» (в этих словах надо видеть не только проявление смирения, но и форму обличения, способ обратить внимание собеседника на себя самого).

- метод поощрения: хвалить за скромность, послушание, но в меру; ребенок должен быть прилежным, послушным, скромным и благочестивым не потому, что за это хвалят, а потому, что этого ждет

от него Бог.

Важным средством избавления от гордости является молитва. Но молитва должна идти от смиренного сердца, сочетаться с осознанием своей немощи, невозможности справиться с собою без помощи Божьей. Иначе она может стать проявлением высокоумия – духовной гордости, о которой много написано в трудах святителя Тихона Задонского. Сама молитва при высокоумии выступает как проявление гордости. Устами человек говорит «Господи, помилуй», а в сердце своем, подобно евангельскому фарисею, пребывает в уверенности, что не нуждается в помиловании и спасении, так как правильно и регулярно молится, соблюдает посты, посещает церковь и прочее. Спаситель нужен только тем, кто на самом деле осознает и чувствует себя погибающим. Путь к спасению святитель Тихон видит в признании своего окаянства, своей болезни и слепоты, того, что мы погибли и не можем ожить без Христа. Это признание и осознание составляет основу смирения – главного лекарства от гордости.

Имея духовное происхождение, порок гордости побеждается духовными благодатными средствами, среди которых в первую очередь надо отметить исповедь и причастие.

Ценность книги «Духовно-нравственные основы образования и воспитания» заключается прежде всего в том, что в ней осуществляется педагогическая адаптация святоотеческого наследия, которая сопровождается ясным изложением методологических принципов, сформулированных в трудно доступных сегодня массовому читателю книгах отечественных просветителей, выдающихся духовных писателей России. В числе этих писателей следует особо отметить епи-

скопа Иринея (Орды), последние годы жизни которого были связаны с нашей Орловской кафедрой. Приведу в конце своего выступления слова из проповеди владыки, посвященной искоренению гордости из душ детей:

«Родители! Вы все желаете, чтобы дети ваши были добрыми, послушными детьми. Если этого вы истинно хотите, то побеждайте в них гордое высокомерие, потому что высокомерные дети будут свое нравны и непослушны; насаждайте в них смирение и скромность, потому что скромные дети всегда бывают послушными. Вы все хотите, чтобы дети ваши были благодарны - не допускайте в них вкорениться высокомерию и гордости, потому что человек гордый большей частью неблагодарен. Все вы хотите, чтобы дети ваши были счастливы - насаждайте в них скромность и смирение, потому что скромный и непритязательный человек бывает спокоен и доволен своим положением, а человек довольный, в сущности, и есть честный и счастливый. Все вы, без сомнения, хотите чтобы на детях ваших почивало благоволение Божие: сохраняйте их от гордости; учите их словом и примером смирению и скромности, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»¹ (Иак. 4:6).

В доступной и выразительной форме здесь представлены выработанные столетиями воспитательные установки святоотеческой педагогики, освоение которых сегодня необходимо, как воздух, для нас всех, ответственных за будущее наших питомцев, за будущее нашей страны.

¹ Епископ Иринея Орда. О религиозном воспитании детей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=768>

Н.В. Гоголь как педагог¹

«Глинские чтения» играют сегодня выдающуюся роль в христианском просвещении нашего общества. Благодаря многолетней деятельности форума на наших глазах происходит восстановление православных традиций отечественной педагогики. Книги схиархимандрита Иоанна Маслова и Николая Васильевича Маслова обращают нас к первоначальным значениям слов «просвещение» и «образование», имеющих христианские истоки. Православная педагогика призвана стать методологической основой изучения всех без исключения школьных предметов. Но наиболее наглядно это проявляется на примере изучения литературы в школе.

Ключевые идеи русской литературы, ее ценностная основа обусловлены ее внутренней, сущностной связью с христианской, православной традицией. Эта глубинная связь присутствует и в одах М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, и в баснях И.А. Крылова, и в поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Однако впервые свое открытое и полное выражение православная природа русской литературы получила в творчестве Н.В. Гоголя, двухсотлетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году.

Гоголь видит задачу литературы в просвещении затемненной грехопадением природы человека. Он пишет: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово «просвещение. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни в каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или на-

¹ Доклад на Международном педагогическом форуме «Глинские чтения» (Сергиев посад, 28 июля 2010 г.).

ставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме. Провести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви. Которая уже почти тысячу лет его произносит. Несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит: «Свет Христов освещает всех!» «Свет просвещения!»¹.

Творчество Н.В. Гоголя можно определить как путь к православной педагогике спасения. Сущность ее раскрыта в книге «Основы русской педагогики» Н.В. Масловым:

«Православная педагогика имеет дело с человеком в неестественном, падшем состоянии, опирается на знание его свойств в естественном, райском состоянии, все свои средства употребляет на то, чтобы вывести его из состояния неестественного и привести в состояние естественное, обновленное»².

Таким образом, целью православной педагогики является приведение человека ко спасению: *«Спасение — это очищение человека от греха, нравственное его обновление»³.*

Н.В. Гоголь видит задачу своего творчества не только и не столько в обличении пороков общества, но в показе падшего, неестественного состояния души человека и указании пути выхода из этого состояния – через обращение к Спасителю. Это обращение возможно только при условии, если человек осознает свое грехопадение, поймет и почувствует, что он погибает и нуждается в спасении.

¹ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями.// Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том шестой. Духовная проза. Критика. Публицистика – М.: Русская книга, 1994, с.71

² Маслов Н.В. Основы русской педагогики. Православное воспитание как основа русской педагогики (по трудам схиархимандрита Иоанна (Маслова). Изд. 4-е дополненное. – М.: Самшит-издат, 2007.,с.408.

³ Там же, с.408.

Во всех произведениях Гоголя мы видим стремление автора поставить героев в ситуацию нравственной самооценки. Сквозные темы Гоголя - суд и наказание, а также предшествующее этому суду разоблачение, покаяние, слезы. Возмездие ждет городничего в "Ревизоре", Чичикова в "Мертвых душах". Возмездие витает над головой «молодого человека во фраке и плаще» - Пискарева из "Невского проспекта", художника Черткова из "Портрета". Суд вершится над Ковалевым в "Носе" и над "значительным лицом" в "Шинели". Грех, вина наказываются публичным осмеянием, полным поражением и разоблачением, а иногда и смертью. Но, как правило, человек у Гоголя перед всеми этими событиями сам сознает ужас своего проступка и готов предстать перед судом. Суд у Гоголя это не только суд закона, суд гражданский, суд природы (смерть прокурора в "Мертвых душах"), но и высший суд - тот, к которому обращается в своей последней речи городничий («смотри, мир, смотри, все христианство, как одурачен городничий») и к которому также обращается герой поэмы - "князь", в своей речи в конце второго тома «Мертвых душ».

В книге «Основы русской педагогики. Православное воспитание как основа русской педагогики» отмечается:

«Отцы Церкви говорят о трех видах смерти: телесной, духовной и вечной. Телесная смерть состоит в разлучении души с телом, которое неизбежно постигает всякого человека независимо от того, какой образ жизни он вел. Духовная смерть — это мертвость души для жизни в вечности. Она поглощает души людей, живущих по законам зла, еще задолго до телесной смерти»¹.

¹ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.88.

У Гоголя мир полон «мертвых обитателей», жизнь которых проходит в «усыплении»; нужно встряхнуть их, разбудить, чтобы содрогнулись их пустынные сердца, чтобы залились они покаянными живительными слезами.

Произведения Гоголя нельзя сводить к сатире, предполагающей всегда отстраненное осмеивание пороков при полном отрицании изображенного зла. Великий писатель не столько осмеивает, сколько оплакивает своих героев, не отчуждая их от самого себя. Гоголь пишет о «Мертвых душах»: «отчего герои моих последних произведений, будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе...?» И далее: «герои мои потому близки душе, потому что они из души; все мои последние сочинения – история моей собственной души»¹. Образы «Мертвых душ» - результат покаянного осознания Гоголем глубин своего собственного падения, омертвения своей души: "По мере того, как они [*дурные качества* – Б.Б.) стали открываться,.. усиливалось во мне желание избавиться от них: необыкновенным душевным событием я был наведен на то, чтобы передавать их моим героям,.. С этих пор я стал наделять моих героев, сверх их собственных гадостей, моею собственной дрянью... Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, все пошрое и гадкое, что они захватили нечаянно, и вернуть законным их владельцам... Я уже от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других также над ними посмеяться"².

¹ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями, с.77.

² Там же, с.72.

К сороковым годам XIX века относятся: "Размышления о некоторых героях первого тома «Мертвых душ». Гоголь прослеживает здесь процесс превращения живой души в мертвую: постепенно человека обхватывают «пошлые привычки света, условия, приличия», опутывают его, образуют твердую скорлупу вокруг его души. «А как попробуешь добраться до души,— продолжает Гоголь,— ее уже и нет; окременевший кусок и весь превратившийся человек в страшного Плюшкина, у которого если и выпорхнет иногда что-то похожее на чувство, то это похоже на последнее усилие утопающего человека»¹.

Главную причину омертвения души Гоголь видит в развитии страстей, которые целиком поглощают человека, становятся преградой между ним и Богом, превращаются в предметы поклонения, кумиры. Согласно учению святых отцов, страсть представляет собой грех, овладевший человеком². «*Попавший под влияние какой-либо страсти человек становится неспособным владеть самим собой: страсть парализует все силы его души*»³. Процесс спасения человека представляет собой очищение души от страстей и насаждение добродетелей⁴. Этот процесс, согласно авторскому замыслу, должен был совершиться над душою Чичикова, пораженного страстью сребролюбия. Человеку, одержимому этой страстью, согласно святоотеческому учению, особенно трудно спастись. Схиархимандрит Иоанн Маслов в книге «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» замечает: «Всякий порок нарушает гармонию души человека, но ни один из них так не овладевает сердцем, как сребролюбие. Оно полностью

¹ Гоголь Н.В. Размышления о некоторых героях первого тома «Мертвых душ» // Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том пятый. Мертвые души – М.: Русская книга, 1994, с.474

² Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.96

³ Там же, с.98-99.

⁴ Там же, с.97

пленяет человека. И хотя он остается внешне верующим, но в действительности внутренним существом своим отступил от Бога и служит мамоне. В сердце, пораженном страстью сребролюбия, не может быть любви к Богу, потому что жажда обогащения изгоняет ее»¹

Эти слова помогают понять суть образа Чичикова, о котором Гоголь пишет: "В нем не было привязанности, собственно, к деньгам для денег, им не владело скряжничество и скупость"; однако, "все, что ни отзывалось богатством и довольством, производило на него неотразимое впечатление, **непостижимое им самим**". Профессор протоиерей В.В. Зеньковский, комментируя эти гоголевские строки, говорит о том, что Чичиков находится в состоянии «обольщения богатством», которое овладевает душой с непреодолимой силой: «Современные, прошлые и будущие Чичиковы - это не просто дельцы, чем они внешне являются, — они находятся под "обольщением" богатства; в их трезвом, реалистическом сознании они и романтики, ибо крепко убеждены, что жизнь и не может быть иной. Искание богатства есть их религия...»².

Гоголь задается вопросом, может ли спастись падший человек, обольщенный злом? В поисках ответа на этот вопрос писатель следует святоотеческому учению, согласно которому в падшем человеке, уклонившемся в сторону зла сохраняется возможность возрождения, «возможность раскаяния и возвращения на путь богоугодной жизни»³. Это положение является одним из основных в православной педагогике:

¹ Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. - М.: Самшит-издат, 1995, с. 329

²Зеньковский Василий, профессор-протоиерей. Гоголь. – М.: "Русская историко-филологическая школа "Слово", 1997, с.73-74.

³ Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении, с.185.

Человек представляет собой смешение противоположностей, — добра и зла, сердце его является ареной борьбы между тем и другим... Борьба с грехами приводит к нравственному совершенству. Внутренней борьбе нужно учить и учиться. Православная педагогика раскрывает законы и правила внутренней борьбы, работы над собой.»¹

В произведениях Гоголя мы находим выразительное воплощение православно-педагогического взгляда на человека. Ни один из героев гоголевских произведений, вопреки утверждениям вульгарно-социологической критики, не представляет собой целиком отрицательный персонаж: каждый из них, несмотря на всю степень нравственного падения, раскрываемого писателем, содержит в глубине затемненный грехом первообраз, каждый сохраняет свободу выбора и возможность духовного возрождения. Следы неубитой жизни души сохраняются даже в Собакевиче, который задает странные, непонятные для окружающих вопросы. «Хоть и жизнь моя? — говорит он. — Что за жизнь? Так как-то себе...» И далее следует жалоба, столь удивившая председателя казенной палаты и Чичикова: «ни разу не был болен, хоть бы горло заболело, веред (*гнойный нарыв* – Б.Б.) или чирей выскочил...» «Нет, не к добру! когда-нибудь придется поплатиться за это», - заключает Собакевич, погружаясь «в меланхолию». На первый взгляд ситуация выглядит смешной, однако внимательный читатель услышит здесь пробивающийся голос души, глубоко зарытой, омертвелой, но сохраняющей христианское знание о «последняя твоя» - смерти, страшном суде, мучении адском и царстве небесном.

¹ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.451.

Гоголь показывает в своих произведениях и главное средство внутренней борьбы с укоренившимся в душе злом – покаяние.

По замыслу писателя, его герои Чичиков и Плюшкин должны были прийти к покаянию, с которого начинается для христианина путь к спасению. Как свидетельствует архимандрит Феодор (Бухарев), близко знавший Гоголя и не раз беседовавший с ним о его сочинении, «первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна была кончиться поэма»¹. Гоголь хотел провести своего героя через многие страдания и скорби, в результате которых он должен был осознать несправедность своего пути. Внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел бы другим человеком, должны были завершиться «Мертвые души». Одним из эпизодов, указывающим на возможность этого покаянного переворота в душе падшего, является описанная во втором томе встреча Чичикова со стариком Муразовым, который обращается к герою Гоголя со словами: «Не то жаль, что виноваты вы стали перед другими, а то жаль, что перед собой стали виноваты – перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам. Назначение ваше — быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили.». И далее следуют слова автора: «Есть тайны души: как бы ни далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердо в своей совращенной жизни, но если попрекнешь его им же, его же достоинствами, им опозоренными, в нем все поколеблется невольно, и весь он потрясется».

Вместе с тем писатель остается здесь верным трезвенному свя-

¹ Цит по: Зеньковский Василий, профессор-протоиерей. Гоголь. – М.: "Русская историко-филологическая школа "Слово", 1997, с.480.

тоотеческому пониманию души человека: страсть прочно укореняется в человеке и для того, чтобы исторгнуть ее из сердца необходим страх Божий, годы покаяния, слез и молитв. В данном случае подход Гоголя полностью совпадает с подходом православной педагогики к перевоспитанию человека: *«Злой навык так глубоко проникает все человеческое естество, что искоренение его требует больших усилий как со стороны духа, так и со стороны плоти»*¹.

Минутный покаянный порыв Чичикова сменяется возвращением его к окамененному нечувствию греха. Добрый Муразов не может исправить его своими речами: через минуту после умиленного слушания этих речей и горестного разрывания на себе фрака герой Гоголя готов вновь броситься в объятия порока и вручить свою судьбу аферистам, помогающим запутать дело и отвести заслуженную кару от Чичикова. Однако все-таки в сцене с Муразовым мы видим, как в гоголевском герое на какое-то время просыпается совесть и способность отличать добро от зла.

Показывая, духовное омертвление людей, Гоголь вместе с тем видит в них затемненный грехом образ Божий. Так, в письме графине А.М. Вельегорской от 29 октября 1848 года он говорит о том, что к каждому человеку надо подходить как к святыне. Для Гоголя - это тоже реальность, но реальность не раскрывшаяся, нереализованная. Путь, по которому идет человек, созревание его души часто не осознается им самим: "кое-что и слышит наш ум, да не слышит сердце"; «в конце дороги этой Бог» (из письма А.С.Данилевскому от 20 июля 1843 года).

¹ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.97.

Согласно Гоголю, пошлость, скука, омертвелость возникают в результате наполненности нашей души суетой, внешними делами, связаны с тем, что мы не прислушиваемся к тому, что происходит внутри нас.

В том же письме А.С. Данилевскому он указывает: "внутри всех нас есть источник света — хоть мы редко стремимся к тому, чтобы найти его". Позднее он напишет: "нужно людей видеть так, как велит видеть их Христос"¹.

Гоголь сетует о том, что человечество духовно спит, уйдя во внешнюю жизнь, в технические усовершенствования и всякий комфорт: "богатырски задремал нынешний век». Но если сейчас "только и грезят о том, как преобразовать человечество", то, увы, современный человек любит "дальнего, а не ближнего"; "все человечество готов он обнять, как брата, но брата не обнимет"². И вот отчего "весь мир страждет": "во всем усомнится современный человек — в сердце человека, которого знал много лет, в правде, в Боге усомнится, но не усомнится в своем уме..." Потому и "начались уже страсти ума". И вот почему "непонятной тоской уже загорелась земля, черствее и черствее становится жизнь, все мельчает и мелеет..."

Следуя святоотеческому учению о человеке, Гоголь указывает на незаконность и недопустимость поклонения уму, который у современных людей подвержен страстям и потому «вырабатывает неверные и искаженные понятия»³. Православная педагогика уделяет этой стороне человека особое внимание. Н.В. Маслов в данной связи

¹ Воропаев В.А., Виноградов И.А. Комментарии // Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том пятый. Мертвые души – М.: Русская книга, 1994, с.139

² Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями, с.187.

³ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.100.

подчеркивает: *«Под влиянием страстей человек становится неспособным управлять своими чувствами, желаниями и даже мыслями, так как его разум становится «помраченным», он не может «вместить просвещения»¹.*

Гоголь пишет: *«Поразительно, — в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума... Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинают говорить ложь противу собственного своего убеждения... из-за того только, что гордость не позволяет сознаться перед всеми в ошибке — уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума»².*

Писатель указывает, что, если в «иные веки» человека соблазняла гордость богатства, гордость происхождения, «гордость своими силами физическими», то теперь, в XIX, она дошла «до страшного духовного развития» в лице опаснейшей для нравственности человека гордости — «гордости ума». «Все вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесет его — и только не снесет название дурака. Над всем он позволит посмеяться — и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него — святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет... Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в боге усумнится, но не усумнится в своем

¹ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.100.

² Гоголь Н.В. Размышления о некоторых героях первого тома «Мертвых душ», с.189.

уме. Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права, не из-за личных ненавистей — нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуют лично из-за несходства мнений, из-за противуречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений еще не имевшие — и уже друг друга ненавидящие»¹.

Высказывания Н.В. Гоголя о необходимости борьбы со «страстями ума», о первенствующем значении нравственного, христианского воспитания в просвещении, образовании человека отвечают установкам православной педагогики, нацеленной на преодоление падшего, неестественного состояния человека, когда *«ум говорит одно, сердце влечется к другому, а воля настолько ослаблена, что не может направить человека по нужному пути»*.² Согласно православному подходу, *«педагогическое воздействие должно быть направлено не только на формирование отдельных навыков поведения, а на воспитание целостного человека — его ума, воли и сердца»*³. Гоголь видит путь к восстановлению целостности человека, трезвости его ума в покаянии, демонстрируя тем самым глубокое понимание и освоение святоотеческой педагогической традиции. Схиархимандрит Иоанн Маслов говорил: «Ум покаявшегося думает по-другому»⁴.

Гоголь рассматривает литературу как средство воспитания человека для вечности, как ступень к Богу и духовному бессмертию, и это также во многом согласуется с православным педагогическим подходом. В «Основах русской педагогики» читаем: *«Есть много среди*

¹ Гоголь Н.В. Размышления о некоторых героях первого тома «Мертвых душ», с.189.

² Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.411

³ Там же, 288.

⁴ Там же, с.374.

света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству»¹. Все образы гоголевских произведений несут в себе педагогическое начало, побуждают читателя к нравственному совершенствованию, духовному восхождению. По Гоголю каждый человек должен праведно служить Богу на своем месте, и этим праведным служением достигается как благополучие отдельных людей, так и благополучие всего общества и государства.

Характеризуя основы православной педагогики, Н.В. Маслов указывает: *«Все добродетели и все грехи связаны между собой и, подобно звеньям в цепи, зависят одни от других... Все вместе добродетели составляют «единый и цельный» путь человека к совершенству, к Богу, ко спасению... Начинать нужно с веры. Вера есть «мать и корень всех добрых дел», а неверие есть «корень злых дел и всяких грехов»². Поэтому вера лежит в основании принципов православной педагогики»³.*

Живая вера в Божественный Промысл, в то, что во Вселенной все совершается по непостижимому замыслу ее Создателя, вера, основанная на страхе Божьем и надежде на милосердие Спасителя пронизывает все произведения Гоголя от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Размышлений о Божественной литургии». Гоголь пишет о необходимости «высветлить человека во всех его силах» и в качестве пути к приобретению добродетелей видит пробуждение совести читателя путем показа ему в зеркале художественных образов тех поро-

¹ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.55-56

² Иоанн (Маслов), схииархим. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М.: Самшит, 1996

³ Маслов Н.В. Основы русской педагогики, с.452.

ков, которые гнездятся в его душе.

Главными источниками творческого вдохновения писателя выступают Евангелие, богослужение Православной церкви и творения святых отцов. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, - говорил он. - Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось»¹. По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках. Ольга Васильевна Гоголь-Головня, сестра писателя, вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил»².

Гоголь пишет Ольге Васильевне в январе 1847 года из Неаполя:

«Читай всякий день Новый Завет и пусть это будет единственное твое чтение Там все найдешь как быть с людьми и как уметь помогать им»³. Всякое слово из Святого Писания требует здравого и долгого размышления и предварительной молитвы к Богу, чтобы вразумил вникнуть в истинный смысл его, и потом требует также молитвы Богу о том, чтобы помог уже понятое разумно применить к делу и привести к исполнению»⁴. И далее: Ты... не только при всяком деле трудном, но даже и маловажном, призывай Бога»⁵.

Другой своей сестре Елизавете Васильевне Гоголь тремя месяцами позже пишет:

¹ Воропаев В.А. Нет другой двери. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hram-st.obninsk.ru/argiv/2007/gaz398.html>

² Из рассказов о Гоголе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/culture/rasskazy-o-gogole.htm>

³ Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том девятый. Письма. – М. : Русская книга, 1994, с.353

⁴ Там же, с.353-354.

⁵ Там же, с.354.

«Воспитание производится очень легко, если только хоть сколько-нибудь прежде воспитает себя тот, который воспитывает других¹. Путем любви все можно передать человеку². Эти слова касались Эмилии Ковриго, сироты, воспитанницы матери Гоголя. Эмилия рассказывала, что в ее отроческие годы Николай Васильевич учил ее грамоте и когда выучил, то первой книгой, которую девочка с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, - вспоминала она, - так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей»³.

В письмах Гоголя к сестрам, написанных с 1847 по 1851 год его православный педагогический дар раскрывается со всей полнотой. Так, в письме к Анне Васильевне и Елизавете Васильевне (от 3 апреля 1849 г.) читаем:

«Я, просто, стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться какими-нибудь узами на земле. От этого будет легче и разлука с землей. Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, забудем, что есть на земле страдания, несчастья. Заплывет телом душа – и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольстве. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней. Вы ничего не пишете о хозяйстве и о том, какие начались работы. Прошу вас

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том девятый. Письма. – М. : Русская книга, 1994, с.373.

² Там же, с.374.

³ Из рассказов о Гоголе [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/culture/rassказы-o-gogole.htm>

почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. Вас наиболее об этом прошу, милые сестры. Если не любите хозяйничать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас Бог, насылая на нас голод, невзгоды и всяки болезни, лишая нас даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда позабыв, о том, что они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Все тогда, весь мир идет наыворот – и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного»¹.

Евангельским духом любви проникнуто его письмо к Елизавете Васильевне, написанное весной 1850 года: «Ты жалуешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело, любит нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы? Умеем ли любить? А платит ли нам кто за любовь любовью, это не наше дело, за это взыщет Бог, наше дело любить. Только мне кажется, любовь всегда взаимна. Если только мы постараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас. Стало быть, размысли об этом, моя добрая и временами весьма неглупая сестра, не в тебе ли самой причина. Над собой нужно бодрствовать ежеминутно. Надо стараться всех любить, а не то в сердце явится такая сухость, такая черствость, такое озлобление, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость черствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в

¹. Собр. соч. в девяти томах. Том девятый. Письма. – М. : Русская книга, 1994, с.451

нем для любви. И натура наша делается только раздражительная, но не любящая»¹.

И, наконец, письмо, обращенное к Ольге Васильевне за два месяца до кончины писателя:

«Нам следует ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостну, не ликовать духом – даже грех. Поэтому и ты не грусти, ничем не смущайся, не пребывай в тоске, не веселись беспрестанно, в беспрестанном выражении благодарности и признательности, вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной песнью благодарения Богу. О, если бы сделать так, чтобы и никогда и времени не доставало для всяких других речей кроме ликующих речей вечной признательности Богу!»².

Эти строки проникнуты апостольским духом. Они перекликаются со словами апостола Павла: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите» (1-Фес. 5:16-18).

Дух благодаренья, славословья и любви пронизывает и молитвы, составленные Гоголем. Одна из них звучит так: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновеньем»³.

В заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» – «Светлое Воскресенье», говоря о желании избранных людей провести Светлый праздник «не в обычаях девятнадцатого ве-

¹ . Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том девятый. Письма. – М. .: Русская книга, 1994, с.478.

² . Там же., с.507.

³ Гоголь Н.В. Записная книжка 1846-1951 гг.// Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том восьмой. Исторические наброски. Заметки о русском быте. Словари, записные книжки. Выписки из творений святых отцов. – М.: Русская книга, 1994, с.456-457.

ка, но в обычаях вечного века», Гоголь восклицает: «Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней».

Непосредственно перед своей смертью Гоголь произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..». Здесь можно вспомнить о том, что святитель Тихон Задонский незадолго до своей блаженной кончины видел во сне «высокую лестницу, которая достигала облаков и по которой он должен был подниматься, хотя и чувствовал большую слабость»¹.

Сочинения Тихона Задонского Гоголь особенно любил и неоднократно перечитывал, и учение святителя о спасении, несомненно, оказало глубокое влияние на писателя.

Творчество Гоголя представляет собой образец духовного восхождения, целожизненный подвиг и имеет неоценимое значение для православной педагогики.

По замечанию Н.В. Маслова, педагог всегда в своей деятельности, подобно пастырю, должен помочь ученику «сохранить образ Божий, если он цел, и поддержать его, если он в опасности, способствовать его обновлению, если он поврежден»². Сказанное может быть отнесено к великому русскому писателю и педагогу Николаю Васильевичу Гоголю, книги которого сегодня помогают миллионам читателей сохранять, поддерживать и обновлять в себе образ Божий.

ЧАСТЬ II

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-

¹ Гоголь Н.В. Размышления о некоторых героях первого тома «Мертвых душ» // Гоголь Н.В. Собр. соч. в девяти томах. Том пятый. Мертвые души – М.: Русская книга, 1994, с.114.

² Иоанн (Маслов), схиархим. Лекции по пастырскому богословию. — М., 2001, с.208.

НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

О воспитании чувства возвышенного в языке и жизни¹

Сегодня является общепринятым положение о том, что церковнославянский язык выполнял на Руси роль литературного языка вплоть до конца XVII века. В течение XVIII века идет процесс формирования современного русского языка на основе церковнославянского языкового наследия и русской народной разговорной речи. Этот процесс завершился в первой трети XIX века. В творчестве А.С. Пушкина достигается органичное слияние русской и церковнославянской языковой стихий в единое целое. Именно поэтому Пушкина по праву называют основоположником современного русского литературного языка.

Как указывают современные ученые-слависты, благодаря своим церковнославянским корням, русский литературный язык обладает «двумерностью», в отличие от «одномерных» литературных языков, образованных лишь на одной разговорной основе (например, белорусский и украинский). Русский литературный язык включает в себе огромные возможности для выражения отвлеченных понятий, и этим он обязан, прежде всего, древнеболгарским традициям (абстрактная лексика у нас, в основном, церковнославянская по своему происхождению). Он обладает необыкновенно развитой синонимикой и системой стилей, имеющей иерархический характер. Присутствие в русском языке высокого стиля, в основе которого лежит церковносла-

¹ Выступление на VII Международной конференции по риторике (г. Москва, 29 января 2003 г.)

вянский язык, является главным источником выразительности нашей литературной речи.

В соответствии со строгим определением святителя Феофана Затворника, дух – это «орган богообщения». Церковнославянский язык, представляя собой язык богообщения, является носителем духовного начала в русской литературной речи. Именно это присутствие духовной вертикали в русском языке сделало возможным расцвет русской классической литературы, тексты которой обращены своим содержанием к вечным смыслам, пронизаны светом православного литургического сознания.

До революции 1917 года церковнославянский язык преподавался во всех школах. Преподавание церковнославянского языка было краеугольным камнем обучения, открывая неисчерпаемые богатства литургического круга и давая возможность приобщиться к высочайшим достижениям духа и формам искусства: иконописи, церковному чтению и пению. В прошлом русские люди погружались в живую атмосферу церковнославянского языка с детства, что способствовало пробуждению творческих сил, становилось стимулом к проявлению и развитию Божественного дара Слова. Расцвет русской словесности, успехи русской филологии в девятнадцатом и двадцатом веке – это плоды образовательной традиции, краеугольным камнем которой было преподавание церковнославянского языка с самого начала обучения в школе.

Сегодня возвращение к изучению церковнославянского в школе и вузе является необходимой предпосылкой для понимания наших культурно-языковых истоков, осознания славянского единства, со-

хранения духовных традиций русского народа.

В течение нескольких лет мне довелось преподавать церковнославянский язык в начальных классах школ г. Орла. Целью преподавания было формирование духовной доминанты в развитии языковой способности детей, пробуждение потребности в овладении высоким языком, отвечающим природным потребностям человеческого духа. Данной цели было посвящено все содержание и построение разработанной программы курса. На каждом уроке ставились задачи не только по овладению определенными языковыми знаниями, но и задачи духовного развития, воспитания чувства высокого в языке. В ходе преподавания наряду с традиционными для курса церковнославянского языка материалами: молитвами, отрывками из Библии, житиями святых – использовались также стихотворения русских поэтов, на которые оказал воздействие возвышенный строй церковнославянской речи. Сам подбор и использование церковнославянских и русских текстов в течение учебного года во многом определялся идеей литургического годового круга – по образцу «Родного слова» К.Д. Ушинского.

По своему опыту проведения уроков церковнославянского языка в начальной школе могу сказать, что дети тянутся к теплу и свету православной духовности. Они с радостью погружаются в атмосферу церковно-славянского языка как в родную стихию. Дети воспринимают церковно-славянский язык как язык живой, одухотворенный. Изучение азбуки-кириллицы, основ церковно-славянской графики, орфографии грамматики, знакомство с особенностями чтения церковно-славянских текстов превращается в череду удивительных от-

крытий радостного и нового мира, где каждая буква имеет свое имя и лицо, где весь строй текста вплоть до мельчайших знаков пронизан духовной символикой, где само звучание речи исполнено красоты, торжественности и силы. С любовью дети относятся и к церковному чтению и легко овладевают его особым напевным ритмом, проникнутым глубоким душевным миром.

Сегодня обращение к высокому церковнославянскому языковому наследию приобретает особенно важный характер: воспитание чувства возвышенного в языке и жизни становится одной из главных задач нашего образования. В настоящее время наблюдается тенденция к снижению нашей речи на фоне своеобразной сакрализации англо-американских речевых элементов в русском языке: англизированные слова и формы приходят на смену высоким словам и оборотам церковнославянского происхождения

Профессор В.В. Волков пишет: «Как выражение возвышенного высокий регистр и вообще церковнославянская речевая стихия, очевидно, с трудом доступны современному языковому сознанию, которое формируется средствами массовой информации и потому способно вращаться в основном в сфере, по выражению М.М.Бахтина, «материально-телесного низа»¹

Воспитание чувства высокого в языке является одним из условий сохранения стилистической структуры русской речи, выработки у молодежи своеобразного «языкового иммунитета», который поможет преодолеть разрушительные центробежные тенденции, связан-

¹ Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2001, с.291

ные с потоком варваризмов и давлением «языкового подвала» – воровского арго и вульгарного просторечия.

Наши дети испытывают неутолимый духовный голод, сами не осознавая этого. В этом мне пришлось, в частности, убедиться при проведении спецкурса «Развитие языковой личности младших школьников средствами языка и православной культуры» на факультете начальных классов Орловского госуниверситета. В ходе проведения спецкурса студенты я знакомил студентов со своим опытом преподавания церковно-славянского языка в начальных классах.

В качестве одного из пособий по спецкурсу было использована Симфония по творениям святителя Тихона Задонского, составленная схиархимандритом Иоанном Масловым. Тексты, включенные в Симфонию, отличаются высоким стилем изложения, возвышенным, духовным содержанием, непривычным для массового сознания. Были опасения, смогут ли студенты правильно воспринять столь непривычную для их слуха речь. Но эти опасения оказались напрасными. Как показали занятия по спецкурсу, возвышенный строй речи соответствует изначальным духовным потребностям студентов, способствует росту и расцвету их языковой личности.

Отрадные результаты дает знакомство с духовными основами русской речи в рамках курса «Риторика» на различных факультетах Орловского государственного технического университета. Одной из главных задач этого курса является знакомство студентов с особенностями русского речевого идеала, в основе которого лежат духовные традиции церковнославянского языка, а также традиции христианской гомилетики. Основным законом современной русской риторики

является закон гармонизирующего диалога, предполагающий установку на другого. Выражением ее является христианская заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя». Установка на диалогизированное речевое общение, характерная для русских риторических традиций, противостоит агональной установке (от. греч. *agon* – «борьба»), присущей современной западной и, в первую очередь, американской риторике, которая нацелена на завоевание и полное подчинение слушателей воле оратора.

Значительное внимание в курсе уделяется знакомству с высказываниями святых отцов о языке и речи, речами духовных ораторов.

Безусловно, говорить о полном преобращении мировоззрения студентов в результате знакомства с курсом риторики было бы недопустимым преувеличением. Однако об определенных сдвигах в ценностных установках, пробуждении стойкого интереса к духовным истокам русской речи свидетельствуют творческие работы студентов и, в частности, их сочинения на тему: «Современная русская речь и духовная мораль». Приведем некоторые выдержки из этих сочинений.

«...Происхождение мысле-словесного согласия проистекает из общего источника: совершенного Слова Божия, воплощенного в текстах священного Писания. Русский язык сегодня – это не только новые речевые технологии, телевизор, компьютер, массовая пресса. Это – и его церковно-славянская основа, глубокомыслие и сердечная сосредоточенность молитвы, богослужения, проповеди, всякий текст, обращенный к духу и душе человека» (Дмитрий Тарасов).

«Студенты остро чувствуют борьбу добра и зла в современной жизни, стремятся осознать подлинные истоки, направление, смысл

этой борьбы, они ощущают ложность эвдемонического, наслажденческого идеала западной цивилизации, заключающего в себе соблазн и пагубу для души. Студентка Кира Кузьменко пишет: «Упрощение всех сложностей бытия до «мыльной оперы», до примитивно «интересного» – это всемирного масштаба болезнь человеческого духа. Таким образом, язык современной рекламы внушает нам, что красота, сила, богатство, здоровье, молодость, успех являются основными ценностями, которым следует стремиться. А истинные ценности – такие, как добро, честь, достоинство, справедливость остаются в тени...И если бы человек в такой пестрой среде культурного воздействия подчинился бы всем призывам и любому нажиму, то он был бы вовлечен в вихрь хаоса, беспорядка и распада. Сохранить свою неповторимость, остаться самим собой помогает нам духовное наследие, Великое слово Библии».

Главным в христианстве является осознание ответственности за спасение собственной души, порождающей повышенную ответственность за свои слова и дела. «Необходимо оценить, во благо ли себе и другим будет то слово, которое ты рождаешь в мир»,- пишет Екатерина Котенева. «Человек с правильной и чистой речью несет в себе послание Божие. Сохраняя вечное и святое, мы спасаем свое духовное естество, сохраняем самих себя»,- перекликается с ней Дарья Шутанова.

Высокая сторона языка отражает устремление человеческого духа к горнему, имеет молитвенную природу. «Держи очи долу, а душу ввысь», - учили Глинские старцы. Студенты верят в силу молитвы и пишут об этом: «В поучениях отца Иоанна Кронштадского

меня больше всего затронула тема о вере в силу слов молитвы. Я уверена: нужно обязательно верить, «что за словом, как тень за телом, следует и дело». Зачем же тогда просить у Бога о чем-нибудь, если не веришь и не надеешься, что Он поможет, что надежды сбудутся... Я считаю, что молитва и вера в то, что за ней последует дело, выражаемое в ней, обязательно помогут человеку в несчастье» (Татьяна Трифонова); «Я искренне верю в силу молитвы, в то, что если молиться и верить всей душой, то любое желание, самое сильное, и с добрыми намерениями, может исполниться. Также я верю, что у каждого человека есть его Ангел Хранитель, который помогает во всех начинаниях и поступках, направляет на правильный путь человека и оберегает от совершения плохих деяний» (Екатерина Зубрицкая).

Как показывают приведенные примеры, знакомство с христианским риторическим идеалом, древнерусской речевой традицией, которая органично включает в себя церковнославянское (древнеболгарское) языковое наследие, существенно влияет на уровень языкового сознания студентов, создавая условия для овладения высоким стилем современной русской речи. Обращение к подлинным истокам русской речи, размышления над высказываниями святых отцов о языке приподнимают и возвышают душу, пробуждают самосознание студентов, укрепляют их веру в силу духовного слова, приближая их к постижению истинной цели человеческой жизни.

Проповеди профессора Московской Духовной Академии К.Е.Скурата как явление современного духовного красноречия¹

Профессор К.Е. Скурат хорошо известен как серьезный ученый, специалист в области церковной истории и святоотеческого богословия. Его глубокие, насыщенные материалом, логически выверенные лекции с благодарностью вспоминают поколения воспитанников Московских духовных школ. Гораздо менее известна деятельность профессора как проповедника, между тем гомилетическое творчество К.Е. Скурата представляет собой значительный интерес с точки зрения теории и практики современного духовного красноречия.

Книга К.Е. Скурата «Идите и научите» (Минск, 1998) включает в себя 73 текста – по несколько проповедей на все двенадцатые праздники, на Св. Пасху, во славу Божьей Матери, некоторых великих святых и на другие темы. Каждая из проповедей по отдельности представляет собой образцовый продукт гомилетического творчества. Взятый же как целое, этот сборник проповедей можно оценить как самостоятельное и уникальное произведение современной церковной русской словесности, объединенное образом автора – православного прихожанина, ученого, проповедника. Речевое творчество профессора Скурата целиком погружено в сферу жизни Церкви, однако проповеди его, обращенные к современникам, неизбежно несут в себе и косвенное отражение проблем окружающей нас жизни. Они также связаны с традициями русского академического красноречия и традициями русской классической литературы.

Большая часть проповедей, помещенных в сборник «Придите и

¹ Выступление на X Международной конференции по риторике (Москва, 1 февраля 2006 г.)

научите», относится к жанру поучения с элементами экзегетической и катехизической беседы. Начало проповеди, как правило, посвящено краткой характеристике совершающегося литургического события, далее раскрывается догматический, вероучительный его смысл и, наконец, определяется нравственное значение, деятельностный аспект церковного праздника. Проповеди отличаются относительно кратким объемом (3-4 страницы), что обусловлено ориентацией на возможности восприятия современного слушателя. Восприятие глубокого богословского, догматического содержания облегчается при помощи композиционных, языковых, ритмических средств.

Проповеди профессора Скурата являют собой образцы блестящего владения риторической техникой. Рассмотрим с этой точки зрения один пример из проповеди К.Е. Скурата «Апостол любви»: *Любовь такая духовная сила, которая существует вечно. Наступит время, когда сомкнутся наши глаза, остановится сердце, руки и ноги перестанут двигаться, прекратятся пророчества, умолкнут языки «и знания упразднятся», а любовь будет жить и будет соединять с Богом и друг с другом всех любивших любовью Божьей» (I Кор.13:18)*¹.

Данный фрагмент являет собой образец концентрации, «конвергенции» (М.Риффатер) различных топосов, тропов и фигур речи (топосы: «время», «предыдущее-последующее», «часть-целое», «противопоставление»; тропы: олицетворение, метонимия, эпитет; фигуры: определение, разделение, цитата, бессоюзие, инверсия, многообразные виды повторов).

Ритм изложения в проповедях К.Е. Скурата часто создается се-

¹ Скурат К.Е. Иидите и научите: сборник проповедей. – Мн.: «Лучи Софии, 1998, с.255. Далее при ссылках на данное издание страницы указываются в тексте..

риями двучленных и трехчленных повторов, их разнообразным сочетанием и чередованием. Показательным в данном отношении является начало проповеди «Сила и действие молитвы», посвященной празднику Преображенья Господня: *Важное и великое событие совершается ныне на горе Фаворской, событие, которое привело св. Апостолов в духовный восторг и которое св. Церковь торжественно празднует. В чем оно состоит, мы слышали в только что прочитанном св. Евангелии. Вид Спасителя изменился: лице Его просияло, как солнце, и одежды Его сделались блистающими, белыми, как снег (Мф. 17: 2; Мр. 9:3). Божество явилось в человечестве, и человечество явилось в Божественной славе.*

В первом предложении дважды повторяется подлежащее *событие*, к которому относятся два определительных придаточных предложения с союзным словом *который*, соединяемые между собою при помощи союза *и*, что создает симметрию с парным определением «важное и великое», открывающим текст. Далее следует двучленная симметричная конструкция, заключающая в себе синтаксический параллелизм (*лице Его просияло, как солнце, и одежды Его сделались блистающими, белыми, как снег*). Наконец, завершает череду повторов хиазм (перекрестный повтор). Есть основание предполагать, что мы имеем дело здесь с серией иконических знаков, форма которых корреспондирует с содержанием, выражая идею нераздельности и неслиянности двух природ Иисуса Христа. Показательно, что эта серия повторов завершается «крестом».

Далее в проповеди следует череда трехчленных параллельных синтаксических конструкций и повторов: *Созерцание Фаворского*

света не закрыто и для нас, не преграждено непроходимой стеной, не поглощено бездной (с.107); Она (молитва, Б.Б.) преобразует грешника в праведника, раба грехов и страстей в свободного сына Божия, человека плотского творит мужем духовным (с.107); Пусть же каждый из нас спросит себя: такая ли у него молитва? Старается ли он полюбить ее более других занятий? Находит ли он в ней свою отраду и пищу для своей бессмертной души? (с.110).

В конце же проповеди вновь возвращаются двучленные конструкции и повторы: *Будем же, дорогие православные христиане, молиться от всей души молитвой чистой, крепкой и прилежной! Будем молиться о приобретении самой настоящей молитвы – и все остальное приложится нам! Господь возведет нас на Фавор, или в нас самих откроется Фавор, небо (с.110).*

Подобное чередование двучленных и трехчленных повторов, широко распространенное в проповедях К.Е.Скурата, на наш взгляд, имеет глубинную связь с символикой Православной Церкви, где числа «2» и «3» связаны с обозначением христологического и троичного догматов.

Ярким примером использования языковых категорий в качестве иконических знаков в проповедях К.Е. Скурата является употребление «настоящего вневременного», позволяющего передать идею явления Вечности во времени, которая тесно связана с литургическим сознанием верующих, переживающих праздники годового богослужебного круга как участие в священной истории, соучастие в крестном пути Христа. Ср.: «Через Крестные Муки или Воскрешение христианин рассеивает мирское время и вливается во время изначальное

и священное»¹.

В ряде случаев цепь глаголов настоящего времени в проповедях К.Е. Скурата предваряется употреблением форм прошедшего совершенного вида, выступающих основой «события рассказывания» (Ю.Н. Тынянов). Характерный пример: *На водах Иорданских «явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (Тит. 2: 11). В лице Христа Спасителя все люди обретают благоволение Божие. Дух Святой «в виде голубине» извествует о наступившем восстановлении общения Бога с людьми. Освящается и естество водное, имеющее стать средством духовного возрождения человека. Иорданские воды, прикоснувшись к безгрешному и сияющему Божеством телу Богочеловека, очищаются и получают силу обновлять человека, возвращать ему нетление и делать его наследником вечной жизни (с.15).*

В дискурс проповедника органично вплетаются слова Священного писания и слова крещенского тропаря; сочетание русских и церковнославянских элементов создает особый возвышенный настрой речи. Черда глаголов в форме настоящего времени с соответствующими формами причастий (*обретают, извествует, освящается, очищаются, получают, имеющему, сияющему* и пр.) передают идею непрерывного возвращения, живого кольца: от момента речи проповедника в ходе совершения крещенского богослужения сознание слушателя переносится в момент Богоявления и тут же обращается к вечному, вневременному значению Великого события.

Выразительные возможности глагольного времени с наиболь-

¹ Элиаде М. Мифы современного мира.// Психология религиозного мистицизма.- Минск-Москва, 2001, с.17

шей силой и полнотой раскрываются в проповеди «Еммаус». Введение и основная часть проповеди построены как рассказ о встрече Луки и Клеопы с воскресшим Христом. Особую роль в этом рассказе играют формы глаголов прошедшего времени совершенного вида, передающие значение «факта совершившегося и пребывающего доныне» (А.А. Потебня): *И рыбаки преобразовали лицо мира. Христос Господь для того и отверз им ум и просветил их Своим светом, чтобы и они отверзли ум, просветили сердца тысяч, десятков, сотен тысяч людей и помогли им стать через веру, через жизнь сынами света (с.198).*

В заключении история Луки и Клеопы становится прообразом жизненного пути христианина, помогая создать потрясающее по силе впечатление соприсутствия Христа, встречи с Ним. В создании этого впечатления значительную роль играет «настоящее вневременное»: *Каждый из нас есть Еммауский путник... По пути с нами идет Иисус Христос, если только мы не чуждаемся Его. Идет и слушает наши речи, смотрит на наши дела, испытует мысли и желания. Испытует, но не стесняет нашей свободы (с.198).*

Местоимение «мы» и соответствующие глагольные формы, используемые Константином Ефимовичем, приобретают особый убедительный и объединяющий смысл: проповедник является одним из мирян, одним из рядовых членов Церкви, говорит и свидетельствует, как один из них. Здесь мы имеем дело с одним из проявлений гомилетического этоса, которую можно определить как соборность. В церковной проповеди снимается проблема поиска точек совпадения интересов говорящего-проповедника и слушающих: «Отдельное «я» все-

гда включено в Церкви в «мы», без которого нет «я», но «мы» не есть конгломерат отдельных «я», а сама Церковь, как тело Христово»¹.

В приведенных примерах, как и во многих других текстах проповедей, оставшихся за пределами нашего рассмотрения, в полной мере представлено и пафосное гимнографическое начало – откровение «внутреннего человека», переживание чувства реального единения и общения с Ним в соборной церковной жизни: *И разве мы с вами этого не чувствовали, не пережили? Если бы милость Божия не касалась наших сердец, то храмы наши опустели бы. Но они наполняются молящимися и будут наполняться до тех пор, пока стоит земля («Сила молитвы»: с.133)*

Поистине: «от избытка сердца говорят уста» (Лк. 6.45). Безупречная догматическая основа, богословский экзегетический дар в проповедях К.Е.Скурата сочетаются с возвышенной богодухновенной позией. «Богослов-поэт», - так называет в своей «Литургике» архимандрит Киприан (Керн) святителя Григория Богослова. Эти слова могут быть в полной мере отнесены и к Константину Ефимовичу Скурату.

Несмотря на то, что Священный Собор Православной Русской Церкви 1917-1918 гг. определил «весьма желательным» привлечение к церковному учительству «способных к проповедничеству благочестивых мирян», эта практика на сегодня является скорее исключением, чем правилом. Между тем задача «усиления и развития православно-христианского благовестия», сформулированная Поместным Собором, в настоящее время стоит не менее, но даже более остро, чем в

¹ Прот. Николай Афанасьев Церковь Духа Святого. – Рига, 1994, с.294

пореволюционные годы. В данном отношении гомилетическая деятельность профессора МДА Константина Ефимовича Скурата, имеет важное значение для жизни современной церкви, для жизни современной отечественной культуры.

Православные истоки русской военно-патриотической словесности¹

«Довлеет дневи злоба его» – сказано в Евангелии. Мы вспоминаем каждый раз эти слова, когда сталкиваемся с неспособностью людей оценить истинный масштаб происходящего. Говоря о прошлом, настоящем и будущем, о течении времени, о годах и веках, мы пользуемся человеческой шкалой отсчета, человеческими мерами ценностей. Но для Бога тысяча лет – как один день. В Боговоплощении исчезают границы между временным и вечным. С Христом в мир приходит праздник, а праздник всегда – вне времени. И именно в это вневременном единении душ во Христе исполняется Святое Дело Православной Церкви.

Сейчас нередко можно столкнуться со стремлением осмыслить роль Православия в современном мире. «Православие в XXI веке» – так называют круглые столы, беседы, встречи. Подобная постановка вопроса подразумевает некоторую историческую перспективу. В соответствии с этой перспективой Православие может рассматриваться как некоторая традиция, локализованная во времени. При этом возникает ряд ассоциаций: культура нуждается в бережном сохранении, мы – деятели культуры, наша задача – спасение ее. Однако Православие не укладывается в эти привычные ходы мысли. Православие – это, прежде всего, Церковь. Церковь же как явление Вечности на земле не нуждается в спасении. Она может обойтись без нас. Но мы обойтись без нее не можем. Таким образом речь должна идти не о том, как ввести Православие в XXI век, но о том, как XXI век может войти в Православие.

¹ Выступление на конференции, посвященной проблемам духовной безопасности (г. Пятигорск, 19 ноября 2004 г.)

Чем же отличается путь к Православию, к Церкви в XXI веке? Есть ли здесь принципиальные отличия по сравнению с прошлыми веками? Надо признать, что в основном, в главном путь этот не изменился, как не изменился в природе своей человек. «Если бы четыре правила арифметики представляли не способы, как посредством сложения, вычитания, умножения и деления можно производить не счисление внешних предметов, а доказывали бы наличие грехов и сколько у кого страстей и как нехорошо иметь их, то и эти правила ни для кого не были бы убедительны», – писал епископ Варнава – один из многочисленных исповедников российских XX века. Нам труднее всего признать, что за всё, без исключения, в нашей собственной жизни несем ответственность только мы сами и наше спасение зависит только от нас самих. Авва Исаак Сирий говорил, что лучше тот, кто видит себя самого, чем тот, кто видит ангелов. «Как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца», – писал одному из своих духовных чад оптинский старец Амвросий.

Когда мы делаем первые шаги к Церкви, нас встречает множество соблазнов и искушений. Один из опаснейших и среди них – соблазн подмены внутренней сосредоточенной работы по очищению своего сердца внешней рассеивающей суетой – наслаждением дивной церковной культурой, паломническими поездками, общественной деятельностью, направленной, казалось бы, на самые благие цели – пропаганду и защиту Православия. Но, по словам святителя Феофана Затворника, легче пройти самый трудный паломнический путь, чем путь к собственному сердцу. Как учат святые отцы, все мы находимся

в разной степени прелести, поклоняясь идолу самости. «Поклонение золотому тельцу, собственной персоне – какое это беспросветное страдание!» – писала Великая княгиня Елизавета Федоровна, отвечая своим светским знакомым на вопросы о том, почему она хочет уйти от мира. Освобождение от прелести самопоклонения чрезвычайно болезненно. Поэтому мир испытывает неприязнь по отношению к Православию, требовательно тревожащему совесть людей, стремящегося отвратить людей от наркотического упоения земным, преходящим, тленным. Оставив на время попытки уничтожить Православие, мир сейчас делает все, чтобы изолировать его от жизни, заключить в ограду культурного заповедника, родового кладбища, возвести непреодолимую стену между Церковью и государством, Церковью и обществом. Желание уютно устроиться на земле без Бога, о котором писал в свое время Ф.М. Достоевский, сегодня сильно, как никогда. Но, как говорит церковный писатель второго века Ерм, «Милостив Бог, Он не даст нам погибнуть в нашем благополучии, пока не сокрушит костей наших».

Надо сказать, что сам принцип отделения церкви от государства, который сегодня пугает многих, родился на Западе в результате непомерных притязаний Римской католической церкви на контроль за всеми сферами государственной и общественной жизни. В сознании многих сегодня бытует мнение о Православной Церкви прежде всего как о религиозной организации, одной из многих других. Но это глубоко неверно. Путь Православия – не внешний организационный и политический путь. Православие целиком обращено к внутреннему человеку, к его сердцу. И в этом задачи Православия совпадают с за-

дачами духовно-нравственного воспитания человека., направленного на воспитание сердца, его возвышение, пробуждение в нем сил любви.

Сейчас стало модным цитировать слова Гамлета: «Распалась связь времен...» Нас всеми силами стараются убедить в исчерпанности нашего исторического пути. Вместе с тем есть место, где связь времен никогда не прерывалась Это – Православная Церковь. Реальность данной связи мы особо остро ощущаем, когда приходим в храм, когда слышим во время литургии великие молитвенные слова: «о всех и за вся...».

Важнейшей социальной, культурной, педагогической задачей сегодня является преодоление той информационной блокады, которая создана вокруг подлинной истории нашего государства, нашей культуры, в основе которой, как и в основе всего русского народного мировидения, лежит православная духовность. Это становится совершенно очевидным, как только мы обращаемся к самим фактам, к текстам исторических источников и, в частности, к образцам русского военно-патриотического красноречия. Покажем это на нескольких хрестоматийных примерах.

Все мы знаем, какую роль сыграла Куликовская битва в истории нашего отечества, однако мало кому известна речь Дмитрия Донского, с которой он обратился к своим соратникам перед сражением. Процитируем отрывок из знаменитого в Древней Руси произведения - «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Царя русского», где приводится его речь:

«И призва велможа своя и вся князи Русьскыя земля, сущая

подъ властію его, и рече княземъ Русьскыя земля и велможамъ своимъ: «Лепо есть намъ, братіе, положити главы своя за правоверную веру хрiстіянскую, да не пріяти будут грады наши погаными, ни запустеютъ святыя Божія церкви, и не разсеяни будемъ по лицу всея земля, да не поведени будутъ жены наша и дети в полон, да не томими будемъ погаными по вся дни, аще за насъ умолитъ сына своего и Бога нашего Пречистая Богородица» И отвещаша ему князи русьтїи и велможа его: «господине русьскый царю! Рекли есмя тебе живот свой положити, служа тебе; а ныне тебе ради кровь свою проліем и своею кровію второе крещеніе пріимем»¹.

Примечательно, что Дмитрий Донской начинает свою речь не со слов о защите национальной независимости, но с призыва «положити главы своя за правоверную веру хрiстіянскую» - эта тема оказывается ведущей в речи: великий князь говорит о возможном захвате русских городов как о святотатстве – татары называются погаными, то есть неверными. «Да ни запустеют святыя Божія церкви!» - восклицает Дмитрий Донской. Эта угроза воспринимается оратором и его слушателями как самая страшная, все остальные угрозы от татарского нашествия перечисляются после, расцениваются как следствия потери главного, составляющего краеугольный камень народного существования – православной веры. О силе впечатления, произведенного речью великого князя и о полной солидаризации слушателей с ним свидетельствует их реакция - соратники Дмитрия восклицают:

¹ Хрестоматия по древней русской литературе для высших учебных заведений/ Сост. Н.К.Гудзий. - М.: Учпедгиз, 1952, с.184.

«...своею кровію второе крещеніе приимем». То есть возможная смерть в бою от рук неверных представляется как мученическая смерть, как сораспятие со Христом: спасение Руси не отделяется от спасения души.

Свой вклад в историю русского военно-патриотического красноречия, наряду с полководцами, великими князьями и царями, руководителями государства, внесли и обычные граждане. Наиболее показательный пример в этом отношении представляет речь нижегородского купца Козьмы Минина, произнесенная в момент, когда Русь фактически утратила государственную независимость, когда враги захватили столицу и господствовали над значительной территорией страны и когда решалось, быть нашему Отечеству или не быть:

«Сограждане! Отечество гибнет! Свирепость врага неимоверна; они заняли первопрестольный град. Если падет Москва, падет Вера и Отечество, падем и мы. Пожертвуем всем, зложим жен и чад наших и искупим Отчество. Вождь Пожарский укажет нам путь к победе. Сограждане! Решите, что ожидает нас – рабство или свобода»¹.

До революции 1917 года речь Минина знал каждый школьник. Она входила в хрестоматии по риторике. Сегодня основную часть обучения идеям американизма как государственной идеологии Соединенных штатов Америки составляет изучение школьных хрестоматий образцовых речей, повернувших ход истории США. Патриотические чувства американцев всемерно поддерживаются и укрепляются государственной пропагандой. В современной же россий-

¹ Цит. по: Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово – М.:»Просвещение», 1996, с.196.

ской прессе слова «патриот», «патриотический» приобрели негативное оценочное значение и, как правило, употребляются с иронией.

Нас стараются убедить, что до Петра I, приобщившего Россию к европейской цивилизации, в нашей истории не было ничего, кроме мрака, что Древняя Русь была лишенной гражданской жизни и общественной свободы страной, неотличимой от восточных деспотий. Но речь Минина опровергает это мнение. Она представляет собой обращение к свободным людям, исполненным чувства собственного достоинства и гражданского самосознания. Из истории мы знаем, какой благодарный отклик нашло обращение Минина в сердцах наших предков. Между тем эта речь была произнесена в 1611 году. До выхода в свет знаменитого «Левиафана» Томаса Гоббса с его идеей общественного договора, правового государства оставалось 50 лет. Однако в основе этой идеи, лежащей в основе современной концепции правового общества, по сути дела, лежит мысль о войне всех против всех: «человек человеку волк». На Руси же в основе государства и гражданского самосознания людей лежали иные, высшие, соответствующие человеческому достоинству начала – начала соборности, веры и любви.

Патриотизм Козьмы Минина и всех наших предков был неотделим от Православной веры. Он восклицает: «Если падет Москва, падет Вера и Отечество!». Вера – на первом месте. Она составляет основу патриотического чувства.

Война против Наполеона стала отечественной в первую очередь потому, что русский народ не мог простить надругательство над верой, над православными храмами, которое допускали наполеоновские

солдаты в России и от которого они воздерживались в Западной Европе. Выдающийся русский мыслитель второй половины XIX века К.Н. Леонтьев писал по этому поводу: «Известно, что многие крестьяне наши (конечно, не все, а застигнутые врасплох нашествием) обрели в себе мало чисто национального чувства в первую минуту. Они грабили помещичьи усадьбы, бунтовали против дворян, брали от французов деньги. Духовенство, дворянство и купечество вели себя иначе. Но как только увидели люди, что французы обдирают иконы и ставят в наших храмах лошадей, так народ ожесточился и все приняло другой оборот»¹ [2, с.31]

Победа над Наполеоном – «супостатом» - воспринималась людьми того времени как чудо, как милость Божия, как победа святой веры над неверием и злостью. Это настроение чрезвычайно сильно выражено в Манифесте Александра I от 25 декабря 1812 года, текст которого был составлен большим мастером военно-патриотического красноречия адмиралом Александром Семеновичем Шишковым:

«Итак, да познаем в великом деле сем промысл Божий. Повергнемся пред святым Его Престолом и, видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злость, вместо тщеславия и кичения о победах наших научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли Его исполнителями, непохожими на сих отпадших от веры осквернителей храмов Божиих, врагов наших, которых тела в несметном количестве валяются пищею псам и вранам.»² [3, с.399]

Выражением всенародной благодарственной молитвы стал стал

¹ Леонтьев К.Н. Храм и церковь. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, с.31.

² Цит. по: Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Издательство храма св.муч. Татианы, 2001, с.399.

храм Христа Спасителя, воздвигнутый в память победы над Наполеоном. Восстановление этого храма явилось сегодня данью русским духовным и патриотическим традициям.

Обращение к православным истокам народного мировоззрения сыграли значительную роль и в пробуждении патриотического чувства людей во время Великой Отечественной войны. Гитлер рассчитывал на легкую победу над народом, терроризированным массовыми репрессиями коммунистического режима. Но этого не произошло. Немалую роль сыграло в мобилизации людей на борьбу обращение к православным истокам русского патриотического чувства. Показательно, что знаменитое обращение Сталина к народу от 3 июля 1941 года начинается словами «Братья и сестры!». Эти слова - из христианской, православной традиции. Сталин, хорошо знавший историю, сам в прошлом учащийся семинарии, проявляет здесь острое чутье политика: он отвергает коммунистическую риторику и обращается к генной памяти народа, к его православному сердцу. Генералиссимус не мог также не учитывать того факта, что по итогам переписи 1937 года православными себя исповедовали 42,3 % всего взрослого населения страны (и это в условиях масштабной государственной атеистической пропаганды и беспрецедентных гонений, когда уже сам факт исповедания христианской веры угрожал репрессиями).

В настоящее время для нашей страны существует реальная опасность потери духовно-нравственных и национально-государственных ориентиров. Все более грозно и настойчиво встает вопрос: быть или не быть России.

В Православии существует такое понятие, как «остаточная бла-

годать». Видели ли вы когда-нибудь срубленное цветущее дерево? В нем еще сохраняется жизнь, оно цветет по инерции, благодаря сокам, которые все еще в нем остаются. Мы сегодня напоминаем такое дерево. Мы живы пока остаточной благодатью, силой духовной инерции прошлого, которая все еще остается в народной душе и теле, молитвами мучеников и исповедников российских. Но мы сейчас переживаем глубокий и грозный кризис. Диагноз здесь может только один: затянувшийся кризис в нашей культурной, мировоззренческой, хозяйственной жизни связан с недостаточно четким осознанием национальных духовных ориентиров, с потерей исторической памяти, с отказом от традиций Православия.

Прочитую еще раз Константина Леонтьева, который писал: «Не Православной Церкви нужна Россия, но России нужна Православная Церковь». При этом он предостерегал, что Бог волен воздвигнуть Церковь где угодно, «хоть в Китае», если Россия окажется недостойной своего великого предназначения.

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!

Се, оставляется вам дом ваш пуст.»(Мтф.23.37-38).

Эти суровые слова Спасителя могут прозвучать и по отношению к нам.

Мы русские, потому что мы православные. Это прекрасно понимал и Дмитрий Донской, и Козьма Минин, это понимали миллионы наших предков, оставивших нам в наследство великую страну. Осознание своих православных истоков, сохранение верности им – это не

только предпосылка сохранения самобытности русского народа, но и залог самого существования нашего национально-государственного организма, залог будущего России.

О любви к отечеству и родному языку: уроки адмирала А.С.Шишкова¹

Наше время определяют как век информационных войн. По своим результатам эти войны иногда оказываются гораздо эффективнее обычных: при помощи средств информационного, идеологического воздействия без единого выстрела достигается контроль над целыми государствами, над их политикой, экономикой, общественной жизнью. Беспрецедентная информационная война ведется против России. Очень важно отдать себе отчет в истоках, направлении и средствах этой войны, ведущую роль в которой играет лингвистическая составляющая. «Хочешь завоевать кого-либо – навяжи ему свой язык», – этот принцип, восходящий к идеям Ницше лежит в основе западной геополитики.

Независимость, самостояние, процветание народа во многом определяется его отношением к слову, к родному языку. Сегодня речевые действия рассматриваются как основной резерв социально-экономического развития в ряде ведущих стран. Характерный пример – государственная программа Японии – «Языковое существование человека и народа» Профессор Ю.В.Рождественский в своих работах «Теория риторики» и «Принципы современной риторики» убедительно показал связь этой программы, нацеленной на укрепление национального самосознания общества, с впечатляющими успехами Японии. Япония не только сумела при помощи этой программы преодолеть последствия поражения во Второй мировой войне, но и создать положительный образ страны в мире. В 1958 году конгресс США под

¹ Выступление на Международном педагогическом форуме «Глинские чтения» (г. Сергиев Посад, 28 июля 2007 г.)

впечатлением советских успехов в космосе принимает «Закон об образовании ради национальной обороны». Этот закон предусматривал риторическую и герменевтическую направленность обучения языку. Главная задача – обучение убедительному говорению и глубокому пониманию. Основным пособием обучения американизму – государственной идеологии США – становятся хрестоматии речей, изменивших историю Америки. В нашей стране сегодня в полной мере начинает осознаваться значение языка в укреплении и строительстве государства, в обеспечении национальной безопасности.

Правительство РФ приступает к активным действиям, направленным на поддержку и сохранение русского языка. Достаточно указать на федеральную целевую программу «Русский язык» и законопроект «О русском языке как государственном языке в Российской Федерации». Кроме того, при Правительстве РФ создан Совет по русскому языку. Государству и обществу еще предстоит большая содержательная работа по осуществлению намеченных планов.

И в этом нам может помочь обращение к истории нашего отчества, мыслям, словам и деяниям великих мужей прошлого, сумевших столетия тому назад постигнуть духовную суть пути России и указать средства сохранения и самобытного развития народного организма. Одним из таких великих мужей является писатель и государственный деятель, президент Российской Академии, знаменитый русский лексикограф адмирал Александр Семенович Шишков.

Его труды на пользу Отечества исключительно разнообразны и плодоносны. Первая половина жизни Шишкова в большей мере отдана военно-морскому поприщу. Он оканчивает в 1771 году Морской

кадетский корпус, служит на флоте в Архангельске, совершает в составе военно-морской экспедиции исполненный опасностей переход из Кронштадта через Средиземное море и Дарданеллы в Черное море, преподает тактику в Морском Кадетском корпусе, переводит с французского труд Ромма «Морское искусство» и составляет «Трехязычный морской словарь на Английском, Французском и Российском языках в трех частях». Этот его труд – «первый словарь, где была собрана и переведена специальная терминология». В это же время, в 80-х годах он составляет «Детскую библиотеку», куда вошли отчасти переводы с немецкого, а отчасти стихи и рассказы самого Шишкова. ««Детская библиотека» получила в свое время самое высокое признание, какое могут получать стихи, многие стихотворения Шишкова стали безымянны, их переписывали, заучивали наизусть. В 1790 году Шишков командует фрегатом «Николай» во время войны со Швецией, и награждается золотым оружием с надписью «За храбрость». И в то же самое время Шишков играет ведущую роль в составлении и редактировании первого издания «Словаря Академии Российской»). Вторая половина 90-х годов была успешной для научной и служебной карьеры Александра Семеновича. В ознаменование выдающихся научных и литературных заслуг Шишков избирается членом Российской Академии. Он также производится в вице-адмиралы и назначается членом адмиралтейской коллегии, но вскоре оказывается в опале, его удаляют от двора. В 1802 году он подает в отставку и целиком отдается литературным и научным занятиям.

Вскоре выходит в свет его книга «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка». С тревогой смотрели тогда многие русские

люди на распространявшееся в высшем свете презрение ко всему отечественному, на стремление бездумно перенимать иностранный образ быта. Дети дворян того времени, плохо знали по-русски и, достигши совершеннолетия, не то, чтобы могли читать, – с трудом разговаривали. А когда начинали говорить и писать по-русски, исконно употреблявшиеся слова заменяли кальками - буквальными переводами с французского. Одновременно с распространением этого языка Россия оказалась наводнена и развращающими идеями – во всеуслышание восхвалялась лживость, несправедная торговля, цинизм, прелюбодеяние. Сами европейцы, побывавшие в то время в России, смотрели на такое духовное вырождение высших классов с удивлением. Вот что писала англичанка Вильмонт, посетившая Санкт-Петербург и Москву в 1805 году: «Русские переносят вас во Францию, не осознавая нимало, сколь это унижительно для их страны и для них самих; национальная музыка, национальные танцы и отечественный язык – все это упало и в употреблении только между крепостными»¹.

Обо всем этом открыто и резко заговорил Александр Семенович Шишков в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»: «дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся

¹ Цит. по кн. Карпец В.И. Муж отечестволюбивый. – М.: «Молодая гвардия», 1987, с.51.

не знать оно, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются»¹

Язык рассматривается им как основа народного бытия. И ломка языка неизбежно оборачивается ломкой всего – быта, народных устоев, государственности. «Кому,– писал Шишков,– приходило. голову с плодоносной земли благоустроенный дом свой переносить на бесплодную болотистую почву?» Уж если русские люди действительно верят в «превосходство новейшего времени французов», то, наверное, «надлежало бы взять их за образец в том, чтобы подобно им трудиться в создании своего красноречия и словесности, а не в том, чтобы найденные ими в их языке нимало не сродные красоты перетаскивать в свой язык»². Шишков призывает искать истоки литературного языка и словесности в собственной многовековой культуре. Заимствование слов из другого языка, по его мнению – отказ от своего взгляда на вещи, подчинение своего образа мысли чужому.

Разумеется, Шишков понимал, что не Франция и не французский язык опасны сами по себе. Тревогу адмирала вызывало именно засилье неологизмов и галлицизмов, без особой необходимости засорявших и вытеснявших русскую речь. В этом засилье Шишков видел разрушительную роль «нового слога» как для мировоззрения каждого русского человека, так и для национального самосознания в целом. «Вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям, многие века возраставшим и укоренившимся в умах на-

¹ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. – Спб, 1803, с.5-6.

² Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. – Спб, 1803, с.9-10..

ших, изображаем их по правилам и понятиям чуждого народа»¹, – писал автор «Рассуждения о старом и новом слоге...».

Шишков как проницательный наблюдатель осознавал, что одновременно с распространением французского языка русский человек оказался под воздействием чуждого образа мыслей, чуждого быта, чуждых идей, зачастую сомнительных с нравственной точки зрения. Через «адюльтерные романы», которые тогда переводились и печатались в большом количестве, стали восхваляться лживость, цинизм, прелюбодеяние, тщеславие, сребролюбие и другие грехи. Иностранцы породили в русском обществе большое количество новых потребностей, без удовлетворения которых люди раньше спокойно обходились.

И наоборот, такие состояния человеческой души, как кротость, воздержание, умиление, смирение перестали адекватно отражаться в языке. В результате около двух третей лексики исконного русского словаря оставались без употребления. Поэтому и стремился Шишков обратить внимание на историю русского языка, на его церковнославянское происхождение, на его связь с праязыком, на котором говорили первые люди. По мысли автора «Рассуждения...», в самой славянской азбуке воплощен дух полноты, в ней живет в нетронутом виде то отношение к жизни, к Богу и человеку, которое вдохновляло святых Кирилла и Мефодия, ее создателей. Шишков был уверен, что отказ от славянской азбуки означает одновременное разрушение этой мировоззренческой полноты. Язык для Шихкова неразрывно связан с нравственностью, с глубиной человеческих чувств, с их искренно-

¹ Там же, с. 14.

стью. Первой важнейшей функцией языка, согласно А.С.Шишкову, является строительство мировоззрения человека.

Шишков не соглашается с утверждениями тех, кто считает, что переносы произведены из французского языка потому, что в русском нет слов, образующих эти понятия. Но мало ли в нашем языке таких названий, которых французы точно выразить не могут? *Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробие, чадолубие* и множество сему подобных, коим на французском языке, конечно, нет равносильных; но меньше ли чрез то писатели их знамениты? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие, умоделие, багряница, возделение, велеление* и прочие? Чем меньше мы их употреблять станем, тем беднее будет становиться язык наш и тем более возрастет невежество наше – такова главная мысль «Рассуждения о старом и новом слоге». «Французы не могли из духовных книг своих столько за

Труд Шишкова вызвал резкую отрицательную реакцию «западников» того времени, однако он стал основой для формирования целого направления в русской словесности, названного впоследствии «архаистами». С этим направлением связаны не только имена писателей старшего поколения – таких как Державин, Крылов, Дмитриев, но творчество так называемых младоархаистов – А.С.Грибоедова, Гнедича, Катенина, Кюхельбекера. Много общего с архаистами было у Тютчева. Главной и по достоинству до сих пор недооцененной заслугой Шишкова стало сохранение церковно-славянского наследия в составе русского литературного языка. А.С.Пушкин, которого называют основоположником современного русского языка, в юности с

азартом участвовал в литературной полемике против Шишкова на стороне его противников-карамзинистов. Однако в зрелые годы он во многом пересматривает свою позицию и делает очень много для утверждения церковно-славянской стихии в качестве одной из основ языка художественной литературы и, опосредованно, русского литературного языка. Сам Шишков высоко ценил Пушкина за особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность. По предложению адмирала Пушкин был избран в действительные члены Российской Академии.

В 1812 году А.С.Шишков публикует свое знаменитое «Рассуждение о любви к отечеству».

«Человек, почитающий себя гражданином света,—пишет он,— то есть не принадлежащим ни к какому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных. Какой изверг не любит матери своей? Но Отечество не меньше ли нам, чем мать? Отвращение от сей противоестественной мысли так велико, что, какую бы ни положили мы в человеке худую нравственность и бесстыдство; хотя бы и представили себе, что может найтись такой, который в развращенной душе своей действительно питает ненависть к Отечеству своему; однако и тот постыдился бы всенародно и громгласно в том признаться. Да как же и не постыдиться? Все веки, все народы, земля и небеса возопяли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать»¹. Не много найдется в истории русской словесности столь вдохновенного гимна нашему Отечеству: « Что такое Отечество? Страна, где мы родились, колыбель, в которой мы взле-

¹ Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству. — Спб, 1812, с.4.

леяны, гнездо, в котором согреты и воспитаны; воздух, которым дышим; земля, где лежат кости отцов наших, куда сами ляжем».¹ Эти и подобные строки писались непосредственно перед войной 1812 года, находили отклик в душе русских людей, готовили идейную почву для сопротивления чужеземному нашествию и для победы над страшным по своей силе врагом.

В «Рассуждении о любви к Отечеству» Шишков обозначил еще две существенные функции языка. Во-первых, русский язык является государствообразующим элементом. Во-вторых, русский язык служит фактором сдерживания любой иностранной агрессии, а значит, обеспечивает национальную безопасность. По словам Шишкова, «народ российский всегда крепок был языком и верою; язык делал его единомысленным, вера единосущным. Двести лет стонал он под игом татар, но в языке и вере пребыл неприменен».

Особое внимание слушателей автор «Рассуждения...» обратил на яркий эпизод истории начала семнадцатого века. Это было время Смуты, когда поляки и шведы одолевали Россию, и казалось, что гибель неотвратима. Шишков так описывает эти события: «Москва отворила врата свои врагу и под властью чужой руки угнетенная, разграбленная, растерзанная, рыдала неутешно. Каменные стены, огнедышащие бойницы, дремучий лес копий, молниеносные тучи мечей, не столько от великих сил неприятельских, сколько от собственного своего неустройства, преклонились и пали. Одним словом, все преодолено было; но оставался еще один оплот, всего крепчайший: оставался... Гермоген»². Именно Патриарх Гермоген в самый тяжелый

¹ Там же, с. 5.

² Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству. – Спб, 1812, с.21.

момент Смуты олицетворял в себе единомыслие и единосушие русского народа. А с отказа Патриарха от сотрудничества с врагами и его мученической кончины начинается строительство нового государства российского.

Подтверждение своим мыслям о важнейших функциях национального языка Шишков находил не только в русской истории. Адмирал утверждал, что только вера и язык создали греческую государственность.

В «Рассуждении...» очень четко обозначено значение русского языка для обороны страны. По словам Шишкова, «не одно оружие и сила одного народа опасна бывает для другому; тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать любовь к земле своей и гордость к имени своему, есть средство надежнее мечей и пушек. Средство медленное, но верное, и рано или поздно, но цели своей достигает. Мало-помалу налагает оно нравственные узы, дабы потом наложить и настоящие цепи, зная, что пленник в оковах может разорвать их, может еще быть горд и страшен победителю, но пленник умом и сердцем остается всегда пленником»¹.

Предостережения Шишкова не утратили своей актуальности и сегодня; так, в частности, он замечает: «Народ, который все перенимает у другого, его воспитание, его одежду, его обычаям последует, такой народ уничтожает себя и теряет свое собственное достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением»²

¹ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. – Спб, 1803

² Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. – Спб, 1803, с.317.

Александр Семенович Шишков как никто другой сумел почувствовать и распознать сущность заговора, сложившегося против России.

О существовании такого заговора свидетельствует маркиз де Кюстин, которого трудно заподозрить в каких-либо симпатиях по отношению к нашей стране:

«Перманентный заговор против России ведет свое начало от эпохи Наполеона. Прозорливый итальянец (так Кюстин называет Бонапарта) видел опасность, грозящую революционной Европе со стороны растущей мощи русского колосса, и, желая ослабить страшного врага, он прибегнул к силе идей. Воспользовавшись своей дружбой и с императором Александром и врожденной склонностью последнего к либеральным установлениям, он послал в Петербург под предлогом желания помочь осуществлению планов молодого монарха целую плеяду политических работников – нечто вроде переодетой армии, которая должна была тайком расчистить путь для солдат. Эти искусные интриганы получили задание втереться в администрацию, завладеть в первую очередь народным образованием и заронить в умы молодежи идеи, противные политическому символу__веры__страны. Таким образом великий полководец, наследник французской революции и враг свободы всего мира посеял в России семена раздора и сомнений...»¹

.В 1812 г. Шишков назначается государственным секретарем вместо Сперанского. По поручению Александра I он пишет правительственные манифесты, приказы по армиям, рескрипты.

¹ Карпец В.И. Муж отечестволюбивый. – М.: «Молодая гвардия», 1987, с.67.

Шишков обращается к православному сердцу России, вскрывает духовную суть происходящих событий. Один из наиболее ярких примеров находим в тексте манифеста от 25 декабря 1812 года: «Итак, да познаем в великом деле сем промысл Божий. Повергнемся пред святым Его Престолом и, видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злочестие, вместо тщеславия и кичения о победах наших научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли Его исполнителями, непохожими на сих отпадших от веры осквернителей храмов Божиих, врагов наших, которых тела в несметном количестве валяются пищею псам и вранам.»¹

В данном случае Шишков продолжает традиции русского военного красноречия, для которого православная вера, упование на промысл Божий всегда было основой чувства любви к Отечеству. По мысли Шишкова, в основе патриотизма лежит не абстрактная идея, но живое разумно-сердечное чувство связи с отчим домом (отсюда – слово «отчизна»). Потеря отчизны земной может привести к утрате Отчизны небесной. И наоборот.

«Человеческая душа,– пишет Шишков,– не делается вдруг злою и безбожною; она становится таковою мало помалу, от примеров, от соблазнов, от общего и долговременно развивающегося яда безверия и развращения»². Кто же виноват во всем этом? Французы ли? «Взгляни на адские изринутые в книгах их лжемудрования, да распутство жизни... на кровь, политую ими в своей и чужих землях: слыхано ли когда, чтоб столетние старцы и не рожденные еще младенцы осуждались на казнь и мучение?» «Виновны ли французы?» – задает

¹ Цит. по: Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Издательство храма св.муч. Татианы, 2001, с.399.

² Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству. – Спб, 1812, с 56.

вопрос А.С Шишков. Да, виновны, но ведь и они жертвы, и жертвы первые. Их страна, по сути, была уничтожена первой, и «на развалины ее взошел корсиканец, человек ниоткуда». А потому не с французским народом сражается русское воинство, но с мировым злом, поразившим сначала Францию, потом Европу, а теперь бросившимся на Россию.

Шишков считает, что первое, пусть малое дело, от которого и дальше пойдет возрождение народного духа,— это ограничить мнимые потребности. «Враг рода человеческого и люди, сознательно и бессознательно служащие ему, раздувают, словно мыльные пузыри, вожделения наши к роскоши, к стяжанию, к обладанию все большим количеством вещей. Идея вольности, овладевшая французами, делает людей необузданными в стяжании и разврате, научает не ставить человеческую жизнь ни во что. Сколько россиян уже стали рабами этой идеи? Начало выздоровления — самоограничение — так считает Шишков, ведь лишение богатств поправится умеренностью роскоши, вознаградится трудолюбием и сторицею со временем умножится; но повреждение нравов, зараза неверия и злочестия погубили бы нас невозвратно»¹.

В «Рассуждении о любви к Отечеству» получает развитие идея Шишкова о неразрывной связи языка и духовно-нравственного состояния народа: «Язык есть душа народа, зеркало нравственности, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник целомудрия. Возвышается народ, возвышается язык; благонравен народ, бла-

¹ Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству. — Спб, 1812, с.34.

гонравен язык... Никогда безбожник не может говорить языком Давида; слава небес не открывается ползающему в земле червю; никогда развратный не может говорить языком Соломона. Свет мудрости не озаряет утопающего в страстях и пороках... Где нет в сердцах веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к Отечеству, там язык не изъясляет чувств отечественно. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствуют разврат и ложь». Одним словом, язык есть мерило ума, души и свойств народных»¹.

В 1813 году Шишков назначается президентом Российской Академии, он принимает активное участие в работе над вторым изданием Словаря Академии Российской. Главным делом в это время для него становится «корнесловие» - написание работ об этимологии, о природе и происхождении языка. С точки зрения Шишкова, задача словаря состоит не в том, чтобы показать, что именно слова *означают*, но в том, чтобы сделать явной ту невидимую высшую реальность, которую они *знаменуют*.

Вера в единство мира, сотворенного Богом, вдохновляла Александра Семеновича Шишкова в его изысканиях по корнесловию. Чтобы понять, откуда пошли языки, надо найти и те первые слова, которые произносили первые люди. Александр Семенович Шишков, несомненно, будучи поэтом, чувствовал, что именно поэтическое сознание древнего человека рождало слова. Ведь первоначальное и утраченное предназначение Адама, способность, дарованная ему Богом – давать имена предметам созданного мира не по внешним их

¹ Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству. – Спб, 1812, с.49-56

признакам, а по их сущности, которая была открыта человеку до грехопадения. Шишков исходит из представлений о единстве мира. Все слова в мире должны восходить к первоначальному божественному Слову. Можно ли найти его в человеческих языках? Вот о чем думает Шишков, вот чему отдает он свои силы, свою душу.

При всей разности языков в них есть нечто общее. И, что особенно волнует Шишкова, это общее – в словах, обозначающих самые главные, близкие и родные человеку понятия – об отце, матери, братьях и сестрах, или о стихиях мира – о небе и земле, солнце и воде, свете и тьме, о временах года... А отсюда – и путь к живому Источнику жизни – Иисусу Христу.

Александр Семенович Шишков, на многие годы предвосхищая современные герменевтические методы, предлагает класть в основу обучения совершенному ораторскому слогу умно-сердечное вчитывание в Священное писание, толкование и разумение трудных его мест. Дух и смысл метода Шишкова, заключается в сочетании замедленного чтения с вчувствованием и вживанием в текст. Здесь ни на мгновение не исчезает ощущения единства и жизни целого, каждую строку толкователя пронизывает пафос восхождения к горнему, к высшей, объединяющей, просвещающей и животворящей все и вся Истине. И еще один важный момент. Трудный слог, насыщенный церковнославянскими словами и выражениями, Шишков рассматривает как важное средство народного воспитания. Трудность - тяжесть понимается Шишковым как эквивалент крестной ноши: читать (понимать) - значит „нести крест". Это сознательная работа над языком, когда язык из средства коммуникации превращается в средство испы-

тания и закалки национального характера, проверки на прочность Веры. В 1824 году, когда Александр I назначил адмирала министром народного просвещения и духовных дел. Это решение императора радостно приветствовало даже молодое литературное поколение. С назначением Шишкова связывали надежды на освобождение от господства жесткой цензуры, которую установил его предшественник князь А.Н.Голицын. А.С.Пушкин отреагировал на изменения в Министерстве народного просвещения такими восторженными строчками:

Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал.
Шишков уже наук правленью восприял.
Сей старец дорог нам...

Свою деятельность на посту министра Шишков начал с реформирования цензуры. По его мнению существовавшая цензура не справлялась со своими задачами, так как не хватало цензоров и не было четких правил, по которым можно оценивать книги. Шишков подчеркивал, что новая цензура должна не отнимать у сочинителей свободу писать и рассуждать, а наоборот, поддерживать и питать ее, «преграждая в то же время пути к издаванию в свет худых, дерзких, соблазнительных, невежественных, пустословных сочинений». Для решения поставленной задачи министр полагал определить в цензоры честных, благородных и образованных людей, умеющих различать «позволительную и непозволительную свободу мыслей».

Другим направлением деятельности Шишкова на новом посту стала борьба против «голицынского наследия» в народном просвеще-

нии. С этой целью было закрыто Библейское общество, которое, по убеждению адмирала, стремилось к истреблению правоверия и способствовало возникновению внутренних беспорядков. Свою задачу министр видел в защите православия от любых проявлений мистицизма и сектантства.

Шишков ввел новые требования для учащихся учебных заведений. Так, этими требованиями предписывалось повиновение начальству, богобоязненная жизнь по правилам вероисповедания, ношение предписанного мундира, запрет на участие в тайных обществах, запрет без дозволения покидать территорию университета. Новая учебная система, по мысли министра, должна основываться на следующих главных принципах: «воспитание народное по всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское», «все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его». Как видим, и на посту министра просвещения Шишков действовал, исходя из понимания государствообразующей и государствомберегающей функций национального языка.

Все три обозначенные выше функции русского языка позволили Шишкову осознать и воплотить в своей государственной и литературной деятельности любовь к родной речи. Жизнь и творчество знаменитого адмирала и министра народного просвещения убедительно демонстрируют нам, что любовь к русскому языку способна сохранять государство, обеспечивать его процветание, а для каждого отдельного человека эта любовь становится прямым путем к нравственному самосовершенствованию.

Любовь к родному языку проявляется через ряд очень важных

признаков: осторожное, бережное обращение к слову, борьба с празднословием и многословием, очищение повседневной речи от пошлых и бранных слов, а также от сленга. Любовь к родному языку позволяет получать радость от духовного общения, мудрость от духовного рассуждения, память от духовной связи с предшествующими поколениями.

Традиционно любовь к родному языку прививалась в семье, передавалась от родителей к детям. Но в наши дни, когда сам институт семьи подвержен серьезным изменениям и даже разрушениям, понятно, что на защиту русского языка необходимо бросать все имеющиеся для этого силы и средства. Первая и главная роль в деле сохранения русского языка сейчас принадлежит системе образования. По словам одного из авторов современного православного журнала, следует изучать русский язык в «национальном аспекте», то есть, иными словами, надо особое внимание обращать на русское красноречие, речевой этикет, связь языка с русской историей. А искусство современного школьного и вузовского педагога, добавим мы, должно заключаться в том, чтобы найти лучший способ донести любовь к чистому русскому литературному языку до сердца своих учеников и приобщить их к благодати Богообщения.

Творческое наследие Шишкова в течение двух столетий является ареной войны идей. Мысли адмирала положили начало идеологии русского консерватизма, способствовали формированию движения славянофилов, оказали значительное влияние на К.Н.Леонтьева, Ф.М.Достоевского, Тихомирова и др. В последние десятилетия появляются яркие, значительные статьи и книги, посвященные Александ-

ру Семеновичу Шишкову. Особо в этой связи надо отметить книгу известного современного философа, писателя и кинорежиссера Владимира Игоревича Карпеца «Муж отечестволюбивый» («Молодая гвардия», 1987).

Сегодня уроки Александра Семеновича Шишкова, раскрывшего глубинную генетическую связь русского патриотизма с православными корнями, приобретают для нас особенное значение. Благочестие, любовь к родному языку и любовь к Отечеству неразделимы.

Очень важно сейчас в полной мере понять смысл и суть идей Шишкова, на многие годы опередившего свое время. Его лексикографическая работа была направлена на формирование единомыслия народа на основе православного и патриотического мировоззрения. Эта работа не была по достоинству оценена современниками и ближайшими потомками. Однако труды Шишкова содержат в себе большой положительный идейный заряд и востребованы нашим временем. Одним из ярких подтверждений этого является переиздание 6-томного Словаря Академии Российской, осуществленное Московским гуманитарным институтом имени Екатерины Дашковой. 17 июня 2007 года в Академии Наук России состоялась его презентация. Ученые проделали огромную работу. Были отлиты специальные шрифты, осуществлены развернутые лингвистические и культурно-исторические комментарии. Но главное - сочувственная оценка позиции Шишкова в отношении к иностранным заимствованиям. Наша языковая ситуация имеет много общего с языковой ситуацией России конца 17-начала 18 века. И к нам после наплыва иноязычных всяких слов, сегодня приходит осознание того, что в своем собственном

языке есть достаточно ресурсов, и вполне можно избегать иностранных слов.

В настоящее время задача сохранения русского слова становится в один ряд с задачей сохранения национальной самобытности русского народа, его духовного самостояния и суверенитета, выживания в условиях глобальной информационной войны. И в решении этой задачи большую помощь могут оказать идеи Александра Семеновича Шишкова – великого ревнителя благочестия, любви к отечеству и родному языку, мужа света и разума.

Жизнь русской семьи в изображении С.Т. Аксакова¹

Эпопея Сергея Тимофеевича Аксакова. «Семейная хроника, Детские годы Багрова-внука» в последние годы привлекает все более пристальное внимание ученых-исследователей и педагогов.

Сергей Тимофеевич не был профессиональным педагогом, он был далек от педагогики, но в своих произведениях он раскрыл сущность и природу исконно русского семейного воспитания, тонкую психологию детской души. «Я желаю написать такую книгу для детей, какой не бывало в литературе. Такая книга надолго сохранила бы память обо мне во всей грамотной России... Тайна в том, что книга должна быть написана, подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых, и чтобы не только не было нравоучения (всего этого дети не любят), но даже намека на нравственное впечатление, и чтоб исполнено было художественно в высшей степени»² - писал С.Т. Аксаков

По сведениям, приводимым уфимскими исследователями Э.Ш. Файзуллиной и Е.С. Мироновой, книга С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» в 80-е годы XX века лидировала в Англии в списке бестселлеров, составленном по результатам опроса общественного мнения. При этом исследователями указывается, что данный опрос проводится ежемесячно, и в список включаются литературные произведения всех времен и народов, а не только современных авторов как принято в большинстве стран. Чопорные англичане называли «Детские годы Багрова-внука» книгой номер один для семейного воспитания.

¹ Выступление на Межрегиональный образовательный форум: «Духовно-нравственное воспитание в современной системе образования» (г. Москва, 24 января 2012 г., Министерство образования и науки)

² Аксаков С. Детские годы Багрова-внука. – М.: Астрель, 2009, с.2.

Истоки долголетия книг Сергея Тимофеевича Аксакова, их актуальности не только для современной русской, но и мировой педагогики заключаются в глубоком христианском понимании сущности природы семьи, проявляющемся в самом образном строе авторского повествования, в одухотворенном освещении событий жизни трех поколений одного дворянского рода.

В книге Аксакова мы находим множество выразительных примеров, которые могут служить иллюстрацией к православному учению о семье и браке.

«Закон брака»- пишет святитель Филарет Московский заключается в следующих словах: **Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть (Быт. 2: 24).** На сей самый закон, как на коренное учреждение брака, указывает Сам Спаситель¹» (Мф. 19: 5).

Согласно святителю Тихону Задонским, таинство Брака представляет собой **благословение** Божие вступающим на путь семейной жизни. Это таинственный союз мужа и жены во образ союза Христа с Церковью. Цель брака как Таинства – закрепить союз любви супругов, сделать его духовным, священным. В нем подается брачующимся благодать Святого Духа, освящающая и помогающая им в деле рождения и воспитания детей. Брак, правильно совершенный, остается в силе до конца жизни супругов.

Сергей Тимофеевич Аксаков посвящает много проникновенных страниц истории сватовства и брака своих родителей. Главное место в этом повествовании занимает рассказ о получении благословения ими от родителей. Ни жених, ни невеста не допускают даже малейшего сомнения в необходимости этого благословения, хотя получе-

¹ Выдающиеся просветители о семье и воспитании детей. – М.: Самшит-издат, 2009, с.3.

ние его и было связано с немалыми трудностями. Согласно «Семейной хронике», жених и невеста, очень разные по уровню образованности и воспитанию, сначала преодолевают осложнения с многочисленной родней, а ставши мужем и женой, «прилаживаются» друг к другу, чтобы сохранить взаимопонимание, любовь и единомыслие на всю оставшуюся жизнь.

«Как тело никогда не может быть в несогласии само с собою, ровно и душа сама с собою, так и мужу с женою должно не разногласить, но жить в единении, - указывает святитель Иоанн Златоуст. - Отсюда может произойти для супругов бесчисленное множество благ. Все блага стекаются там, где такое единодушие, - там мир, там любовь, там душевное веселие; нет там ни ссоры, ни брани, ни вражды, ни сварливости; все это исчезает, потому что корень всех благ, то есть единомыслие, уничтожает все это»¹.

Об этом же пишет и святитель Григорий Богослов:

«Общие заботы супругов облегчают для них скорби; и общие радости для обоих восхитительнее. Для единодушных супругов и богатство делается приятнее; а в скудости самое единодушие приятнее богатства. Для них супружеские узы служат ключом целомудрия и пожеланий, печатью необходимой привязанности. Составляя одну плоть, они имеют и одну душу и взаимной любовью одинаково возбуждают друг в друге усердие к благочестию»².

В «Семейной хронике» Аксаков опирается на рассказы отца, матери, родных, которых «много наслышался»... И здесь видимая простота оборачивается особой сложностью, глубиной, для современного

¹ Выдающиеся просветители о семье и воспитании детей, с.13

² Там же, с.17

читателя не всегда легко постижимою.

По словам литературоведа В.А. Кошелева, «Аксаков как бы приоткрывает перед нами, теперешними, тот мир человеческих взаимоотношений, который для нас, кажется, утрачен. Будут ли нынешние отец и мать пересказывать сыну историю своей, в общем-то обыкновенной, женитьбы? Кого из нынешних детей заинтересует дедовский нрав из давно прошедших времен, - так заинтересует, чтобы пронести его через всю жизнь? Дабы на склоне лет поведать об этом дедовском нраве всем, найти в обыкновенной истории своих предков значительное, общеинтересное содержание и решиться сделать эту историю, как она есть, без прикрас и выдумок, достоянием литературы. Для этого надобен не просто особенный художественный дар, но и великие нравственные качества...»¹

Эти «великие нравственные качества», о которых пишет современный исследователь, зиждутся на православных устоях и, в первую очередь, на великой заповеди о любви детей к родителям.

Святитель Феофан Затворник пишет: «Так много приемлют дети от родителей! От них временная жизнь; от них же основание, начало, способы и жизни вечной. Отсюда и дети не естественно только, но и совестно должны быть обращены к родителям с особенными чувствами и расположениями, сознавать себя к ним обязанными и возгревать их в себе. Главное чувство, которому большей частью не учатся, есть любовь с почтением и покорностию. Должно только делать эти чувства разумными и вместе прочными до того, чтобы не испарились в целую жизнь. Воля родителей, что воля Божья, лицо их

¹ Кошелев В.А. Время Аксаковых //Лит. в шк. - 1993. - №4

- лицо Божие».

Благочестивая жизнь родителей Аксакова, их следование уставам Православной Церкви с годовым кругом богослужений и праздников, молитвенный пример матери становятся фундаментом семейного нравственного воспитания маленького Сережи. «Постоянное присутствие матери сливается с каждым моим воспоминанием образ неразрывно соединяется с моим существованием», – читаем у Аксакова..

Великий русский писатель Андрей Платонов подчеркивает в своей рецензии о книге С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»: «Отношение Аксакова к природе и русскому народу является лишь продолжением, развитием, распространением тех чувств, которые зародились в нем, когда он в младенчестве прильнул к своей матери, и тех представлении, когда отец впервые взял с собой своего сына на рыбную ловлю и на ружейную охоту и показал ему большой, светлый мир, где ему придется затем долго существовать. И ребенок принимает этот мир с доверием и нежностью, потому что он введен в него рукой отца»¹.

О важности примера родителей для воспитания детей пишет Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в книге «Сила Моя в немощи совершается»

«Примером вашим воспитывайте детей. Об этом прекрасно сказал славный проповедник русский, архиепископ Харьковский Амвросий: «Когда ни один член семейства не может остаться без вечерней и утренней молитвы, - когда отец не выходит из дома на свое дело, не

¹ Платонов А. Размышления читателя – Мюнхен, 2005, с.44.

помолившись перед иконами, а мать ничего не начинает без крестного знамения, когда и малому дитяти не позволяют дотронуться до пищи, пока не перекрестится,- не приучаются ли этим дети просить во всем помощи Божией, и призывать на все благословение Божие, и верить, что без помощи Бога нет безопасности в жизни, а без Его благословения нет успеха в делах человеческих? Не может остаться бесплодной для детей вера родителей, когда они, при нужде и бедности, со слезами на глазах говорят: «Что делать? Буди воля Божия». При опасности: «Бог милостив». При трудных обстоятельствах: «Бог поможет». При успехе и радости: «Слава Богу, Бог послал». Здесь всегда и во всем исповедуется Божия благодать, Божие промышление, Божие правосудие. Мать, предмет всей любви и нежности для дитяти, стоит с благоговейным выражением лица и молится перед иконою Спасителя. Дитя смотрит то на нее, то на образ, - и не нуждается в длинных объяснениях того, что это значит. Вот первый и безмолвный урок богопознания». Вот первый и самый важный урок благочестия и правила жизни, обязательные для христианина»¹.

Мать Сережи Багрова внимательно следит за кругом его чтения. Центральное место в этом круге занимает русская литература, которая давала ему, мальчику-провинциалу первые знания о своей стране, ее прошлом, традициях, людях. В числе любимых книг Сережи - «Древняя Вивлиофика», «Россиада» Хераскова, полное собрание в двенадцати томах сочинений Сумарокова, «Детская библиотека» Александра Семеновича Шишкова. Этот пример имеет особое значение для нас, сегодняшних учителей, сталкивающихся ежедневно с от-

¹ Выдающиеся просветители о семье и воспитании детей, с.88-89.

сутствием исторического сознания у современных школьников, отсутствием интереса к прошлому своей Родины.

Повествуя о своем детстве, о родительском доме, глава аксаковской семьи постоянно совмещал два временных плана. Собственную семью он строил с учетом родительского опыта, он буквально воссоздает в своей семье то особое отношение к первому ребенку, которое питала Мария Николаевна (в книге «Детские годы Багрова-внука – Софья Николаевна) к Сереже. Впоследствии подобные отношения сложатся между отцом и сыном. Буквально вынянчив своего болезненного первенца Константина, Сергей Тимофеевич Аксаков предопределил их кровно-духовную нераздельность на протяжении всей жизни.

В семье Сергея Тимофеевича Аксакова было 6 сыновей и 8 дочерей.

Дом Аксаковых, семейное их гнездо становится сердцем, средоточием духовного общения лучших умов России на протяжении нескольких десятилетий У Аксаковых бывали М.П. Погодин, известный историк, издатель журнала «Московский вестник», С.П. Шевырев, профессор русской словесности, писатель М.С. Загоскин, драматург А.А. Шаховской, собиратель народных песен П.В. Киреевский, здесь можно было встретить Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, Н.М. Языкова, А.С. Хомякова, актера М.С. Щепкина, композитора А.Н. Верстовского и многих других.

Сыновья Сергея Тимофеевича Константин и Иван, а также дочь Вера стоят у истоков могучего движения русской мысли – славянофильства. И в центре их внимания постоянно оставались вопросы

связи русской семьи и Церкви, русской народности и православия.

В статье «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» Константин Сергеевич Аксаков пишет: «Таким образом, первое и главное, что выдается из этого мира Владимировых песен, - это христианская вера; она постоянно и повсюду основа жизни... Все богатыри – православные, и постоянно повторяется богатырское приветствие, когда приезжает православный витязь к не православному государю:

Нет у ты Спасова образа,
Некому у ты помолитися, -
А не за что тебе поклонитися.

Вместе и согласно с началом христианской веры выдается начало семейное, основа всего доброго на земле. Богатыри почтительны к отцу и матери... Итак, сила богатырская является у нас, осененная чувством православия и чувством семьи: без чего не может быть истинной силы»¹.

Иван Сергеевич Аксаков в статье «Об отношении православия к русской народности и западных исповеданий к православию» замечает: «русская народность немислима вне православия; что православие есть тот духовный исторический элемент, под воздействием которого сложилась и образовалась русская народность, что тщетны все попытки выделить из идеи русской народности идею православия, выкачать, так сказать, из нее разными насосами самый воздух и создать из этого обездушенного материала какую-то новую политическую русскую *народность*...» И далее: «православная вера есть обще-

¹ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М.: «Искусство», 1995, с.237-238.

ственное и бытовое начало русского народа и проникает собою его историческое бытие; ...ясное разумение России и ее, по-видимому, чисто внешних, даже политических обстоятельств невозможно без разумения ее духовно-исторического элемента»¹.

А вот слова Веры Сергеевны Аксаковой: «Значение и будущность всего человечества и каждого племени в особенности зависели, кажется, от ее окончания, и венцом всего должно было быть торжество веры Христовой, и именно Православия»

Примечательна эта переключка высказываний Аксаковых, деятельность которых на поприще русской мысли и словесности сама по себе является убедительным и наглядным свидетельством духовной силы и живоносности семейных православных традиций.

Святитель Тихон Задонский пишет: «От добраго воспитания добрые плоды следуют: 1) плод благочестиваго жития в возрастших детях; 2) родителям радость и утеха о добронравии детей своих; 3) несомненная вечнаго живота надежда; 4) таяжде надежда добрая и предвидится быть и во внуцах, ибо дети, как сами добре наставлены, так и своих детей наставлять не преминут; 5) честь и похвала фамилии; 6) подпора отечеству»².

Эти слова святителя в полной мере могут быть отнесены к итогам всей жизни и деятельности выдающегося русского писателя и общественного деятеля, замечательного отца, сына и внука – Сергея Тимофеевича Аксакова.

¹ Аксаков, И.С. Сочинения. В 7 т. Т. IV. М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и Ко.), 1886. С.50.

² Выдающиеся просветители о семье и воспитании детей, с.100.

Феофан Затворник и религиозный кризис русской интеллигенции

Святителя Феофана Затворника по праву считают верным и типичным продолжателем святоотеческой традиции в аскетике и нравственном богословии. «В мировоззрении Феофана есть какая-то вселенская смелость, большая духовная свобода и гибкость, свобода от быта», - замечает протоиерей Георгий Флоровский в книге «Пути русского богословия»¹.

Расцвет деятельности святителя Феофана как духовного писателя, проповедника, богослова приходится на вторую половину XIX века. Это время отличается крайней напряженностью духовных исканий в среде русской интеллигенции, которая переживает глубокий религиозный кризис. Значительная часть интеллигенции отходит от Православной Церкви. При этом они идут по пути критики православных догматов, таинств, церковного предания и переходят на позиции рассудочного протестантизма в самых разнообразных его проявлениях. Это секты лорда Редстока, Пашкова, Толстого и др. Другие идут по пути религиозного отрицания и атеизма, пути обожествления науки и прогресса.

Вместе с тем переходу на позиции нигилизма нередко предшествовали чрезмерное напряжение духовных сил и аскетический надрыв. Показателен в этом отношении пример Д. И. Писарева. В юности на него произвело огромное впечатление чтение гоголевской «Переписки с друзьями». Для него встал характерный вопрос: «Как

¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. - Киев, 1991, с. 396.
2. Там же, с. 292.

же мне жить свято?» Этот вопрос Писарев и группа его юных единомышленников, собравшихся в религиозный кружок, решали в духе самого крайнего аскетического максимализма: «Пусть лучше человечество вымрет и жизнь остановится, чем жить во грехе». При этом экзальтированные юноши надеялись на чудо: «вдруг люди будут рождаться каким-нибудь чудесным образом, помимо плотского греха»¹. Мечтательно-моралистическое перенапряжение оборачивается надрывом, в результате которого Писарев становится одним из вождей нигилизма.

Срыв религиозного чувства лежал и в основе кризиса Добролюбова, который был старшим сыном в многодетной семье нижегородского священника и отличался в юности, по свидетельству очевидцев, особенной благочестивостью и возбужденностью религиозных переживаний². Вера Добролюбова была потрясена и разрушена внезапной и неожиданной смертью родителей. Пережил свой религиозный кризис и Чернышевский.

Пример вождей нигилизма, как, впрочем, и пример Толстого, весьма характерен для умонастроения русской интеллигенции. Отец Павел Флоренский в брошюре «Вопросы религиозного самопознания», опубликованной в 1907 году в Сергиевом Посаде, приводит слова одного сельского священника о Л. Н. Толстом и толстовстве: «Нынешний слабый, нервный, чувствительный интеллигент хочет сразу с нижней ступени лестницы подняться вверх и оттуда стремительно падает и разбивается. Не так надо, - резюмирует отец Павел

¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. - Киев, 1991, с. 292.

² . Корсун Г. Н. Вера без твердой почвы (По поводу минувшей 50-летней годовщины со дня смерти писателя Н. А. Добролюбова) // Вера и разум, 1913, с. 356-370.

Флоренский. - Надо утвердиться на первой ступени и осторожно, не спеша переступить на вторую и так дальше»¹.

Необходимо сказать, что слово «интеллигенция» (от лат. - понимающий, думающий) возникло в России в 60-е годы XIX века. До этого времени его не было в русском языке, как не было самого явления, а именно: определенного слоя людей, занимающихся умственным трудом и претендующих на духовное лидерство в обществе. В других языках до второй половины XIX века слова «интеллигенция» также не было. В тех же языках, где мы его находим сегодня, оно появилось в результате русского влияния. И это вполне объяснимо. Несмотря на то, что интеллигенция возникла в России в результате западного влияния, она представляет собой типично русское явление. Люди умственного труда на Западе представляли собой прежде всего профессионалов, специалистов в своей узкой области и нигде не претендовали на духовное руководство, на роль «светских священников».

С самого начала своего возникновения слово «интеллигенция» имело публицистический и даже пропагандистский оттенок. Неудивительно, что святитель Феофан Затворник не употребляет этого слова в своих письмах, хотя интеллигенты составляли едва ли не большую часть адресатов его писем. Весьма характерно стремление революционно-демократической публицистики придать слову «интеллигенция» сакральный, священный ореол, убедить всех в обоснованности своих претензий на духовное лидерство. Так, например, Салтыков-Щедрин пишет: «Не будь интеллигенции, мы не имели бы поня-

¹ Флоренский П. Вопросы религиозного самопознания. – Сергиев Посад, 1907, с. 25-26

тия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе»¹.

Подобное преувеличенное самомнение основано на убежденности в главенстве интеллекта - рассудочной, логической способности - во всех сферах проявления человеческой личности, во всех сферах человеческой жизни. Однако эти претензии, как мы можем убедиться, сплошь и рядом оказываются неосновательными. Если мы обратимся к социальной жизни, то увидим, что миром правит не интеллект, но воля. Еще более неосновательными оказываются претензии интеллекта в сфере духовной жизни. Глубоко ошибочным является отождествление духа и интеллекта, то же можно сказать об отождествлении духа и эстетических чувств.

В городе Орле в течение ряда лет проводился месячник русской культуры под названием «Тургеневская осень». При этом на улицах города во время месячника расклеивались плакаты с броской надписью: «Спасское-Лутовиново - духовная святыня России». При всем уважении к памяти великого русского писателя, к его вкладу в культуру России, использование выражения «духовная святыня» в данном случае представляется неуместным, хотя подобная игра со священными словами вообще-то вполне отвечает традиции русской художественной интеллигенции. Так, например, Маяковский называет себя «тринадцатым апостолом», Ахматова сравнивает себя с Богородицей, а Андрей Белый и того пуще - провозглашает: «В небеса запущу ананасом!»

Все это можно рассматривать примеры расхристанной, не

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 15, кн. 2. – М., 1973, с. 26.

знающей удержу душевности. Однако дух не сводится к душе человека, которая живет интеллектом и чувствами.

Согласно православной антропологии, святоотеческой церковной традиции, человек трехсоставен и состоит из духа, души и тела. Святитель Феофан Затворник, как уже было сказано, является верным продолжателем святоотеческой традиции, он глубоко осмысливает православное учение о человеке, применяя его к современности, к духовным потребностям свой паствы. В одном из его писем читаем: «Дух из Бога, сочетавшись с душою животных, возвел ее на степень души человеческой, и стал человек двояк. Одно тянет его горе, другое - долу. Когда человек в своем чине держится, то он живет духом, т. е. страхом Божиим водится, и совести слушает, и горнего ищет. А когда он поддается влечениям души дольней, то выходит из своего чина, и то, чего хочет дух, думает достать среди тварей. Этого ему не удается, и он томится и крушится. Дух тут, как пленник в узах, находится в услужении у варваров, страстей пехотных. Сам он не удовлетворяется и страсти делает неудовлетворимыми, сообщая им безмерный разлив. Отчего животные потребности у животных все в своей мере, а у человека, когда он предается чувственности, чувственные потребности предела и меры не имеют? Эту безмерность сообщает им дух, попавший в плен к ним, а дух этой безмерностью хочет заглушить свою жажду бесконечного, по образу Коего создан и в Коем едином благо его»¹.

Отвечая на письма своих корреспондентов - литераторов, общественных деятелей, ученых, учителей, святитель Феофан настойчиво

¹ Святитель Феофан Затворник. Наставления о духовной жизни. – М., 1976, с 112-113

проводит мысль о главенстве духовной потребности - «единого на потребу» - над всеми другими, о том, что нравственное преобразование человека, постижение высших духовных истин невозможно вне тесного пути исполнения Христовых заповедей, без благодатной помощи Матери-Церкви. И в этом Феофан Затворник также следует святоотеческой традиции.

«Душа видит истину Божию по силе жития», - писал великий православный святой VII века Исаак Сириин. «Христианство не учение, а жизнь, - пишет Феофан Затворник. - И самое учение его входит в жизнь как определенный образ, воззрение на все сущее и бывающее». В другом письме читаем: «Вера христианская - не система учения, а образ восстановления падшего в силу смерти Богочеловека, благодати Духа Святаго»¹. Подобное понимание христианства труднее всего давалось и дается интеллигенции, поклоняющейся прежде всего интеллекту, и поэтому стремящейся включить христианство в рациональную картину мира как одно из умопостигаемых учений, которое можно понимать и разбирать с позиций науки.

Феофан Затворник, не отрицая роль науки в жизни людей, вместе с тем предостерегает своих духовных чад-интеллигентов от чрезмерного поклонения ей в ущерб главному делу христианской жизни - духовному росту и стремлению к Богообщению. «Учюяли, что есть наука? Одна по себе она есть душевное дело, душевное же не понимает духовного и теснит его. Наоборот, и духовное теснит душевность. Чтобы этого не было, надо душевное одухотворить, пропустить сквозь него элементы духовные и сделать его слугою духовных

¹ Святитель Феофан Затворник. Наставления о духовной жизни. - М., 1976, с. 340..

интересов»¹. В другом письме эта мысль развивается следующим образом: «Научность всякая есть холодильник. Не исключается из сего даже богословская наука... Научность душевного свойства, а молитва духовного. Поэтому они не в ладах». На вопрос своего корреспондента об одной старице, которая взялась изучать богословие, святитель Феофан отвечает так: «Старице лучше в молитве пребывать, чем лобомудрствовать. И молитва есть наука – она живоносна, не томительна, сердцем изучается, а не памятью и умом»². «Сердцем изучается», - в этом кажущемся нелогичном и ненаучном выражении заключена вся глубина святоотеческого предания. В отличие от рационалистического понимания нравственности, которое характерно для протестантов и атеистов, считающих, что человека можно обучить добру, изменив его сознание, Православная Церковь связывает нравственное преобразование человека с просвещением его сердца - через действие Божественной Благодати.

В одном из писем, говоря о паломниках, направляющихся в Вышенский монастырь, Феофан Затворник пишет: «Все ищут! Хорошо, что ищут. Только не надо думать, что Господь ближе к Киеву или Москве, Афону или Иерусалиму, нежели к другому месту. Место его - сердце наше. И когда внидет и возвечеряет... вот и Иерусалим, и паще Иерусалима. О сем восхлопочем. Сердце в нас; но есть путешествие до сердца, и иногда оно длинно-длинно. Сие путешествие и многотруднее, и ценнее пред очами Господа и многоплоднее»³.

В письмах и других творениях святителя Феофана мы находим

¹ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуски 1 и 2. – М., 1994, с.130

² Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуски 1 и 2. - М., 1994, с.165.

³ . Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуски 1 и 2. - М., 1994, с. с. 111-112.

немало проникновенных слов о просвещении сердца светом Христовой истины. Вместе с тем Феофан Затворник очень осторожен в высказываниях о мистике сердца и об ощущении сердечной теплоты во время Иисусовой молитвы. Примечательно, что некоторые афонские монахи считали Феофана Затворника слишком ученым и полагали, что ему не давалось по богатству ума сокровище простоты сердечной. Однако при внимательном чтении писем святителя Феофана нельзя не прийти к выводу, что его осторожность в вопросах мистики сердца продиктована не отсутствием сокровенного духовного опыта, но педагогическими соображениями, стремлением оградить свою паству от духовной прелести, самовозношения, или «самоцена», как любил выражаться святитель.

В письме к отцу Т. от 29 сентября 1874 года Феофан Затворник, касаясь молитвы Иисусовой и специальной монашеской техники ее совершения (особых поз, задержки дыхания и пр.), замечает: «О плодах молитвы сей говорят, что уже выше сего ничего на свете нет. Незаконно. Талисман нашли! Из плодов словесному составу молитвы и говорению ее ничего не принадлежит. Все плоды могут быть получены и без сей молитвы, и даже без всякой словесной молитвы - чрез одно ума и сердца к Богу устремление»¹.

В письмах к своим корреспондентам святитель постоянно подчеркивает: нельзя преувеличивать значение волевых приемов для получения духовных даров. Искусство совершения Иисусовой молитвы - это лишь внешнее искусство, и те, кто останавливаются на нем и не идут дальше, то «они останавливаются на полдороге». Можно до-

¹ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуски 1 и 2. - М., 1994, с.17

биться появления теплоты около сердца, но эта теплота будет «кровяной», по выражению святителя, а не духовной, если нас не осенит Благодать. Благодать же дается самим Богом, по Его воле и непостижимому для нас промыслу, но не вызывается и не заклинается путем специальных технических ухищрений.

Эти замечания святителя Феофана, его трезвая позиция в мистических вопросах духовной жизни православного христианина приобретает особое значение сегодня, когда в Церковь приходит немало интеллигентных людей, искушенных в восточной мистике. И некоторые из них не видят разницы между исихизмом и йогой, между мантрами и Иисусовой молитвой. При этом богоподобие, обожение человека часто понимается в духе человекобожия, неоязычества, а не православного паламитского богословия. Анна Безант, последовательница Елены Блаватской, в свое время эти настроения интеллигенции выразила при помощи слов Плотина: «Цель не в том, чтобы быть без греха, а чтобы быть богоподобным».¹

Весьма показательно, что в своих творениях святитель Феофан Затворник избегает говорить об обожении как цели христианской жизни. Он подчеркивает: «Существо жизни христианской состоит в Богообщении о Христе Иисусе – в Богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя», - за этими словами епископа Феофана стоит опыт смирения и трезвения, многовековой опыт Матери-Церкви, опыт, который, к сожалению, мало знаком и плохо усвоен нами. Между тем осмысление и усвоение его необходимо сегодня как воздух. И в этом многотрудном и многоболезнен-

¹ Безант А. Древняя мудрость. - С-Пб., 1911, с. 26.

ном, но одновременно радостном и животворящем деле нам не обойтись без духовного водительства и благодатных наставлений столпов и святильников Русской Православной Церкви, к числу которых принадлежит великий сын России, уроженец земли орловской, епископ Феофан Говоров - Затворник Вышенский.

Православие как внутренняя форма русской литературы¹

Проблема «Православие и литература» имеет давнюю историю. А.В.Карташев отмечал, что русская литература стала всемирной благодаря своей религиозно-православной основе: «Это христианское дыхание нашей литературы на весь мир есть прямое детище тысячелетнего воспитательного воздействия русской церкви. Вслед за литературой мир увидел православное излучение и в русском художественном творчестве»².

Вместе с тем русскую литературу нельзя рассматривать лишь как иллюстрацию религиозных истин. Классические литературные произведения не поддаются прямолинейному буквальному истолкованию, они требуют внимательного чтения, погружения в художественный мир писателя. Читатель должен овладеть поэтическим языком «как своим собственным»³. Иначе недоразумения неизбежны.

Так, например, в современной литературе можно встретить утверждения о том, что русские классики избегали исповедания православной веры в своем творчестве. Однако в своей значительной части эти утверждения обусловлены читательскими стереотипами, предубеждениями и «предзнаниями» (Г.Г.Гадамер), сложившимися под воздействием идеологизированной традиции изучения литературы, заложенной в свое время русской революцион-

¹ Выступление на Международной научной конференции «Православный ученый в современном мире: проблемы и пути их решения» (., г. Воронеж, 15 ноября 2012 г).

² Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – М.: «Терра», 1992, с.319

³ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. - М., 1991.

но-демократической критикой.

Есть все основания утверждать, что православие составляет внутреннюю форму русской литературы, проявляясь в самом взгляде писателя на жизнь, в его художественном мировидении. Попытаемся показать это на примере двух классических хрестоматийных произведений – стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» и стихотворения М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива».

Стихотворение Пушкина «Памятник» принято рассматривать как «поэтическую медитацию на традиционно заданную тему»¹. При этом ставится знак равенства между Пушкиным и его предшественниками в понимании славы как высшей цели поэтического творчества.

Между тем при чтении и анализе пушкинского «Памятника» мы обязательно должны учитывать его ответный характер, что подчеркивается цитатой из Горация на латинском языке, вынесенной в эпиграф. При этом в ряде случаев то, что в латинском источнике имеет положительный знак оценки, у Пушкина приобретает противоположную оценочную направленность. Внутренний полемический пафос достигает большой силы уже в первой строке стихотворения: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» «Нерукотворный» — это не просто знак бессмертия (ср. у Горация: «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» — здесь и далее перевод М.В. Ломоносова – и не синоним понятия «вечный» (ср. у Державина: «Я памятник воздвиг себе чудесный, вечный»), но символ богоравности. Пушкин усиливает, до-

¹ Дунаев М.М. Православие и русская литература. – М.: «Художественная литература, 1996, с.232.

водит до предела то, что заложено, подспудно присутствует в текстах предшественников — претензии безудержной гордыни, стремление не только сравняться с Богом, но превзойти Его.

Использование местоимения “Я” в первой строке пушкинского “Памятника” представляет собой разновидность эналлагии — подстановки языковых форм. “Я” здесь равнозначно “Мы”. “Я” — это и сам Пушкин, и Гораций, и Державин, и вся мировая поэзия и искусство, занятые соревнованием с Творцом. Данный мотив соревнования достигает своей наивысшей силы в конце строфы: “Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа”. У Горация было: “Превыше пирамид и крепче меди...” На первый взгляд, в пушкинских стихах мы имеем лишь незначительную смысловую вариацию той же темы: и пирамиды, и Александрийский маяк относились к семи чудесам света, т.е. к наиболее величественным и значительным созданиям рук человека. Однако Пушкин использует здесь слово “столп”, что у многих вызывало недоумение. Можно предположить, что для Пушкина был важен в данном случае сам круг ассоциаций, связанных со словом “столп”. В первую очередь мы должны здесь вспомнить фразеологизм “вавилонское столпотворение” — так называется в церковно-славянском тексте Библии строительство Вавилонской башни. Как известно, строительство Вавилонской башни было вызвано горделивым стремлением людей достигнуть небес, сравниться с Богом. Тем самым фраза: “Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа”, — косвенно может быть отнесена не только к поэтам-творцам, но и к целому человечеству, вся история которого посвящена столпотворению, строительству “нерукотворно-

го памятника”.

Очень важно учитывать, что само словосочетание “нерукотворный памятник” соотносится с евангельским выражением “нерукотворный храм” — образом бессмертного воскресшего Тела Христа. В данном случае происходит непримиримое столкновение двух систем ценностей, двух взглядов на предназначение человека в мире. Для христианина, верующего в Воскресение и бессмертие души, забота о личном увековечении не может быть главной. Эта забота, это стремление оставить после себя материальный след в земной жизни доминирует, прежде всего, в языческом и атеистическом сознании, которое не представляет иного места для жизни после смерти, кроме памяти людей. Именно этому конфликту посвящена вторая строфа пушкинского “Памятника, выдержанная совершенно в иной тональности по сравнению с первой строфой”.

“Нет, весь я не умру...” — эта неуверенность и тоскливая беззащитность интонации может показаться неожиданной после столь громкого и дерзкого начала. Однако в этой кажущейся непоследовательности есть своя душевная логика: гордыня ведет за собой уныние. Источник художественной зоркости Пушкина — святоотеческая духовная традиция, которая заключает в себе глубокое знание души человека во всех ее самых потаенных и сокровенных движениях. Обуреваемая страстями, душа не может найти покоя и мира, переходит от гордыни к унынию и вновь ищет спасение от него в мыслях о посмертной славе: “Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит”. Эти пушкинские слова навеяны строками Горация и Державина. Гораций: “Не вовсе я умру, но смерть оставит Велику

часть мою, как жизнь скончаю”. Державин: “Так! — весь я не умру, но часть моя большая. От плена убежав, по смерти станет жить.” Вместе с тем ни у Горация, ни у Державина нет слова “прах”, обладающего огромным эмоциональным зарядом. Данное слово имеет христианский ассоциативный ореол, прочно закрепившийся в русском языковом сознании (ср. примеры из словаря Вл. Даля: “Все прахом станет”; “Все во прах придет”; “Человек прах и персть есть”). Акценты Пушкина точны и беспощадны и не оставляют места иллюзиям и самогипнозу: тот, кто возносился превыше всех и всего, заявляя о своей богоравности, так же как и любой смертный превращается в прах.

Под влиянием ритмической инерции не сразу замечаешь интонационный и идейно-смысловой контраст между первыми четырьмя и последней строфой. Между тем этот контраст весьма значителен. Может даже возникнуть впечатление, что данные части стихотворения написаны разными поэтами. Громовой одический пафос сменяется строгими интонациями увещевания-проповеди. Гордыня и безудержное тщеславие сменяется глубоким смирением. Ср.: “Вознесся выше он главою непокорной” и “Веленью Божию, о Муза, будь послушна” (в первоначальном варианте было: “Призванью своему, о Муза, будь послушна). Ср. также: “И славен буду я ...”, “Слух обо мне пройдет...”, “И долго буду тем любезен я народу” — и: “не требуя венца, Хвалу и клевету приемли равнодушно”.

Однако мы не можем говорить о радикальной смене оценочной позиции Пушкина к концу стихотворения. Здесь лишь выводится то, что скрывалось в подтексте предыдущих строф, где мы имеем дело с

различными видами непрямого говорения, или “переакцентуации”, если использовать термин М.М. Бахтина. При этом полемика с Горацием и Державиным приобретает открытый характер. Текст Горация кончается двустишием:

“Возгордися праведной заслугой, Муза,
И увенчай главу дельфийским лавром”.

Державин следует за Горацием и заканчивает свое стихотворение так:

“О Муза! Возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай”.

Пушкинские слова: “будь послушна, Обиды не страшась, не требуя венца”, — носят ответный характер, но в них нет полемической страстности, они дышат смирением и покоем. В этих словах можно также усмотреть внутреннюю переключку с Гефсиманской молитвой Иисуса Христа: «...не моя воля, но Твоя будет». Эта переключка, как и заимствование слова «нерукотворный» из текста Евангелия, не являются, на наш взгляд, случайными. Исследователями-пушкинистами В.П. Старком и С.А. Фомичевым¹ была установлена символическая связь стихотворений т.н. «каменноостровского цикла» А.С. Пушкина, созданного летом 1936 года, с событиями Страстной недели. При этом стихотворение «Я памятник воздвиг себе неруко-

¹ Старк В.П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны» и цикл Пушкина 1936 г. // Пушкин. Исследования и материалы. – т.Х. – Л.: Наука, 1982, с. 200.; Фомичев С.А. Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1981 / Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985, с. 52

творный», написанное 21 августа 1836 года и завершающее цикл, соответствует Страстной Субботе, конец которой ознаменован воскресением Христа. Отметим, что в последней строфе особенно подчеркнуто представлена тема страданий Пушкина от злословия. 18-я и 19-я строки заключают в себе хиазм, в середине которого сведены «хвала» и «венец», а по краям – в «сильных позициях» расположены «обида» и «клевета». Фраза: «И не оспоривай глупца» - усиливает этот мотив и завершает его развитие. Таким образом, великие события Страстной недели в пушкинском стихотворении получают поэтически преображенное воплощение: воскресение для жизни вечной достигается только через страдания, через схождение во ад.

Если А.С. Пушкина (хотя и с оговорками) все-таки принято относить к числу православных поэтов, то М.Ю. Лермонтова в большинстве случаев рассматривают как поэта-богоборца, не вписывающегося в рамки православной культуры. Эта традиция восходит к В.С. Соловьеву, обвинявшего поэта в бездуховном «свинстве», «человекоубиственной лжи» и ожесточенном демонизме.

Однако в русской критике раздавались и голоса в защиту Лермонтова. «Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь кроме здешней жизни, мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть»¹, - эти слова Мережковского лучше всего передают то впечатление, которое производит поэзия Лермонтова на расцерковленное сознание русского интеллигента. У Лермонтова мы находим не умозрительное представление о Боге, но живое ощущение Его реальности, Его присутствия в мире.

¹ Мережковский Д.С. В тихом омуте. – М.: «Советский писатель», 1991, С.396

В поэзии Лермонтова с невиданной силой выражено ощущение метафизического сиротства, богооставленности человечества – состояния, возникшего в результате грехопадения и изгнания из рая.

Весь пафос лермонтовского творчества состоит в поиске высшей гармонии, в стремлении преодолеть одиночество через восстановление утраченного единства с Богом. Этот пафос духовного восхождения пронизывает и стихотворение «когда волнуется желтеющая нива»...».

С точки зрения своей внешней формы стихотворение представляет собой период – сложное предложение, которое характеризуется полнотой и законченностью выражения мысли, а также специфической интонацией. По своей интонации период делится на две части – повышение и понижение. В данном стихотворении Лермонтова повышение охватывает три первые строфы, соответствующие придаточной части сложного предложения, а понижение – четвертую, заключительную строфу, которой соответствует главная часть предложения. Для повышения в периоде характерно интонационное нарастание, градация.

Восходящей интонационной градации в лермонтовском стихотворении соответствует содержательная градация, которая проявляется, в частности, в возрастании степени одушевления природы.

В первой строфе природа отделена от лирического героя, она предстает как нечто внешнее. Но природа выступает здесь уже не в качестве набора деталей пейзажа, она наделяется своей жизнью и даже одушевляется («И прячется в саду малиновая слива»).

Во второй строфе мы наблюдаем переход от одушевления к очеловечиванию природы. Природа вступает в диалог (пока только мимический) с лирическим героем: «Мне ландыш серебристый \ Приветливо кивает головой» Ключевое значение имеет здесь местоимение «мне» оно подчеркивает, что поэт входит в изображаемый им мир на правах равноправного участника общения, при этом достижение гармонии, преодоление одиночества становится возможным и для него.

Наконец, в третьей строфе на смену мимическому диалогу приходит речевое общение: « студеный ключ...\ Лепечет мне таинственную сагу...»

Ощущение одиночества, отъединенности от мироздания и связанная с этим тревога преодолеваются не через усилия самого поэта, но через исполненное любви к нему обращение природы. Внешнее становится внутренним, и изнутри идет ответная реакция, порожденная внезапно возникшим ощущением счастья и высшей гармонии: «Тогда смирятся души моей тревога, \ Тогда расходятся морщины на челе. \ И счастье я могу постигнуть на земле, \ И в небесах я вижу Бога».

«Счастье на земле» и чувство близости к Богу оказываются тесно связанными. С-частье – это ощущение себя частью целого, причастности к гармонии мироздания. Но это целое не обезличено, как у пантеистов, отождествляющих Бога и природу. Для Лермонтова Бог – личное существо, и познание его возможно не умозрительно, но через ощущение живого диалога, контакта, которое возникает у поэта в

лучшие минуты его жизни под воздействием одушевленной и животворящей природы.

Заметим, что использование традиционного термина «олицетворение» по отношению к образам природы у Лермонтова не вполне передает характер отношения поэта к ним. Нива, лес, ландыш, ключ не просто сравниваются с живыми и разумными существами, они предстают в определенный момент такими на самом деле. Но их жизнь и разум – это жизнь и разум высшей Божественной реальности, обращенной к человеку множеством своих ликов. Замечательный русский писатель Борис Шергин однажды сказал, что русская природа – это икона Господа нашего Спасителя Иисуса Христа. Восприятие природы как иконы присуще и Лермонтову в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...»

Художественные принципы Лермонтова оказали огромное влияние на всю русскую поэзию XX века. Борис Пастернак писал: «Лермонтов в детстве... оказал на меня почти такое же влияние, как Евангелие и Пророки»¹. Воздействие Лермонтова часто проявляется в самом непосредственном виде – через использование его художественных приемов и образов, через творческое переосмысление основных мотивов его поэзии. Так, мотив возвращения блудного сына в Отчее лоно, подспудно присутствующий в лирике Лермонтова и во многом определяющий образные особенности стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» (в евангельской притче отец, сжалившись, идет навстречу блудному сыну, который «был еще далеко» и не

¹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. Т.1 / Вступ. Статья В.Н. Альфонсова, сост., подг. Текста и примечания В.С. Баевского и Е.Б. Пастернака. – Л., 1990, с.452.

смог бы сам пройти оставшийся путь), получает своеобразное преломление у И.А.Бунина

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,

И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет – Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав –

И от сладостных слез не успею ответить,

К милосердным коленям припав.

М.Е. Салтыкова-Щедрина принято рассматривать в ряду писателей-атеистов. Вместе с тем, митрополит Вениамин (Федченков) рассматривает сцену покаяния Иудушки в романе «Господа Головлевы» как едва ли не самое откровенное исповедание Православия и христианства в русской литературе¹. Проникая в тайники души падшего человека, показывая ее бездны, Салтыков-Щедрин, вместе с тем, здесь освещает и путь спасения. Вершиной творческого гения писателя является создание образа покаянного и потрясенного состояния человеческой души, познающей Христа через осознание своего греха и беспощадную оценку всей своей жизни:

- *«А ведь я перед покойницей маменькой... ведь я ее замутил...я!»...*

- *Слышала ты, что за всенощной сегодня читали? – спросил он,*

¹ Митрополит Вениамин (Федченков) О богослужении Православной Церкви .-М.: Отчий дом, 1999, с.494-495.

когда она, наконец, затихла, - ах, какие это были страдания! Ведь только такими страданиями и можно... И простил! Всех навсегда простил!

Истязавшие Порфирия Головлева призраки исчезают после его покаяния, осознания своей собственной вины перед всеми. Долгие годы он жил в аду, считая всех виновными пред собой. Салтыков-Щедрин являет здесь подлинный образ Благовестия: спасение души возможно лишь через глубокое сокрушенное покаяние.

По словам протоиерея В.В. Зеньковского, «самая задача Церкви заключается в том, чтобы освящать плоть истории, в которую она входит, как начало света и правды»¹. И в данном отношении русскую классическую литературу можно и должно рассматривать как один из путей этого «освящения пути истории», как одну из ступеней лестницы, ведущей к Богу.

¹ Зеньковский В.В. Основы христианской философии. – М.,: «Канон», 1997, с.494

Литургические образы в стихотворении Б. Пастернака «Ожившая фреска»

В 1956 году в автобиографическом очерке «Люди и положения» Борис Пастернак писал: Я не люблю своего стиля до 1940 года... Мне чужд общий тогдашний распад форм, оскудение мысли, засоренный и неровный слог»¹. Перелом в идейно-эстетических установках поэта связан с осознанием нравственного предназначения искусства, которое должно, согласно новым художественным принципам Пастернака, не средством разъединения, катализатором распада в мире, но средством связи, воссоздания гармоничности и целостности мира. При сохранении всех художественных достижений раннего периода стержнем творчества Пастернака после 1940 года становится уже не дерзкое стремление сравниться с Богом в создании вечных ценностей, но «верность Божьему образу мира». В «Ожившей фреске», написанной в 1944 году, мы встречаемся с одним из наиболее совершенных воплощений данной художественной установки. Это стихотворение было написано под впечатлением поездки в Орел сразу после его освобождения. Приведем текст этого стихотворения.

ОЖИВШАЯ ФРЕСКА

*Как прежде, падали снаряды.
Высокое, как в дальнем плаваньи,
Ночное небо Сталинграда
Качалось в штукатурном саване.*

¹ Цит. по:

http://www.modernlib.ru/books/pasternak_boris_leonidovich/ya_ponyal_zhizni_cel_proza_stihotvoreniya_poemi_perevodi/read/

*Земля гудела, как молебен
Об отвращеньи бомбы воющей,
Кадильницею дым и щебень
Выбрасывая из побоища.*

*Когда урывками, меж схваток,
Он под огнем своих проводывал,
Необъяснимый отпечаток
Привычности его преследовал.*

*Где мог он видеть этот ежик
Домов с бездонными проломами?
Свидетельства былых бомбежек
Казались сказочно знакомыми.*

*Что означала в черной раме
Четырехпалая отметина?
Кого напоминало пламя
И выломанные паркетины?*

*И вдруг он вспомнил детство, детство,
И монастырский сад, и грешников,
И с общиною по соседству
Свист соловьев и пересмешников.*

*Он мать сжимал рукой сыновней.
И от копья архистратига ли
По темной росписи часовни
В такие ямы черти прыгали.*

*И мальчик облакался в латы,
За мать в воображеньи ратуя,
И налетал на супостата
С такой же свастикой хвостатой.*

*А рядом в конном поединке
Сиял над змеем лик Георгия.
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц безумствовали оргии.*

*И родина, как голос пуши,
Как зов в лесу и грохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
И пахла почкою березовой.*

*О, как он вспомнил те полянки
Теперь, когда своей погоней
Он топчет вражеские танки
С их грозной чешуей драконьей!*

*Он перешел земли границы,
И будущность, как ширь небесная,
Уже бушует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная.
Март 1944*

Сохранились дневниковые записи, которые помогают восстановить путь ассоциаций и размышлений Пастернака, сопутствовавших созданию лирического шедевра: «Об этих разрушениях, об ужасе нынешней русской бездомности, о немецких зверствах и пр. писали очень много и не жалеется выражений. *Истинная картина* (выделение наше, Б.Б.) выглядела гораздо ужаснее и сильнее. Очевидно, о жизни нельзя писать изолированными извлечениями с изолированными чувствами, а надо привлекать все попутные мысли и соображения, поднимающиеся при этом»¹.

Данные замечания Пастернака направлены против расчленения действительности, сведения ее к частностям и подробностям, вне представления о целом, вне поиска взаимосвязи во всем происходящем. В этом стремлении поэта к целостности, не сводимой «к изолированным извлечениям с изолированными чувствами», ярко проявляются новые художественные принципы Пастернака, который уже

¹ Цит. по: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-511402.html?page=21>.

не может удовлетвориться характерным для его ранней поэзии разложением мира на ряд броских, выразительных, но плохо связанных друг с другом деталей. Стихия субъективности, установка на передачу отдельных непосредственных ощущений, мимолетных и зыбких, сменяется поиском твердой опоры, гармонии и смысла, присутствующих в Божьем мире. Средством воссоздания этой целостности становится обращение к образам древнерусской церковной фрески, позволяющей представить все происходящее не просто как нагромождение бессмысленных жестокостей и ужасов, но как одно из звеньев единой цепи, часть той «истинной картины», того высшего художественного замысла, который всегда присутствует и осуществляется в мире.

В основу стихотворения положен устный рассказ генерал-лейтенанта А.В. Горбатова. Он присутствовал при последних минутах генерал-майора Л.Н. Гуртьева, находился вместе с ним под обстрелом 3 августа 1943 года. Гуртьев тогда попросил Горбатова спуститься в окоп. Но в тот же миг над их головами раздался свист мины. Широко раскинув руки, Гуртьев заслонил своим телом командарма, втолкнул его в окоп, но сам погиб. Сцена гибели Гуртьева была описана позднее Горбатовым в его книге «Годы и войны».

Стихотворение Б. Пастернака, посвященное подвигу Гуртьева, в первоначальном своем виде называлось «Воскресенье». В черновиках стихотворения на верхнем поле страницы, где описывается смерть генерала, записаны его предсмертные слова: «Я, кажется, умираю». В первоначальных набросках стихотворения Гуртьев, почувствовав близость смерти, переносится мыслями в Сталинград, где он возле

завода «Баррикады» вместе со своими сибирскими стрелками под бесперебойным обстрелом выдерживал сверхчеловеческое напряжение многосуточного штурма трех немецких дивизий: *И вот он ранен, и по ходу /Предсмертной логики какому-то /Он в Сталинграде близ завода /На берегу речного омута.*

Черновые наброски «Ожившей фрески» датированы 26 марта 1944 года, днем, «когда наши войска достигли прежних границ Румынии» (приписка автора на полях).

Ранние стихи Бориса Пастернака отличает повышенное внимание к изображению конкретных деталей, на которые разлагаются предметы и которые нередко заслоняют собой целое. Беспорядок Пастернак любил описывать больше, чем порядок. Показательным в этом отношении является описание сноса старых московских зданий¹ из романа в стихах «Спекторский» (1931).

*Тут горбились задворки института,
Катились градом балки, камни, пот,
И, всюду сея мусор, точно смуту,
Ходило море земляных работ...*

*Землистый зал сменялся белым хряском.
Обвал бледнел, чтоб опухолью спасть.
Показывались горловые связки.
Дыханье щебня разевало пасть.*

Эти строки проникнуты пафосом разрушения: взрываются, превращаются в груды щебня старые дома (а такие картины были нередки в Москве второй половины 20-х годов, когда было положено начало уничтожению исторического центра Москвы), и это воспринимается лирическим героем с воодушевлением - как часть революцион-

¹ Взрывы старых зданий осуществлялись в соответствии с разработанным под руководством Л.М. Кагановичем генеральным планом перестройки столицы.

ного переустройства мира, в котором он мечтает принять участие.

На первый взгляд, картина, предстающая в «Ожившей фреске», имеет много общего с картинами беспорядка в ранних произведениях поэта. Однако это сходство – чисто внешнее, поверхностное. Если в ранних стихах Пастернака описание беспорядка, хаоса, разрушения часто имело самодовлеющее значение, передавая мятущееся и страстное состояние души, то в «Ожившей фреске» детали разрушения («штукатурный саван, т.е. белая завеса из штукатурной пыли, «дым и щебень», «дома с бездонными проломами», «четырепалая отметина в черной раме» - т.е. окно с выбитыми стеклами и сохранившейся крестовиной рамы, «пламя», «выломанные паркетины») оказываются лишь толчком, поводом для выхода на уровень символического обобщения, при этом каждая деталь, не утрачивая своей реальности и конкретности, вместе с тем становится знаком иной, высшей реальности. В подтексте стихотворения разворачивается образ грандиозной литургии - богослужения, всем своим ходом отображающим жизнь, крестные муки и воскресение Иисуса Христа. Картина боя под Орлом, воспоминания о детстве, о Сталинграде, где Гуртьев также вел бои среди разрушенного города, – все предстает как проекция главных событий Священной истории, связанных с Христом. Центральным образом стихотворения является крест – символ земных страданий, воскресенья и вечной жизни. Этот образ встает за конкретной деталью: «Что означала в черной раме четырехпалая отметина?» Картина грандиозного молебна, в котором участвует сама земля, парадоксально сочетает в себе «воющую бомбу», «дым и щебень», уподобляемые куренью кадилницы, «свист соловьев и пересмешников»

и цветенье кувшинок. Эти два противоречивых ряда образов соединяются в строфе: *И родина, как голос пуши,/Как зов в лесу и грохот отзыва, /Манила музыкой зовущей /И пахла почкою березовой.*

В начале стихотворения возникает символ смерти - «штукатурный саван» «Конец же «Ожившей фрески» исполнен веры в вечную жизнь. Герой не уходит в небытие, но: Он перешел земли границы, / И будущность, как ширь небесная, / Уже бушует, а не снится,/ Приблизившаяся, чудесная». Эти строки по своему пафосу соответствуют ликующим песнопениям, всегда звучащим в конце литургии, а также самым вдохновенным строкам Библии: **Смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?** (1Кор.15:55). Настоящее, прошлое, будущее в стихотворении оказываются слитыми воедино, благодаря присутствующему в нем образу вечности, высшей реальности, «истинной картины»¹, являющейся прообразом всего совершающегося на земле. В «Ожившей фреске» разворачиваются два ассоциативных ряда, как бы идущих друг к другу навстречу. Образ литургии создается в результате переосмысления конкретных земных деталей и, напротив, образы церковной фрески проецируются на земную реальность. При этом возникают параллели: битва с адским воинством – бой с фашистами; чудовищный змей-Сатана – «вражеские танки с их грозной чешуей драконьей», Георгий Победоносец, поражающий дракона, – генерал Гуртьев².

Рождественская тема в стихотворении Б. Пастернака «Единст-

¹ См. приведенную выше дневниковую запись.

² Здесь также, одновременно присутствует и ассоциация и с Архистратигом Михаилом – победителем адского воинства; ср.: *И от копья архистратига ли /По темной росписи часовни / В такие ямы черти прыгали/*

венные дни»

Стихотворение «Единственные дни» является вершиной поэтического творчества Пастернака. Оно представляет собой развернутую метафорическую актуализацию грамматической аномалии, заключенной в заглавии. Данная аномалия возникает в результате несогласования лексического значения и грамматического числа в слове *единственные*. Форма множественного числа «навязана» прилагательному-определению существительным *дни* по законам грамматического плеоназма, присущему русскому языку, где число является морфологической согласовательной категорией. Пастернак намеренно «выводит наружу» этот плеоназм, делает его явным для восприятия через семантическое противоречие. Языковое противоречие в художественном тексте не приводит к его распаду. Напротив, по замечанию Бенедетто Кроче, глубоко исследовавшего эстетические феномены языка, «самый принцип противоречия есть не что иное, как принцип внутренней связности»¹

Связность заглавия обеспечивается также фонетической перекличкой начала и конца словосочетания *Единственные дни*, при этом проявляется эффект кольца, завершенности: заглавие приобретает свойства самостоятельного текста. Однако понять вполне смысл этого мини-текста мы сможем лишь по прочтении всего стихотворения. Приведем его текст:

*На протяжении многих зим / Я помню дни солнцеворота, / И
каждый был неповторим / И повторялся вновь без счета. / И целая
их череда / Составилась мало-помалу – / Тех дней единственных, ко-*

¹ Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. - М., 1920, с. 51

*гда / Нам кажется, что время стало. / Я помню их наперечет: / Зима
подходит к середине, / Дороги мокнут, с крыши течет, / И солнце
греется на льдине. / И любящие, как во сне, / Друг к другу тянутся
поспешней, / И на деревьях в вышине / Потеют от тепла скворешни.
/ И полусонным стрелкам лень / Ворочаться на циферблате, / И
дольше века длится день, / И не кончается объятье.*

В первых двух строфах стихотворения Пастернак нанизывает одну грамматическую аномалию на другую. Эти две строфы наиболее глубоки по смыслу и содержат ключ к прочтению остальных трех строф, где свернутая пружина языковых противоречий постепенно распрямляется, фразы приобретают нормативный характер, и то, что скрыто содержалось в грамматических аномалиях, эксплицируется на лексико-семантическом уровне. В начальной фразе обращает на себя внимание необычное употребление отыменного предлога «на протяжении» в сочетании с формой глагола настоящего времени «помню». В данном случае происходит своеобразное рассредоточенье, раздвоение субъекта (лирического «Я»), который оказывается и в некоем протяженном прошлом, и в настоящем, приобретающем вневременное значение. При этом происходит пересечение временной и пространственной категориальных сфер, что приводит к актуализации мифопоэтического хронотопа, лежащего в основе языковой «матрицы». В.Н.Топоров отмечает: «В мифопоэтическом хронотопе время сгущается и становится формой пространства...»¹. Неразрывность пространства и времени отражена во внутренней форме ряда языковых единиц с темпоральным значением. Так, слово *ВРЕМЯ* восходит

¹ Топоров В.Н. Пространство и текст //Текст: семантика и структура. М., 1983, с.232.

к индоевропейскому *uert-men* от *uert* – вертеть, вращать, т.е. в основе обозначения времени лежит идея поворота, оборота или развертывания в пространстве. В тексте стихотворения Пастернака данная идея актуализируется при помощи слова *солнцеворот*. Во втором предложении Пастернак переходит к прошедшему времени, используя видо-временные различия для создания образности: «И каждый *был* неповторим, И *повторялся* вновь без счета. Мы также встречаемся в этом предложении с оксюмороном, выражающим на лексическом уровне исходное грамматическое противоречие заглавия. При этом Пастернак прибегает к словарному плеоназму (*повторялся вновь без счета*), который выступает иконическим знаком повторения и возвращения: выражение становится подобным выражаемому. Заметим также, что здесь происходит метафорический сдвиг в значении формы прошедшего времени несовершенного вида (*повторялся*), которая приближается по функции к формам настоящего времени во вневременном значении.

Значительные метафорические преобразования происходят с временными формами глагола в третьем предложении: *И целая их череда Составилась мало-помалу - Тех дней единственных, когда Нам кажется, что время стало*. В данном предложении также наблюдается эффект круга, кольца: формы *составилась* и *стало* соотносятся в видо-временном, фонетическом и лексическом плане. С этими двумя формами контрастирует находящаяся между ними глагольная форма настоящего времени *кажется*, которая имеет здесь вневременное значение. Видо-временное противоречие сочетается в приведенном примере с двойным синтаксическим переносом, с помощью

которого резко выделяется ключевое словосочетание с инвертированным порядком слов: *тех дней единственных*. Одно «кольцо» помещается внутри другого: круг становится концентрическим. Ненормативным также является сочетание слов «время стало» (ср.: *часы стали*). В данном случае происходит пересечение плоскости предметно-пространственных отношений с противоположной ей временной сферой.. При этом происходит «объединение и скрещивание несовместимых с точки зрения законов мироздания образов»¹. Эта грамматическая аномалия играет ключевую роль для понимания смысла всего стихотворения. В глаголе *стать* в чистом виде представлено значение становления, бытийности, сущности. «Время стало» - это значит время приобрело свойство существующего, сущего. Остановившись, время становится вечностью. Аврелий Августин, глубоко осмысливший природу времени, писал в своей «Исповеди»: «Все годы Твои одновременны и недвижны: они стоят... «Годы Твои как один день», и день этот наступает не ежедневно, а сегодня, ибо Твой сегодняшней день не уступает места завтрашнему и не сменяет вчерашнего. Сегоднешней день Твой – это вечность; поэтому вечен, как и Ты. Сын Твой, Которому Ты сказал: сегодня Я породил Тебя»².

Идея стихотворения «Единственные дни» - явление Вечности во времени. Данный концептуальный смысл составляет подтекст парадоксального заглавия и ряда других приведенных грамматических аномалий Пастернака. Наиболее полно и развернуто этот смысл выражается в заключительных фразах стихотворения: *И дольше века длится день, / И не кончается объятье*. Эти строки заключают в себе

¹ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976, с.97.

² Августин Аврелий Исповедь. Абельяр История моих бедствий. - М., 1992, с.166.

неисчерпаемое символическое содержание: кольцо земной орбиты вокруг Солнца – это тоже своего рода «объятье», день же зимнего солнцеворота многовековая христианская традиция связывает с Рождеством Иисуса Христа, именуемого в церковных песнопениях и молитвах «Солнцем правды».

Нравственный смысл стихотворения кн. П.А.Вяземского «Степь»

Стихотворение П.А. Вяземского «Степь» посвящено теме Родины и изучается в школе параллельно с «Русью» И.С. Никитина и «Звездой полей» Н. Рубцова, «Степью» А.П. Чехова. Приведем его текст.

СТЕПЬ

*Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.*

*Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит,
Словно огненное море
Зноем пышет и палит.*

*Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнет на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.*

*Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола;
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.*

*С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед;
Добрый друг семьи убогой,
Он хранит ее от бед.*

*Шагом, с важностью спокойной
Тащут тяжести воле;
Пыль метет метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.*

*Как разбитые палатки
На распутии племен —
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времен.*

*Пусто всё, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.*

*Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От нее в душе согретой
Свято теплится любовь.*

*Степи голые, немые,
Всё же вам и песнь, и честь!
Всё вы — матушка-Россия,
Какова она ни есть!*

В тексте П.А. Вяземского отразилось мироощущение поэта-романтика, усматривающего в привычных картинах, в простой, не экзотической русской природе, в скудном пейзаже тайную связь земного, реального и небесного, идеального миров.

Первая строфа стихотворения является ключевой для понимания его смысла: в ней отсутствует рифма, она состоит из шести строк, ей присуща неожиданная и гиперболизированная образность. В первую очередь здесь обращают на себя внимание парадоксальное сравнение, с которого начинается стихотворение: «Бесконечная Россия, Словно

вечность на земле. Что же неожиданного в этом сравнении? Это, прежде всего, отождествление вечного и земного. Какая же вечность имеется в виду? Вечность в данном случае – это не просто бесконечная протяженность во времени. Количественные временные и пространственные мерки здесь не играют определяющей роли. Вечность – это идеальный мир, который существует вне всякого времени и пространства, который не исчезает, не разрушается. Здесь, таким образом, подразумевается не земное царство, но небесное. Царство Божие.

Следует обратить внимание на обращение лирического героя в стихотворении (лирического «Я» поэта). Вместо формы первого лица князь Вяземский предпочитает использовать форму второго лица единственного числа, имеющую обобщенно-личное значение: *Едешь, едешь, едешь, едешь*. Тем самым создается эффект присутствия, соучастия. Читатель становится в позицию наблюдателя, путешествующего по необъятной России. При этом среди всего многообразия русской природы Вяземский выбирает степь, которая предстает в его произведении обобщенным образом России. Это может показаться странным с наивно-реалистической, географической точки зрения – ведь степи занимают сравнительно небольшую часть России. Однако реальные природные координаты, детали пейзажа играют у Вяземского второстепенную, служебную роль.

Стихотворение «Степь» представляет собой не столько зарисовку русской природы, сколько мысль о России, о ее национальном характере, ее историческом предназначении и судьбе. Обращает на себя внимание то, что первые восемь строк лишены каких-либо конкрет-

ных деталей, здесь лишь на разные лады варьируется мысль о бесконечности России. В данном случае мы имеем дело с иконическим¹ изображением России, когда не только содержание, но и плеонастическая форма (*Едешь, едешь, едешь, едешь*) сообщения способствует формированию в сознании читателя образа бесконечности. Вместе с тем этот образ, безусловно, трудно вообразить себе и представить. Это, скорее, образ-переживание, чем образ-представление.

Первый относительно конкретный образ, который возникает в стихотворении, это сравнение степи с огненным морем. Конечно, при изучении произведения Вяземского на уроке можно предложить детям ответить на вопрос, почему степь сравнивается здесь с огненным морем, предложить воссоздать картину, которую вызывают в воображении эти слова: «трава колышется в степи, подобно морским волнам, яркий солнечный свет заливают степь». Однако при внимательном чтении текста стихотворения мы приходим к выводу, что образы зноя, огня имеют здесь не только и не столько прямое, изобразительное, сколько переносное, символическое, выразительное значение. В этой связи обратим внимание на шестую строфу: *Шагом, с важностью спокойной/ Тащат тяжести волы/ Пыль метет метелью знойной,/ Вьюгой огненной золы.* Здесь можно усмотреть погрешность против реализма: степные обозы, главной тягловой силой были волы, совершали свой путь летом в относительно прохладное время: ночью, утром и вечером, но не среди знойного дня (вспомним описание обозных реалий в «Степи»). Но, отступая от внешнего правдоподоб-

¹ Иконический знак (от греч. eikon – образ, изображение) – знак, в котором форма и содержание, означаемое и означающее похожи друг на друга в том или другом отношении. Так, например, изображение перечеркнутой папиросы обозначает «не курить», изображение зигзага на дорожном знаке обозначает форму дороги впереди.

бия, поэт преследует здесь глубоко внутреннюю цель. Образ огненного моря, как и все тематически связанные с ним слова, и выражения («пышет», «палит», «воздух сжатый», «душный день», «небеса...раскалились», «знойная метель», «огненная зола») играет символическую роль, указывая на необыкновенно тяжелые испытания, страдания и муки, выпавшие на долю России.

Мотив Божьего гнева скрыто присутствует в словах: «Небеса, как купол медный, раскалились». Вместе с тем это не уничтожающий, но очищающий огонь. Россия проходит через огненное море страданий, очищаясь и исцеляясь от духовной немощи. В Библии¹ есть рассказ о встрече Моисея с Богом. Создатель является пророку в образе неопалимой купины – пылающего, но не сгорающего куста. Россия являет собой такой образ неопалимой купины. Среди огненного ада, который предстает в изображении Вяземского, казалось бы, невозможно выжить, но жизнь сохраняется. Да, жизнь бедная, убогая, невзрачная... Но удивительно, что она вообще сохранилась в таких условиях: попробуйте-ка жить среди огненного моря!

Важную роль для понимания идеи стихотворения имеет седьмая строфа, которая возвращает нас к началу, к мысли о вечности: *Как разбитые палатки /На распутии племен —/ Вот курганы, вот загадки/ Неразгаданных времен.* Курганы – это напоминания об ушедших, исчезнувших с лица земли народах. Они стремились оставить по себе память, остаться навечно на земле, воздвигали крепости и памятники себе, но остались от них только неразгаданные загадки, вопросы, на которые нет ответа. Слово «курган» заимствовано из

¹ Знакомство с Библией осуществляется в рамках учебного предмета «Литература» начиная с 5 класса

тюркских языков, где оно означает «крепость» (например, в турецком языке). В русском языке это слово приобрело иное значение. В нем можно усмотреть намек на внутреннюю ущербность, погибельность, которая таится в стремлении человека к возвеличиванию себя перед Богом. Воздвигая памятники себе: курганы, пирамиды, башни, - человек тем самым не надеется на вечную жизнь, он не хочет знать великого откровения Евангелия: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у него все живы» (Лук.20:38). Вспомним также библейский рассказ о Вавилонской башне, ставшей символом гордыни людей. У Вяземского скрыто присутствует мотив рассеяния племен, наказанных за свою гордыню. Стремясь к величию, к собственному увековечиванию, народы и племена рассеиваются, исчезают без следа. И, напротив, нищая, убогая Россия, которая сравнивается с абсолютно голой, высохшей степью, оказывается образом вечности на земле. Поэт упорно возвращается к этому исходному парадоксу. В девятой строфе еще более усиливается мотив нищеты и однообразия русских равнин. Лирический герой оказывается в положении зрителя, которому хочется развлечений, хочется найти, чем занять свою мысль и чувство, привыкшие к разнообразию и рассеянию. Но рассеяние бесплодно, из него ничего не рождается. Одиноким же человек в степи, где «голодают взор и слух», оказывается в положении пустычника, аскета поневоле. Он лишен возможности уйти от себя и вынужден обращаться внутрь, к своему сердцу, стараясь разобраться в характере того пронзительного ощущения, которое рождается в нем, и пытаюсь ответить на вопросы, которые задает ему Россия. И ответ приходит сам собой:

грусть, которую навевают картины нищей России рождает в душе святое чувство – любовь.

Любовь у Вяземского неотделима от милосердия, сострадания. И это соответствует нравственным устоям и языковому мировидению русского народа, который вместо страстного «люблю» целомудренно говорит: «жалею». Бедная, убогая, голая немая степь несет в себе образ бесконечного смирения: у нее нет ничего, чем она могла бы гордиться перед Богом: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное» (Мф.5:3). Вечность на земле – это любовь... Она ключ к Царству Бога. Сказано: «Бог есть любовь» (1Ин.4:8). Да, любовь. Но какая? И в последней строфе рождается ответ. Это любовь, которая соединяет родных людей, родителей и детей, мать и сына. Любовь к Родине равнозначна любви к матери, которую любят не за то, что она богата, красива, умна, но за то, что она родная мать

ЧАСТЬ III

ЭТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОРЛОВЩИНЫ

Гимнографические мотивы в поэме Ирины Семеновой «Ксения «Петербургская»»

*Святись, блаженная жена,
России данная на радость!
Чем помраченнее страна,
Тем ослепительнее святость.*

Это строки из новой поэмы орловской поэтессы Ирины Семеновой «Ксения Петербургская». Мы видим здесь продолжение гимнографической традиции русской поэзии, восходящей к А.К. Толстому, к его знаменитому «Иоанну Дамаскину»:

*Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!*

В ряду поэтов русской гимнографической традиции ярко сияют имена Константина Романова, Владимира Палея, Иоанна Сан-Францисского. Дань этому направлению отдает и Максимилиан Волошин в своей замечательной поэме «Святой Серафим»:

*Серафим встречал пришедших с лаской,
Радостный, сияющий и тихий,
Кланялся иным земным поклоном,
Руки целовал иным смиренно,
Всех приветствовал "ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!"
Говорил: "Уныние бывает
От усталости. Не грех веселость.
Весел дух перед лицом ТВОРЦА!"*

Эти стихи Максимилиан Волошин пишет в 1919 году, в разгар братоубийственной войны, когда безысходность и отчаяние овладе-

вают сердцами русских людей. Поэт обращается к современникам: «Возведите глаза горе – и вы увидите свет, который поможет разогнать мрак уныния в ваших душах».

Подобный же призыв к соотечественникам, жителям России начала XXI века звучит в поэме «Ксения Петербургская». Образ Блаженной Ксении, создаваемый поэтессой, излучает тепло и свет, которые так необходимы сегодня для нас, живущих в помраченном и охладелом мире. Этот образ заключает в себе источник необыкновенной духовной силы и несет провозвестие о грядущей судьбе России.

Блаженная Ксения переживает невыносимые беды и скорби: утрату близких, крайнюю нищету, насмешки, поношения окружающих, холод, голод, бездомность – и при этом не только не озлобляется на людей, не винит в своих несчастьях других, но изливает на всех потоки любви, помогает страждущим, отчаявшимся, погибающим. Вот одно из сказаний о Блаженной, переложенное Ириной Семеновой живым летящим стихом, передающим все богатство разговорных интонаций:

*Бранятся чайки над водой,
Меж двух соседок перетолки,
А мимо доктор молодой
Несется в новенькой двуколке.
- Лихач! Народ пугать мастак!
Забрызгал – даже не заметил!
Ах, Паня, знаешь ли ты как
Сей доктор Голубевых встретил?
Однажды в полдень в гости к ним
Заходит Ксеньюшка с обедни,
А там столбом кофейный дым –
Темно, что в кухне, что в передней.
Сидишь, красавица?*

*А там
Твой муж свою жену хоронит!
Беги на Охту!
Дочь, к шутам,
Как на пол чашку-то уронит!
И ну смеяться – хи да ха!
Осколки выбрала из лужи,
Мол, нету-де и жениха,
Как может речь идти о муже?
- Иди – ей Ксения опять.
Та сразу бросилась смеяться,
И побежали дочь и мать
Сию минуту одеваться.
Бегут, спешат – извозчик вскачь,
Ан грязь – при наших-то погодах!
Примчались, глядь – хоронит врач
Жену, скончавшуюся в родах.
Тут и решились до конца
Узнать, что значит предсказанье,
И безутешного вдовца
Нашли в ограде без сознанья.
Так познакомились, и вот
День ото дня полнее чаша,
Пошел их браку третий год –
Опять младенца ждет Наташа!*

Ирина Семенова проявляет необыкновенную поэтическую чуткость и такт, описывая начало подвига Ксении, ставшей юродивой и принявшей имя своего безвременно скончавшегося мужа Андрея Федоровича:

*...Твердит, что жив супруг,
Напротив, Ксения скончалась!...*

*...Она молилась об одном –
Чтоб не постигло наказанье
Андрея за грехи притом,
Что умер он без покаянья.*

Поэтесса при этом раскрывает ступени духовного роста Ксении:

*Но дух блаженного растет!
В открытом поле круглый год,
За Петербургской стороною,
Уже как ангел в свой черед
Она молилась за народ
И за Отечество родное!*

Вещее сердце Блаженной отзывается на все великие и страшные события в Российской империи века Елизаветы и Екатерины. Предание о том, как Ксения иносказательно предрекла кончину императрицы Елизаветы оживает в поэме Ирины Семеновой в непринужденной форме диалогизированного стиха, в котором прямая речь – слова святой – сопровождается авторскими комментариями-репликами, имеющими окраску устной речи:

*Слова всем улочкам слышны,
Где ставни хлопают глухие
- Блины пекут все! Блины!
Печь завтра будет вся Россия!
И что ж!
На следующий день
Раскрылась людям суть секрета:
Покинув мир, под Божью сень
Вдруг отошла Елизавета.*

Одной из ведущих тематических линий поэмы является мотив отношений России и Запада. В качестве важнейших художественных средств воплощения этой темы выступают метрические цитаты – фрагментарные повторения размера и строфики поэмы «Медный всадник», а также внутренний диалог с Пушкиным при создании образа Петербурга:

Первая строка поэмы «Ксения Петербургская» содержит открытую, подчеркнутую реминисценцию:

*Монарх на вздыбленном коне,
Фонтаны, арки, монплезиры,
Трезини, Росси, Фальконе -
Шедевры Северной Пальмиры.*

Эти строки непосредственно отсылают нас к пушкинскому тексту:

*Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне...*

Далее читаем у Ирины Семеновой:

*Он гавань выстроил для флота,
Чтоб ослепительной иглой
Сверкали Балтики ворота...*

*...Глядит в зеркало стольный град
С лицом, повернутым на запад.*

И здесь также выстраивается цепь ассоциаций с «Медным всадником»:

*Прошло сто лет и юный град
Полночных стран краса и диво...*

*Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...*

.....и светла

Адмиралтейская игла.

В данном случае мы имеем дело не просто с перепевом источника. Ирина Семенова переставляет акценты, значительно приглушая одические интонации ритмического прототипа уже в начале поэмы:

*И город весь, как царский дом,
Одно - Руси не видно в нем.*

*...Однако тешит лютеран
России цезарь и тиран
Державный царь и богоборец!*

Максимилиан Волошин называл Петра Великого первым большевиком. В первую очередь «державного царя» сближает с большевиками его отношение к Православию, меры против Церкви, которые заложили основы глубинных сдвигов в сознании русского народа и которые, в конечном счете, привели к революции 1917 года.

Поэтическая мысль Ирины Семеновой возвышается до историко-софского обобщения. Она пишет о провиденциальном значении для России духовного подвига блаженных:

*В России, в дни великих смут,
Когда цари теряют веру
Служить блаженные встают,
Восполнив пастырскую меру.*

Прочитав эти строки, многие из православных орловцев вспомнят о блаженном Афанасии Андреевиче Сайко, любившего повторять, что «Орел дан ему в удел». В словах блаженного скрыто присутствует та же мысль о высшем предназначении святых, благодаря которым держится и сохраняется каждое государство, каждый город, каждое село. Вспомним: «Не стоит село без праведника».

В поэме «Медный всадник» обезумевший Евгений бросает вызов «кумиру на бронзовом коне», но оказывается подавленным и морально уничтоженным. Заметим, что Пушкин не случайно употребляет здесь слово «кумир», вызывающее в памяти библейскую заповедь *Не сотвори себе кумира*. Тем самым олицетворение имперской власти приравнивается к идолу, к кумиру, к языческому богу.

В поэме Ирины Семеновой эта тема получает иной разворот и новое развитие. Безумие гонимой, осмеиваемой Ксении, в отличие от

безумия Евгения, является мнимым. Блаженная являет собою Высшую мудрость святости, напоминая при этом властителям земным о Небесном Царе и Судии мира:

*Ты три эпохи прожила,
Три царствования легендарных
И в святыи русские вошла,
Дивя потомков благодарных.

*Мне кажется, что тишина,
Вместив все звуки мирозданья,
Так громогласна и шумна,
Что вовсе уху не слышна –
Так велико ее звучанье!
Так святость – как бы не видна,
Но сил Божественных и знанья
Так всеобъемлюще полна
И столь всеведеньем страшна,
Что недоступна понимаю.*

Голос Ирины Семеновой в поэме звучит скорее с лирической, чем с эпической интонацией. Житие Ксении Петербургской представит на страницах книги не просто как спокойное повествование о когда-то совершившихся внешних и далеких от нас фактах и событиях, но как лирическое описание, проникнутое личной эмоцией поэтессы, остро переживающей, принимающей близко к сердцу каждый эпизод земного пути Блаженной:

*От жизни шаг до жития,
Его листая, вижу я,
Как мокнет улица пустая,
Как ты, скиталица ночная,
Спешишь все дальше от жилья.
Откуда силы ты брала
Сносить морозы и метели?
Иль впрямь по воздуху плыла
Земли касаясь еле-еле?*

*По льдам в рассыпанной золе,
По городу в промозглой мгле,
Где все чахоткой одержимы,
Над миром, дремлющим в тепле,
Полубосую по земле
Тебя носили херувимы!
Склонись, родимая, услышь!
У них ворота золотые,
У них от нас щиты стальные,
У нас лишь звезды, скорбь да тишь,
(Горит свеча, скребется мышь)
На что надеяться России?*

Обратим особое внимание на обращение поэтессы: «Склонись, родимая, услышь!». Как это трогательно и проникновенно! Мать Ксения предстает здесь в образе самого близкого и дорогого нам человека, который всегда услышит нас, всегда поможет во всех наших преткновениях и огорчениях.

«Медный всадник» начинается с оды Петру и его детищу («Красуйся град Петров и стой...»), поэма Ирины Семеновой в той же тональности заканчивается одой Ксении Петербургской:

*Молись же Ксении, народ!
Сквозь Петербург она бредет,
На век свой тяжкий не в обиде,
Склонив над Русью дланей свод,
Зарю северной встает,
На триста лет глядит вперед
И скорби русские провидит!
И разрастается, как лес,
Посмертный сонм ее чудес,
Путь вражьей силе преграждая,
Так верь, акафист ей читая,
Что свет надежды не исчез,
Что в Божьей славе расцветая,
На мир с карающих небес,
С теплом всевидящих очес*

Глядит всея Руси святая!

Торжественный финал поэмы звучит как ответ на вопрос: « На что надеяться России?». *Не в силе Бог, а в правде*, - гласит народная мудрость. Именно это составляет главный пафос и смысл замечательной поэмы Ирины Семеновой, посвященной великой заступнице и молитвеннице о земле русской святой блаженной Ксении Петербургской.

*Я где-то не с нею,
я где-то поодаль стою.
Не я же, не я на краю
золотой непогоды
Кричу над водою
и белыми крыльями бью....*

Воздушное пространство стихов Дронникова населено самыми различными птицами. Пересвистывание, перепевы, переливы голосов создают впечатление особой неповторимой «птичьей симфонии», исполненной щемящей красоты бытия, Божьего мира и Божьего света:

*С птицами я дружу
С птицами я дружу,
С ними легко дружить.
Витючень снова: Вить,
Дай мне росы испить
Дай мне росы испить
(«Витючень»)*

*Не осуждайте мои привычки,
Они не Ваши, они мои.
Ко мне на плечи летят синички,
Ну чем синички не соловьи?...*

*...Я зачарован их чудной речью,
Осталось только в слова облечь.
Я научился на человечью
Переводить их синичью речь.

*Прокатилось лето...
Закатилось
Закричали над полями птицы.
Лишь вчера мне
радостное снилось.
А теперь не знаю,
что приснится.
(«Прощанье с летом»)*

*Душа сама летит, как птица
На Божий свет! На Божий свет!*

Тонкая, воздушная лирика сменяется у Дронникова стихами гневного, набатного звучания. Поэт охватывает здесь настоящее и грядущее России, остро сопереживая ее бедам и прозревая ее великий и святой удел:

Я обложен с Юга и Востока...

*...Разве непонятно – в этом мире
Мы одни, как перст,
на белом свете.
Мы живем на Родине, как в тире...*

*Что же, православные,
Мужайтесь
С нами Бог и сам
Георгий-витязь.*

*И Русская правда на вере стоит,
На вере и светлом моенье.
И каждый святой на Руси
- это щит
И Божие благословение...*

Есть различные классификации поэтов. Французский философ Гастон Башляр предложил одну из них, основанную на соотношении наиболее часто повторяющихся в их творчестве образов и слов с четырьмя основными стихиями: огня, воздуха, воды и земли. Если Виктора Дронникова, согласно этой классификации, можно отнести к поэта́м стихии воздуха, то Николай Перовский – это поэт стихии земли.:

*Муза моя на подножном корму
Многие лета пасется в округе,
Тихо диктует душе и уму
О листопаде, о саде, о вьюге.*

*Среди невыжженной ботвы
Совсем как овцы и телята,
Паслись мы в поисках жратвы
Послетифозные ребята.*

*Выбиваем ковры, выбиваем
Злую нечисть, гремя и пыля,
В белоснежных холстах выбываем
В ту страну, где сплошная земля.*

Крупно и сочно выписанные образы Перовского вместе с тем лишены пошлости, тривиальности, низкого цинизма. Так, в строках: «Паслись мы в поисках жратвы /Послетифозные ребята», - просторечие *жратва* преобразуется, утрачивает свою грубость благодаря сочетанию со следующим за ним выражением *послетифозные ребята*. Это выражение приобретает особо пронзительное звучание за счет вынесения его в отдельную строку и замедления темпа речи, возникающего благодаря сокращению количества ударений в стихе с четырех до двух. Тем самым создается впечатление особого словесного жеста, целомудренно чуждающегося внешней патетики, но, в существе своем, обращенного к высшей природе человеческой души, взыскующей милосердия.

Тщательно выписанные детали быта становятся у Перовского символами, знаками, указывающими за пределы этой, казалось бы, непреложной в своей реальности действительности:

*Если жизнь в этом мире случайна,
Отчего этот зов чистоты
И какой они связаны тайной,
Жажда плоти и дым красоты?
(«Тайна»).*

Поэзия Вадима Еремина может вызвать оторопь и шок у человека, воспитанного на песенной мелодичной традиции русского стиха. Она подчеркнута угловата, странна и парадоксальна:

*Овдовел
в небесах рыбака:
Неудача...
За ней –
удача?..
Бредит бреднем.
А на крючок
Присоседился
Светлячок.
(«Рыбак»)*

*Или:
Молния
С треском прошлась
по крестам
и по фрескам.
Восстановила
Контур ваятеля.
Сгнула где-то
за перелеском.
Там и валяется.*

Однако в этой странности есть своя лирическая логика.. Лесенка стиха, составляющие ее угловатые строки предстают в виде своеобразного иконического образа, когда форма изображения подобна его содержанию. Здесь воочию возникают образы ступеней, ведущих в небо:

*В затылок твой дышит
Следующего
Вспугнутая душа.*

*Лесам слышался стрелы
Победный посвист.*

А вот птицы Николая Перовского:

*На весенние рощи и чащи
Прямо с крыльев рассветных зарниц
Опрокинут поющий, звенящий
Разной взбудораженных птиц.*

Этот диалог продолжается и в стихах других поэтов. Подборка стихов Владимира Ермакова начинается со слов, которые как бы подхватывают замолчавший звук:

*Птичий переполох
ближнего поднебесья...*

И далее, уже в другом стихотворении, читаем:

*...через сон мой пролетали птицы,
птицы радости и птицы печали:
сойки в голубых пелеринках,
снегири в багряных манишках,
синицы в желтых жилетках...*

При этом рождается неожиданный образ: птицы – «знаки», «вестники» еще не сказанного слова. Здесь возникает ассоциация с неевклидовой геометрией, «обратной перспективой», при которой не ты смотришь во Вселенную, но Вселенная смотрит в тебя. Поэзия мысли Владимира Ермакова требует от читателя немалого душевного труда. Но этот труд вознаграждается расширением круга понимания себя и других.

В стихотворении Ермакова, посвященном Ивану Александрову, возникает цепь образов, соединяющая прошлое и настоящее русской поэзии. Интонации и акценты поэта точны и выразительны:

*Душа страшится перемен...
На дне колодца тьма кромешная...*

*По руслу русских деревень
река времен течет неспешно.*

*Святой и страшный русский быт!
Одно и то же год от году.
Поэтом можешь ты не быть...
но если стал – назад нет ходу...*

*...Призвания не предавай,-
эпоху собирай по крохам,
но важности не придавай
сиюминутным катастрофам.*

Обращаясь к Ивану Александрову, Владимир Ермаков предлагает собрату по перу стряхнуть с души гнет злободневности, не приходить в отчаяние от перемен в судьбе страны. При этом русский быт у Ермакова именуется не только страшным, но и святым, и это не просто громкий эпитет, за этим - вечные, неподвластные времени ценности. В союзники поэт здесь призывает Державина, Пушкина, Некрасова. Не случайно в данном случае возникают реминисценции именно с поэтами классического золотого века. Тем самым подчеркивается вневременной характер поэзии, живущей «меж календарных дат», и, вместе с тем, свидетельствующей перед вечностью о своей эпохе.

Это чувство эпохи пронизывает стихи другого замечательного орловского писателя – Василия Катанова.

*Вот школьный сад.
В саду играют дети.
Как мало их, играющих детей!
Как мало их, как мы, поющих песни!
Пустеют парты.
Трудный разговор.
О, наше прошлое!*

*Ты повторись,
Воскресни!
(«Альшанская школа»)*

*Шли мы – Коли да Толи, да Нины
Шли экзамены в школу сдавать
Вдруг с холма – ровный гул тополиный...
Как у памяти это отнять?
(«Холмы»)*

Сколько непосредственности, тепла и участия слышится в строках:

*Тетя Нюра болела –
Был недуг ее прост,
И, печальное дело,
Отвезли на погост.
Прилегла, как устала,
Сделав дело свое...
Так и Кати не стало,
Тети Фени не стало,
А теперь и ее...*

Как и у других орловских поэтов, в стихах Василия Катанова явно присутствует ощущение, предчувствие иной, высшей реальности, по законам которой оценивается и измеряется жизненный путь человека:

*Время движется, движется, движется...
В нем не только поют соловьи...
...Время скачет –
Никто не угонится...
Вдруг однажды придержит коня.
Будет голос:
«Пора познакомиться!
Я же ангел твой с первого дня!»*

Все опубликованные подборки стихов объединяет тема родных корней, глубинной связи с истоками живительных вод Орловского

края, вспоивших, по слову Николая Лескова, столько русских писателей, сколько не поставил их на службу Родине никакой другой край русской земли.

Как важно свой иметь заветный корень. /Что прорастал веками в глубь земли.../Как хорошо, что есть чему молиться, - пишет Валентина Корнева.

Ей вторит Андрей Фролов:

*На медвяных лугах стада
Мне мычат:
- Здравствуй, блудный сын!..
И волнуюсь я, как всегда,
Заприметив знакомый тын.
(«Возвращение домой»)*

Тот же круг образов возникает в стихах Виктора Садовского:

*Месяц ясный светит,
Тишь над огородами.
Лучше нет на свете
Сердцу милой родины*

Своеобразие и свежесть отличают строки поэта Михаила Турбина, посвященные родным местам:

*Вдали смешалась с тучей пыль.
Сейчас оттуда так бабахнет!
Ну что же, город Новосиль
И в дождик рыжиками пахнет.*

Однако наиболее развернутое и разнообразное выражение тема родины и России получает в подборке стихов Геннадия Попова:

*Дороги утреннего света,
Начало всех земных путей,
Зарей восходит над планетой
С востока родины моей.
(«Заутреня»)*

*Пусть тает сердечная наледь!
Да будет над Родиной свет,
Державная сила во взгляде
На взлете мятущихся лет.
(«Преддверие»)
Здравствуй, здравствуй...
Я уже в Сибири.
Что желать мне, русскому, еще...
(«Письма с дороги»)*

*Смотри: за окном снегири
на снеге сверкающем русском,
который под солнцем горит.
(«О снегирях»)*

И. наконец, чеканное и утверждающее:

*И – с нами Бог!
Довольно плакать.
В окно вагонное смотрю
И сквозь оснеженную слякоть
Встречаю русскую зарю.*

В своей знаменитой пушкинской речи Ф.М.Достоевский говорит о стремлении русского народа к всечеловечности. Отличительной чертой гения Пушкина была всемирная отзывчивость, перевоплощение своего духа в дух других народов.

С этой пушкинской традицией связаны стихи орловской поэтессы Ирины Семеновы. В ее стихотворении «Легенда об Алим-хане» воссоздается атмосфера Средней Азии, чья история тесно сплелась с историей России:

*О, сколько русских поколений
Клянет Отчества пути!
А где-то в Бухаре далекой
Есть глинобитная стена,
Почти китайская она
По древности... Под ней глубокий*

*Подземный ход, ведущий прочь,
По зыби жаркие пустыни
Весною запахом полыни
В его отверстие дышит ночь...*

*... Арык, прозрачная жара,
Бархан, плывущий из низины,
Мечеть, орнамента игра...
О чем так долго муэдзины
Кричат над площадью с утра?..*

*И лишь в часы ночной прохлады
Глазами ящериц и змей,
Таящих огненные яды,
В гнетущей древности камней
Мерцают спрятанные клады.*

Поражает энергия поэтической строки Ирины Семеновой, точность слова, изобилие красок. В ее стихах ярко и сильно выражается дорогая сердцу поэта мысль о неотделимости судеб России от Православия:

*Среди пустынь – мираж почти!
Храм православный, белостенный!
Клянут Отчества пути,
А между тем они священны!*

Именно в православных христианских истоках русского духа таится разгадка его всечеловеческого характера. Об этом – стихи, посвященные Голландии, картинам ее природы, ее художникам. Поэтесса ощущает духовное родство с миром, возникающим на полотнах великих голландцев:

*Пусть этот мир не похож на славянский
Царство небесное здесь,
Всечеловеческий он, христианский,
Детский, светящийся весь!*

Поэтические страницы альманаха «Орел литературный» за 2008 год оставляют впечатление единого текста, связность и целостность которого обеспечивается комплексом образов, тем и мотивов, возникающих вновь и вновь, звучащих с разной силой и в разной тональности, но в этой поэтической симфонии не теряются отдельные голоса. Здесь мы имеем пример подлинного разнообразия в единстве, что составляет существо соборности – основы мировидения и образа жизни русского народа. В этой глубинной связи с основами духа и бытия русского народа заключается секрет плодотворности и лирической силы орловской поэзии, составляющей сегодня одну из самых ярких страниц современной отечественной литературы.

По страницам альманаха «Орел литературный-2010»

Юбилейный выпуск альманаха «Орел литературный», приуроченный к 50-летию областной писательской организации, являет собой заметное событие в культурной жизни нашего края. При знакомстве с его страницами возникает впечатление, что перед нами – единый текст, целостность которого создается одной идеей и настроением. В наибольшей мере это касается страниц, посвященных поэзии. Здесь мы находим яркий пример единства в многообразии. Каждый из голосов поэтов явственно различим, звучит незабываемо и неповторимо. Но при этом с самого начала рождается и набирает силу ощущение глубинной гармонической взаимосвязи, симфонии голосов. Наиболее полно это проявляется в развитии темы Слова и Книги.

*Я знаю, эта книга превратится
В сосну, в ручей, в покатые холмы,
И в странницу, и в чистую страницу,
И в никому не ведомую птицу,
И в молнию, разящую из тьмы.*

В этих строках из стихотворения Владимира Переверзева «Каменная книга» возникает мотив творения мира при помощи слова: как сказано, так и стало. В свою очередь природа читается как книга родной страны, воплощающая в себе сокровенное знание о сущем: *«Дай прочесть холмы и письма, Где в каждом камне – продолженье рода, Где каждый знак – на языке народа, Где каждый знак родного небосвода Касается, где каждый стяг – страна».*

Образ жизни как книги, в которой соединяются внутреннее и внешнее, слово и быт подспудно возникает в стихах Вадима Еремина:

*Живу и внутренним и внешним,
Как говорится, на миру
Отогреваюсь солнцем здешним
Располагающим к добру.*

*Листаю прожитые годы,
Смакуя лучшие места
Так и не найденные броды
Свои срывают возраста.*

За непринужденной разговорной интонацией этих строк, внешне напоминающих случайные, попутные замечания, скрывается исключительная смысловая емкость и глубина. Поэт живет «на миру», и от этого стынет душа. «Отогреваюсь солнцем здешним» – здесь просвечивает знание иного, нездешнего, высшего мира, напоминающее лермонтовское: «И звуков небес заменить не могли Ей скучные песни земли». В словах : «не найденные броды» афористически выражена мысль об упущенном и неосуществленном в жизни, о не найденных путях к самому себе.

Эта высокая требовательность к себе, стремление преодолеть власть обыденности, увидеть за кажущимися простыми и очевидными словами тайну и вопрос, обращенный к каждому из нас, отличает и других орловских поэтов:

*Облака плывут, как души,
Кем опустятся с небес?
Хорошо стоять и слушать
Ветер, птиц и снова лес...
Можно лечь в траву и лежа
Думать, что ты есть и кто,
Никого здесь не тревожа,
Не вонзаясь ни во что.*

(В. Дронников «Граница»)

Местоимения в этих стихах Виктора Дронникова начинают жить самостоятельной жизнью, их скрытая образность выводится наружу, они становятся символами всеобщей связи мира творенья. Ветер, птицы, лес одухотворяются, становятся «кем». К человеку же обращен вопрос: «что ты есть и кто», тем самым он выступает одновременно и в роли неодушевленной вещи, объекта восприятия и в роли воспринимающего субъекта, охватывающего своим сознанием мир природы и находящегося вне ее – «никого здесь не тревожа, не вонзаясь ни во что».

В стихах другого орловского поэта, Владимира Ермакова, дар сознания и рефлектирующей мысли предстает как крест поэта, который должен избежать обманных легких путей, соблазна упоения громкими словами, бездумной суеты и «ловли ветра». Поэт ведет диалог с Экклезиастом, и его стихи, несмотря на то, что в них порою достаточно сильно звучат ноты отчаяния, пронизаны жаждой веры и света:

*Словам предположена мудрость,
в которой много печали.
Знаки – руины знаний,
а что они означали,
не постигнуть иначе,
чем через горький опыт;
пламя боли однажды
лед обиды растопит
в сентиментальные слезы,
в ностальгию по свету:
как же было прекрасно
то, чего уже нету!*

Преодоление инерции бессловесной пошлости и быта, озарение

рутины дел и отношений светом разумного чувства составляет пафос и смысл подборки стихов Андрея Фролова, помещенных в юбилейном выпуске альманаха:

*Помню, как падал бокал со стола:
Медленно, неотвратно...
Вечность с момента паденья прошла,
Много в себе уместила:
Сотню рождений и сотню смертей –
Вот вам стекляшка простая.
Падал бокал...*

*А тревожная тень
Билась о пол, вырастая.
И за секунду до взрыва стекла,
Не сомневаясь нисколько,
Ты уже следующий в руки взяла.
Дальше... осколки, осколки...*

Стихи альманаха пронизаны реминисценциями. Библия, античная мифология, русская классика... Вместе с тем литературная традиция здесь не превращается в лишенный связи с настоящим объект, в застывший музейный экспонат, в памятник. Она жива и плодоносна. Так, в подборке стихов Ирины Семенович мы находим такие изысканные и летящие строки:

*Цветущей ветви истина подобна!
Гирлянды строчек вянут, не цветут,
От книжных пут поэзия свободна,
Когда слова гармонию гнетут.
Кто не мечтал бы вырваться из плена,
Чтоб все узнать о слове бытия,
Но чья душа была, как Филомена,
Обращена богами в соловья?*

Эхо поэзии Фета звучит в стихах Ивана Александрова, при этом стихи и природа сливаются в одно: листья осеннего клена «читаются» как письма и мемуары великого поэта:

*Меня заморозило с детства
Багряным и резным листом
Эпистолярное наследство
Разбросанное под окном.*

*Я снова маюсь до рассвета,
Чужие мысли вороша.
Листает мемуары Фета
Моя бессонная душа...*

Образы русской классики оживают и в стихах Геннадия Попова, органично переплетаясь с образами, навеянными картинами орловских художников:

*Прозрачный город вдоволь напоен
Цветущею весеннею прохладой...
«Блажен, кто верует...»
И счастлив, кто влюблен!*

*Что нет высот превыше красоты...
И вдруг как будто вырвался из плена:
Здесь властвуют над временем холсты,
Спасенный мир покоится на стенах*

С большой силой и проникновенностью звучат в альманахе гимнографические мотивы, навеянные православной молитвенной традицией:

*Мать Мария, Великая Мати,
Да святится дыханье твое!
Ниспошли мне на теплом закате
Материнское слово свое.*

(Виктор Дронников)

*Провинциальный город, мир с тобой,
И Бог с тобой, и тишина с тобой!
Здесь белый купол церкви голубой
Слепит, следит за каждою судьбой.*

(Николай Перовский)

*Ураган вторые сутки бродит,
Первой вьюгой наметая снег,*

*Со слезами грешное уходит
Не судим скорбящий человек
(Ирина Семенова)*

Неожиданную и экспрессивную интерпретацию получают традиционные религиозные образы в поэзии Анастасии Бойцовой, исполненной страсти и энергии слова-жеста:

*Ты предстал однажды ночью
Не в раю, не на Синае –
...Здесь, где церковка над речкой
Носит в каменном сиротстве
Имя – явно не по росту –
Но ведь это, не другое!
Выкованное, как в горне,
Выплавленное, как в тигле:
Воина-архистратига*

Одной из центральных, ключевых лирических тем юбилейного альманаха является тема родины. Она объединяет всех поэтов, получая многообразное и проникновенное воплощение. Приведем несколько наиболее выразительных примеров:

*Восходит день дымами в поднебесье
В моей деревне,
Милой стороне.
Над нею журавли
Прощальной песней
Медлительно проходят в синеве.*

(Александр Логвинов)

*...За все, за всех – на мне вина.
Душа болит. А как иначе
Любить тебя, моя страна?!*

(Валентина Корнева)

*Четыре виноградных чубука
и четверых детишек мать растила,
по капельке себя в нас растворяя.*

Одни –

врастали в земдю на века,

*другие –
 разрастали, вырастая...
Судьба лозы – судьба твоя, Россия
 (Виктор Садовский)*

Темы большой и малой родины сливаются в одном из самых замечательных стиховорений альманаха, посвященном городу Орлу. Автор его - поэтесса из Южно-Сахалинска, орловская уроженка Елена Машукова. Ее стихи – это настоящий гимн нашему городу.

*Далеко по-над русской равниной
Виден крыльев орлиный размах –
Это город мой тополиный
Отражается в куполах.
Дом Тургенева. Дом Лескова.
Здесь по линии береговой
Слышно эхо нетленного слова,
Виден памяти крест вековой...*

В этих строках сливаются и чувство отчизны, и память о детстве, и любовь к русскому слову, ревнителями и хранителями которого являются поэты – авторы альманаха «Орел литературный».

Заметки филолога (альманах «Орел литературный-2011»)

Последний выпуск альманаха «Орел литературный» посвящен 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года. Этим во многом определяется его состав и композиция. Открывает сборник очерк Алексея Кондратенко «Отечественная война 1812 года и Орловский край». Данный материал далеко выходит за рамки обычной краеведческой публикации, ограничивающейся перечислением известных имен, связанных с Орловщиной и приведением соответствующих биографических деталей. Автор очерка на примере Орла и Орловской губернии помогает нам воочию представить размер народного горя, беды, обрушившейся на нашу родину двести лет тому назад. Невозможно читать спокойно строки из рассказов участников событий, в которых передается вся мера отчаяния, овладевшего людьми при известии о нашествии Наполеона: «Торговля прекратилась. Всякий помышлял о спасении своем. Богатые затрепетали от страха и бедных привели в отчаяние... Бедные, которые имели семейство и малолетних детей, то каждодневно ужас наводили на жителей. Плакали, как по умершим, ибо денег нет, идти из города нечем...». Как это знакомо, и как это напоминает горестные страницы нашей истории XX века... Алексей Кондратенко приводит и другие факты, которые свидетельствуют о способности наших предков к преодолению страха и уныния, к самоотверженности и подвигу. Перед нами предстают также примеры великодушия и милосердия наших земляков: пленные раненные французы, прибывшие в Орел «в самом жалком состоянии» по-

лучали от жителей необходимую помощь и уход. Слова Василия Жуковского, заключающие очерк, звучат необыкновенно актуально для нас, наследников великих побед: «Всего важнее для народа уважение к самому себе, теперь мы приобрели его».

Тема Отечественной войны 1812 года получает свое развитие в стихах Владимира Молчанова:

*Мы выше чьей-то злобы,
И нам рабами быть не суждено.
Французы взяли
Некогда Европу
А обожглись-то
О Бородино.*

Ирина Семенова с присущим ей даром визионерства воссоздает картину приснопамятной Березины:

*Еще мы помним переправу,
Где убегал Наполеон.
Багры, приклады вместо весел
Он созерцал из-под руки,
Когда, сбегая, в бездну сбросил
Им обойденные полки.*

Внутренняя переключка с произведениями о войне 1812 года присутствует в рассказе Юрия Пахомова «Теперь я старше тебя отец», посвященном последствиям другой, столь памятной всем нам Отечественной войны. Юрий Пахомов с большой художественной силой передает состояние утраты и сиротства, не покидающее детей убитых солдат всю их жизнь: «Я старше тебя, отец, наверное, оттого я так легко представляю тебя молодым».

Мотив памяти об ушедших присутствует в ряде материалов

альманаха. Но, пожалуй, наиболее пронзительно он звучит в итоговых словах очерка Геннадия Попова «Неувядаемая герань воспоминаний»: «С июля 2003 года русский писатель Лободин Игорь Федорович числится в страшном, диком, невероятно огромном для мирного времени перечне исчезнувших бесследно граждан России на ее современном историческом этапе. Не берусь судить, но скажу, что справедливо было бы обозначить его как список «без вести пропавших в исторической битве русского народа за свое выживание на переломе двух тысячелетий».

Традиционно значительное место на страницах альманаха занимает тема Родины. Именно эта тема является доминирующей и объединяющей в подборках стихов поэтов из разных краев нашей страны.

Для орловского писателя Леонарда Золотарева сливаются воедино образы Родины и русской речи. При этом возникает внутренний диалог с «Мужеством» Ахматовой:

*Ты хранись в нас, о русская речь!
Острый меч и испытанный щит
Нам бы землю родную сберечь
Русь святая себя сохранит.*

Болью за современное состояние России и проникнуты строки талантливого орловского поэта Михаила Турбина:

*Душа моя – Россия братства
И Вера – не всесильна Смерть.
Пора бы это окаянство
Во имя жизни одолеть*

В стихах петербуржца Андрея Реброва читаем:

Вживляя в строфы прожитые годы,

*Он ощущает смертное родство
С грядущей высью русского народа,
В чьих душах длится вечности его.*

Брянский поэт Владимир Сорочкин, как и его петербургский собрат по перу, связывает «грядущую высь русского народа» не с имперскими амбициями и военным могуществом, но с таящейся в глубине души народа духовной силой, с наследием Святой Руси:

*Россия... На лихих годинах
Не возродился Третий Рим
Не кесарь скрыт в твоих глубинах,
А Новый Иерусалим.*

Эта же мысль пронизывает отрывки из поэмы Ирины Семеновой, посвященной святой Матроне, достигая высшей точки экспрессии в конце стихов, где приводятся пророческие слова святого Иоанна Кронштадского о девочке Матроне:

*- Все расступитесь!
В помощь вам грядет
Отроковица – столп осьмой России!*

Круг произведений, представленных на страницах альманаха «Орел литературный-2011», безусловно, не ограничивается произведениями патриотического плана. Писатели-орловцы отдают щедрую дань вечным темам любви, творчества, жизни и смерти.

Проникновенностью и обнаженной искренностью отличается цикл стихов Геннадия Попова «Наталья»:

*Вершит судьба печальный листопад
В безмолвии ночи исповедальни...*

Стихи эти сродни заклинанию. Заклинанию уходящего времени, остывающей любви, безмерных и печальных расстояний. Возникает причудливая вязь ассоциаций, навеянных жаром страсти и подспудною жаждой покоя:

*Ты говоришь туман...
Я ничего не вижу.
Лишь голос сквозь него проносят провода.
Не расстоянье, нет – оно намного ближе:
Но толща лет – текучая вода.
И ожиданья жар...*

Изысканное воплощение темы любви, жизни и смерти получают в «опыте свободной прозы» Анатолия Загороднего: «Метаморфоз или время вылета бабочек». Писатель вводит еще один дополнительный подзаголовок «Поэма об одиночестве и страсти». Данный подзаголовок очень точно передает художественную природу этого произведения. Проза Загороднего сочетает черты патетической декламации и нежной лирики, звучит как музыка. Зыбкие и трудноуловимые ночные голоса подсознания пробиваются наружу, давая жизнь хрупким, завораживающе-прекрасным созданьям, невозвратно исчезающим при свете дня:

«Кажется я видел сквозь сон...

Куколка, превращаясь в бабочку, вспыхнула палевым божьим пламенем, шелком и пылью, обдала меня прелестным и тайным, грешным светом драгоценных глазков, безумным, влюбленным в цветы четырехглазным отливом и, выпорхнув из оков, присела ко мне на ресницы и замигала фиалково-алою пылью и нимфеточным блеском крыл. И помню, я умер во сне от неизъяснимой прелести ее неземных глаз-

ков. И оттого, что умер, проснулся...»

На страницах сборника мы находим и другие прекрасные образцы русской словесности. К ним можно отнести эссе Владимира Ермакова «Что еще сорвется с этих губ (поэтический бред Анастасии Бойцовой)». Далеко выходя за традиционные рамки рецензии, писатель не просто дает оценку творчества поэтессы, он создает ее образ в исполненной изящества и гармонии прозе: «Словно некий неведомый словесный зверь, пойманный и прирученный ею, проходит по неведомым дорожкам речи – следуя тайным интуициям и темным интенциям языка. И в то же время ее стиль изощрен опытом книжности. В ней ленивое лукавство ученой кошки, идущей то налево, то направо, заводящей страстные песни и рассказывающей страшные сказки».

Очередной альманах, выпущенный писательской организацией, включает самые разнообразные в тематическом, жанровом и стилистическом отношении произведения, сочетает черты традиции и новаторства, являя собою образец «цветущей сложности» и свидетельствуя о значительных творческих возможностях орловского литературного сообщества.

О творчестве орловского писателя А.И. Кондратенко

«Подлинное краеведение – это всегда краелюбие. Любой российский край должен иметь своих художников-летописцев», - эти слова Алексея Ивановича Кондратенко из его статьи об исторической прозе Черноземья («Роман-журнал XXI век», 2007, №3) в полной мере могут быть отнесены к нему самому. На протяжении последних двух десятилетий перед читателями-орловцами разворачивается процесс становления Алексея Кондратенко как исторического писателя. Отличительной стороной его художественного метода является чрезвычайно бережное отношение к правде факта, сведение до минимума роли вымысла и отрытых авторских субъективных оценок. Центральное место в его прозе занимает документ как реальное свидетельство прошлого, как подлинный голос ушедших эпох. Не навязывая своей позиции, Кондратенко вместе с тем побуждает читателя к сотворчеству, к самостоятельным сопоставлениям, обобщениям и выводам, возникающим под впечатлением представленного писателем материала. Меньше всего ему присущ синдром лягушки-путешественницы: «Это я, я, придумала». Приглушенность субъективного оценочного начала, стремление к максимально достоверному воссозданию реалий и деяний прошедшего сближает его с авторами древнерусских хроник. Так же, как и для древнерусского писателя, для Кондратенко главным является не выдумка, не личная творческая ангажированность, но объективное отражение действительности, события и факты которой, рассматриваемые сквозь историческую призму, приобретают символическое, исполненное глубинного смысла значение.

Все эти особенности писательского дискурса А.И. Кондратенко начинают оформляться уже в книге очерков «Земное поле» (Орел: НПО «Экология села», 1994). Поиск своей темы и собственных художественных подходов к ней особенно ярко проявляется в очерках «Ступени забытой лестницы», «Золотой век конопли», «Провинциальные парадоксы», «Орловский Ломоносов и его братья», «На графских развалинах». Вместе с тем первую книгу писателя отличает по сравнению с более его поздними текстами повышенный накал публицистичности. Весьма характерен в данном отношении очерк «Земля просит пощады», в котором находим такие броские оценочные пассажи: «Социалистическое государство могло делать все что угодно, ибо оно в самом начале избавилось от самого главного свидетеля обвинения – была ликвидирована цена на землю»; «Пришли демократы и говорят...»(подзаголовок в тексте очерка), «Демократы до того долго носились с идеей передачи земли в частную собственность, что, похоже, забыли о других, не менее серьезных проблемах», «Но все заутюжено зерновыми, кукурузой, свеклой, хозяйство ведется полу примитивными, экстенсивными методами за счет сжигания плодородия на все больших и больших просторах». Приведенным примерам не откажешь в выразительности и большом воздействующем заряде, но здесь, прежде всего, проявляется влияние злобы дня, кипение политических страстей начала девяностых годов.

Очерк «Золотой век конопли» стал опорой для создания книги с одноименным названием (Орел: Типография «Труд», 1998). Эта книга имеет рубежное значение в творчестве А.И. Кондратенко. Именно здесь вырабатывается взвешенная, исполненная достоинства манера

изложения, умение «отойти в тень», выдвинув на первый план факты и документы, уступив право делать оценки и выводы читателю. Цитаты из деловых бумаг, свидетельств современников, научных трудов, художественных произведений создают впечатление многоголосья, стереоскопичности и, по большому счету, эпичности повествования, которое могло бы иметь название «Сага о конопле». Дыхание истории слышится в униженном обращении богатого купца к местному чиновнику (земскому бурмистру, в функции которого при Петре Первом входил сбор всякого рода государственных доходов с торгово-промышленного населения): «В марте месяце будучи я, холоп твой, за Свииским рубежом в Ругодеве, продал я, холоп твой, торговому иноземцу Андрею Бланту чистой пеньки на ругодеевский брак и вес пятьдесят берковец, а ценою взял я за берковец по одиннадцать ефимков, и за ту, государь, пеньку деньги взял наперед все сполна и письмо в отдаче своей руки ему, Бланту дал, чтобы отдать пеньку к вешним кораблям. И ту, государь пеньку работник мой Сенка ему, Андрею Бланту, отдал. И ту, государь, пеньку приняв, он, Андрей Блант, той росписки моей руки не отдал, не знаемо для чего. А мой работник Сенка челобитье в Ругодеве без моего ведома записать не посмел, и я, холоп твой, ныне и впредь от него, Андрея Бланта, опасюсь и опасен». Этот документ служит не только свидетельством о важной роли пеньковой торговли во времена Петра I. В обороте «холоп твой» и обращении «государь», в сквозящем между строк страхе наказания отражается отношение торгового люда к власти, олицетворением которой подразумевается бурмистр. Более трехсот лет прошло с тех пор, как были написаны эти строки. Многое изменилось в

России. Но изменились ли мы сами? Не сидит ли в глубине души это уничижительное «холоп твой», всплывающее всякий раз, когда мы обращаемся к власти? Все эти вопросы возникают у нас не без косвенного влияния позиции автора, присутствующей в подтексте книги «Золотой век конопли».

Алексей Кондратенко помогает погрузиться нам в атмосферу традиционного народного быта и культуры, одним из осевых элементов которых было производство и продажа продуктов из конопли, прежде всего пеньки и конопляного масла. Большую культурологическую ценность имеет составленный автором «Краткий словарь конопли» и помещенная в приложении подборка фольклорных произведений, воспевающих коноплю. Несмотря ни на что автор не теряет оптимизма и надеется на возрождение «золотого века»: «Конопля всегда была спутницей русского крестьянина, начиная с пеленок, - кормила, одевала его, давала заморскую деньгу, а ее могучие полотна служили на всех континентах парусами надежды. И поэтому не будем торопиться ставить точку в ее истории...»

Значительное место в творчестве А.И. Кондратенко с конца 90-х годов начинают занимать литературные очерки, посвященные жизни деятельности выдающихся орловцев. Приведем краткий и далеко не полный перечень названий этих очерков: «Фортуна графа Ростопчина», «Женщина по имени Надежда (о редакторе «Орловского вестника» Н.А. Семеновой)», «В начале всех начал (первые орловские журналисты братья Тарачковы)», «Академик Григорий Теплов», «Предприниматели Мальцовы: попытка создать русскую Америку», «Государственный труженик (об орловском губернаторе

А.В.Кочубея)», «Учитель словесности И.М. Белоруссов» и др. Один из перечисленных очерков становится зерном для создания литературной биографии графа Фёдора Васильевича Ростопчина¹. Вокруг имени этого выдающегося государственного деятеля, военного губернатора Москвы, родоначальника консервативного направления в русской политической мысли в течение двух веков в отечественной словесности сложился своеобразный «заговор молчания» (если не считать карикатуры Л. Толстого в «Войне и мире», да отдельных язвительных реплик литературоведов-западников). Книга «Жизнь Ростопчина» представляет собой первую достойную попытку преодоления этой прискорбной инерции. Повествование Кондратенко насыщено документальным материалом, приемы беллетризации здесь сведены до минимума. Несмотря на это книга читается как увлекательный роман. Роман о неразделенной любви к российскому государству. Строки самого Ростопчина, высказывания современников о нем вкуче с отдельными авторскими комментариями помогают созданию представления о подлинном масштабе и значении сей незаурядной фигуры исторической сцены конца XVIII-начала XIX века. «Я нашла лишь трех человек, которые делают честь людям: Фридриха Великого, Дидро и Ростопчина», - свидетельствует княгиня Екатерина Дашкова. А ведь в числе ее знакомых были едва ли не все наиболее выдающиеся люди того времени... Прусский дипломат и литератор Карл Варнгаген фон Эльзе, который познакомился с Ростопчиным в пору заката его государственной карьеры и своеобразной «добровольной ссылки» в Европу, продолжавшейся 8 лет, писал о графе:

¹ Жизнь Ростопчина - Орел: «Вешние воды», 2002.

«...я находил в нем некоторое сходство с Вильгельмом Гумбольдтом: та же видимая холодность, под которой плохо скрывалась теплота чувства, тот же поток своеобразных колких эпиграмм, которые устраняют скуку, присущую вульгарным разговорам». С большим уважением относился к Ростопчину Н.М. Карамзин. Высказывания самого графа Федора Васильевича, приводимые в книге, подтверждают высокое мнение современников о его уме. Приведем одно из них: «Россия – это бык, которого поедают и из которого для прочих стран делают бульонные кубики». Возникает вопрос, не потому ли имя и труды Ростопчина до сих пор находятся под негласным полузапретом, что граф ясно осознавал и всеми средствами пытался довести до русского сознания то, что скрывается в течение веков - остающуюся неизменной с Перовских времен генеральную линию политики Запада по отношению к России. Воссоздавая впечатляющую картину деяний Фёдора Васильевича Ростопчина на государственном поприще, являя его человеком изощренного и глубокого ума, раскрывая многообразные таланты графа – от хозяйственно-экономических до словесно-художественных, Алексей Кондратенко вместе с тем далек от панегирика. Он следует исторической правде, не умалчивая ни о роли Ростопчина в дворцовых интригах Павловской эпохи, ни о его болезненной склонности к комедиантству, ни о самосуде над злосчастным Верещагиным, организованном московским военным генерал-губернатором перед входом Наполеона в пределы столицы. Перед нами предстает образ человека, обуреваемого страстями, которые выступают источником его взлетов и падений. Характер героя книги «Жизнь Ростопчина» – типично русский характер. Вспомним слова

мужика из «Окаянных дней» И.А. Бунина: «Мы – как дерево: из нас и икона, и дубина».

Необходимо заметить, что Орловщина никогда не была «колыбелью революции». Ведущей чертой мировидения и поведения орловцев является, приверженность традициям. Не случайно, что именно уроженцы Орловской земли внесли весьма значительный вклад в зарождение и развитие идей русского консерватизма. Если с именем графа Ростопчина связаны первые попытки формулировки и обоснования сути государственных интересов России, ее самостояния на арене европейских народов, то в работах другого выдающегося орловца, Николая Яковлевича Данилевского, концепция русского консерватизма, основанная на приоритете национальных культурных начал, получает наиболее полное обоснование. Учебное пособие Алексея Кондратенко «Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа», вышедшее в серии «Библиотека историко-культурного наследия Орловского края» в 2005 году, выступает естественным продолжением «Жизни Ростопчина». Шаг за шагом прослеживает Кондратенко путь духовного, нравственного и интеллектуального становления замечательного русского мыслителя. При этом мотивы предыдущих книг писателя естественно вплетаются в канву текста, помогая созданию целостного представления о культурной «почве», корнях мировоззрения Данилевского. Так, на первых страницах книги появляется образ конопли, становящейся символом патриархального устойчивого русского быта. Герой повествования Кондратенко, несмотря на, страстные увлечения молодости (он выступал в кружке Петрашевского пламенным пропагандистом социалистического уче-

ния Фурье), несмотря все перипетии судьбы, не порывает связь с родными истоками, становится в зрелом возрасте ведущим идеологом славянофилов, создателем теории культурно-исторических типов.

В доступной форме Александр Иванович Кондратенко излагает суть и смысл историософской концепции великого русского мыслителя, вооружая современного молодого читателя понятийным и образным аппаратом, с помощью которого он сможет определять приоритеты своего нравственного и интеллектуального развития, не давая сбить себя на путь бесплодной, разрушительной для личности и общества деятельности. Весьма актуально звучат сегодня слова Данилевского о том, что Европа не знает России, потому что «не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет». Точно и резко расставляя акценты, А.Кондратенко в свете событий истории России XX века подчеркивает актуальность предостережений Данилевского о недопустимости жертвовать народными интересами во имя абстрактных целей ложно понимаемого «прогресса». При этом писатель указывает на то, что идеи создателя теории культурно-исторических типов могут оказать воздействие на создание в современной России «нового механизма общественно-государственного взаимодействия», а также «новой культуры геоэкономического наступления».

Основная часть жизни и деятельности Николая Яковлевича Данилевского прошла в русской провинции. Алексей Кондратенко приводит весьма примечательную цитату из книги «Родной край» (Орел, 1899), где в емкой форме передается суть и смысл подвижничества провинциальных интеллигентов на поприще отечественной культуры и науки:

«При скромной обстановке жизни, при полной невзыскательности в желаниях и стремлениях, у них сохраняется неослабеваемая любознательность ко всему, что может и должно интересовать образованного человека. ...Сколько нового внесено этими тружениками в область научную, сколько новых и важных документов напечатано, сколько возбуждено стремлений по охране родной старины, сколько вызвано внимания к вопросам историческим, экономическим и т.д. Бескорыстные их работы заключают в себе то чарующее, что не только самих работников поднимают из области мелких материальных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с ними поднимается и общество, среди которого они работают и действуют, внимающие им, смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя. Вместе с ними поднимаются и движутся вперед...»

Эти слова могут быть отнесены не только к Н.Я. Данилевскому, но также к целому ряду героев очерков, статей и книг А. Кондратенко последних лет. Центральное место среди этих изданий, безусловно, занимает вышедшая в 2008 году книга «Два века как один день: страницы истории орловской журналистики»). Именно здесь писатель предстает в роли летописца Орловского края, разворачивая перед нами серию картин жизни прошлого, приводя многообразные документальные свидетельства, фрагменты, книг, статей, выступлений, описывая жизнь и деятельность провинциальных журналистов, проводя различные параллели и сопоставления, давая взвешенные и точные оценки рассматриваемым фактам. Алексею Кондратенко удалось в данном случае решить сложнейшую задачу - свести до минимума центробежные тенденции, которые всегда возникают при попытках

объединить разнородный по происхождению, назначению, идейной значимости материал в одно целое. Что же здесь является стержнем, центростремительным началом, осевой линией? Что помогает объединить и скрепить столь объемный (44,2 п.л) и столь многоплановый текст? Это идея нравственного долга современников перед ушедшими, идея преодоления забвения.

В книге «Два века как один день» десять глав. Первые три посвящены дореволюционной журналистике Орловского края. В свойственной ему объективной манере автор уклоняется от «лобовых» оценок, предельно насыщая текст фактами, цитатами, высказываниями деятелей пера. Вместе с тем позиция писателя проявляется уже в этом самом отборе и расположении материала, подводящего читателя к самостоятельным и порою неутешительным выводам. При чтении этих глав время от времени возникает чувство плаванья над затонувшей Атлантидой...

Несмотря на сравнительную малочисленность дореволюционных журналистов, их деятельность оставила глубокий культурный след в истории Орловщины. А.И. Кондратенко показывает, насколько высока была просветительская роль провинциальной журналистики во второй половине XIX – начале XX века. Так он, например, замечает: «...Орловские губернские ведомости» стали первой настоящей школой местного краеведения, они объединили на своих страницах усилия по изучению родного края живших в губернии этнографов, ученых-естествоиспытателей, чиновников-энтузиастов, преподавателей учебных заведений». Примечательно, что самое активное, участие в научной, культурной, общественной жизни губернии при-

нимала церковная пресса. Так, журнал «Орловские епархиальные ведомости» (до 1918 года вышло около двух тысяч номеров), наряду с освещением событий жизни епархии, публикацией материалов нравственно-религиозного характера значительное внимание уделяет научному краеведению. Именно с этим журналом была в первую очередь связана деятельность основоположника орловского краеведения – Гавриила Михайловича Пясецкого, который опубликовал здесь в общей сложности более 50 исторических работ. А. Кондратенко указывает, что на страницах журнала «Орловские епархиальные ведомости» в начале XX века широко обсуждались темы просвещения, нравственных основ крестьянской жизни, улучшения социального положения населения. Блестящие страницы истории орловской журналистики связаны с газетой «Орловский вестник», первые годы издания которой были ознаменованы сотрудничеством с И.С. Тургеневым и Н.С. Лесковым. В книге Алексея Кондратенко раскрывается та выдающаяся роль, которую сыграл «Орловский вестник» в творческой судьбе И.А. Бунина: газета открыла широкие возможности для литературной деятельности «семнадцатилетнего мальчика» (выражение самого Ивана Алексеевича), недоучившегося гимназиста, стала его своеобразным «университетом». С 1889 года он активно сотрудничает с газетой, публикуя на ее страницах стихи, корреспонденции, передовые статьи, литературно-критические статьи, заметки, очерки, театральные рецензии. А. Кондратенко глубоко анализирует тематику, содержание, состав авторов и сотрудников «Орловского вестника». Писатель воскрешает из тьмы забвения имена журналистов А.Т.Щегловитова, Ф.Э.Ромера, П.И.Якоби, А.А.Брянчанинова, П.А.

Россиева, С.Д. Аблецова, В.К Родзевича-Белевича и др. Однако наиболее близким по духу, родственным по методу описания и исследования жизни автору книги «Два века как один день» выступает орловский публицист и историк М.К. Лемке. С явным сочувствием приводится высказывание журналиста: «Моя обязанность быть вполне беспристрастным летописцем и настойчиво собирать материал, который дают почти 120 газет, предоставленных мне... Хотя это и большой труд – дать всю жизнь провинции за месяц, но, признаться, очень я его люблю.» Подобно своему предшественнику, А.И. Кондратенко не останавливается ни перед объемом материала, ни перед его крайней разнородностью, стремится к объективному, беспристрастному изображению жизни прессы провинциальной России на протяжении двух веков, и это стремление, этот напряженный и систематический труд приносит замечательные плоды.

Писатель создает впечатляющую панораму орловской прессы начала XX века, «на несколько порядков» увеличившую свое разнообразие. При этом рост количества печатных изданий, улучшение их технической оснащенности сопровождается неуклонным процессом культурного упрощения: цветущая сложность и личностное многообразие голосов шаг за шагом отступает перед напором поляризованных кипящих политических страстей. Появление и умножение леворадикальной печати, призывавшей к свержению власти и в конце концов его добившейся, происходит не на пустом месте. А. Кондратенко показывает, что сей идеологической экспансии предшествовала не столь громкая и заметная, но от этого не менее разрушительная работа, которую проводили в Орле ссыльные революционеры, состо-

явшие под надзором полиции. Весьма красноречивым является упоминание об организации и проведении гражданской демонстрации в форме... панихиды по умершему писателю М.Е. Салтыкову-Щедрину. Сам по себе этот факт говорит о глубоком помрачении и извращении сознания, когда святое дело поминовения, объединения людей в плаче по усопшему превращается в средство сеяния семян раздора и человеконенавистничества.

В четвертой главе книги, где излагается история пореволюционной журналистики Орловщины, мы находим упоминание еще об одной демонстрации, связанной с Церковью. Но насколько различны цели, смысл и дух этих двух демонстраций! Речь в данном случае идет о 18-тысячном крестном ходе, совершенном орловцами 2(15) февраля в день двенадцатого праздника Сретенья. Подобные крестные ходы в этот день были совершены по всей России по призыву Всероссийского Поместного Церковного собора, заседавшего в это время в Москве. Данная акция была направлена против принятия декрета об отделении церкви от государства, первоначально предусматривавшего полную национализацию всех церковных имуществ, в том числе храмов и священных предметов. Люди готовились к этим крестным ходам причастием, считаясь с возможностью смертью, шли с пением «Святой Боже...» и «Кресту твоему поклоняемся...». Действительно, во многих городах России в этот день были пролиты потоки крови. Так, например, крестный ход в соседней Туле был полностью подавлен, расстрелян из пулеметов. Однако в Орле власть, испуганная размахом демонстрации, не решилась принять масштабных карательных мер: во время крестного хода погиб только один подрос-

ток, задавленный броневиком, проехавшим сквозь толпу. Как пишет князь Евгений Трубецкой в статье «Звериное царство и грядущее возрождение России» (Ростов на Дону, 1919), «эти массы, которые шли десятками и сотнями тысяч с решимостью постоять за святыню, вселили тревогу в ряды большевиков и заставили считаться с собой». Власть в тот раз отступила, храмы и священные предметы остались до времени за Церковью.

Страницы, посвященные пореволюционной печати (1917-1920) – одни из самых интересных в книге А.Кондратенко. Клокочущие яростью и ненавистью тексты революционной журналистики, их крайняя, «зашкаливающая» патетика резко контрастирует как с текстами дореволюционных публицистов-культрегеров, так и с подчеркнуто объективным, спокойным авторским повествованием. Данный контраст является источником особого воздействующего эффекта, производит очень сильное впечатление. Так, газета «Красный Орел», вышедшая в свет, вскоре после оставления города Деникиным обращается к жителям губернского центра с воззванием, в котором есть такие строки: ...все воочию могли убедиться, что с собой несет Деникин и вся белогвардейская сволочь... Геройская Красная армия спасла вас, избавила от ига помещиков, фабрикантов, купцов спекулянтов и всякой мрази... За дни господства помещиков и капиталистов вы увидели друзей их, выползших из своих нор и обнаруживших свою подлую физиономию. Всех их нужно выловить.» В другом своем номере газета возглашает: «За капли пролитой крови рабочих буржуазия будет утоплена в крови. Кровь за кровь!» Комментируя литературные опыты, появлявшиеся в то время на страницах орловских га-

зет, А. Кондратенко бесстрастно констатирует: «Смерть, как ни удивительно, была «вдохновителем» строителей новой жизни». Заметим, что отсюда один шаг до «Котлована» А.Платонова, где вдохновенные строители «общепролетарского дома» (=коммунизма) роют на самом деле могилу себе и другим.

Большим драматизмом отличается пятая глава книги Кондратенко, охватывающая историю орловской печати 20-х годов прошлого столетия. Здесь показывается, как меняется сама функция печати, превращающейся из средства социального воздействия и культурного строительства в средство директивного управления массами и репрессивного контроля над ними. О каком «гнете цезуры» в царское время мы можем говорить по сравнению с тем, что начинают испытывать журналисты советского государства, ни одной своей строки не выпускавшие в свет без грифа Главлита – созданного в начале 20-х годов специализированного государственного органа, в функции которого входило в том числе выявление и запрещение любых изданий, «возбуждающих общественное мнение». А. Кондратенко приводит пункт протокола одного из совещаний в Орловском губкоме, который гласит: «Гублит и ГПУ в отношении борьбы с распространением антисоветской литературы дополняют друг друга». Жесткая система запретов приводила к единообразию прессы, к исчезновению даже какого-то намека на оригинальность личностной позиции журналиста. Вместе с тем, несмотря на осуществлявшееся при помощи прессы невероятное давление на сознание провинциальных жителей, несмотря на увлечение экзальтированными формами массовой пропаганды (публичные «октябрины», кощунственные «похороны бога», ежене-

дельное празднование дня смерти Ленина в понедельник с объявлением его выходным днем вместо воскресенья и пр.), по замечанию Алексея Кондратенко, « основная масса инертного населения провинции была абсолютно глуха к чуждым и радикальным явлениям». В подтверждение тезиса приводится фрагмент «Письма граждан Орловской губернии, кустарей, рабочих и крестьян Сталину И.В», датированного 29 апреля 1926 года: «Меньше надо водить ребят с барабанами, а учить их больше труду, порядку, бережливости, вежливости, человечности и наукам. Просим прекратить глумление над религией и поругание верующих (нас ведь 90%) и антирелигиозные выпады со стороны комсомольцев, пионеров... Просим агитации примером, жизнью, делом строительства, а не словами, красными флагами и плакатами».

Драма 20-х годов сменяется трагедией 30-х. Об этом – шестая глава книги Кондратенко, представляющую собой летопись орловской печати. Наряду с ужесточением идеологического диктата, разворачиваются массовые репрессии против журналистов. Язык ненависти, атмосфера шельмования разливаются на страницах газет тех лет. Красноречивы заголовки газет 30-х годов: «О контрреволюционной зиновьевской группе и ее подонках (к годовщине злодейского убийства товарища С.М.Кирова)», «Троцкист Милевский исключен из партии», «Покровитель троцкистов Лакеев наказан», «Враги народа в горторге», «В газетной школе орудует шайка фашистов», «Фашист Светозаров» (о преподавателе русского языка и литературы, который был вскоре репрессирован вместе с женой, «На заводе Медведева орудуют враги». Репрессии против журналистов носили систематиче-

ский, организованный характер, осуществлялись в соответствии с партийной установкой. «Очистить редакции газет нашей области от враждебных элементов» - это фраза из отчета о работе печати Оргбюро ЦК ВКП(б) по Орловской области (апрель 1938 года). В книге А. Кондратенко приводится полный список репрессированных орловских журналистов, впервые отдается дань памяти невинно пострадавшим. При этом показывается, что результатом репрессий становится крайнее падение уровня орловской прессы: место истребленных профессионалов занимают случайные, порою малообразованные люди.

Период Отечественной войны в книге «Два века как один день» предстает как время расцвета орловской печати, становящейся не только и не столько формой партийной пропаганды, но формой выражения воли русского народа к сохранению своей независимости, своего самостояния. Примечательна та роль, которую начинает играть поэзия в печати. Поэтическое слово, лишённое плакатной публицистичности, воздействовало на сердце, душу людей, помогало восстановлению забытого на какое-то время образа матери-России, ощущению родства со всеми предками, от века бывшими и воинами, на поле брани живот свой положившими. Хорошо иллюстрируют это приводимые автором летописи орловской печати стихи Сергея Наровчатова, который служил в редакции газеты «Сын Родины», издававшейся при политуправлении 13-й армии, освободившей город Ливны в декабре 1941 года:

«Я села, словно летопись,

читал

И в каждой бабе
 видел Ярославну
Во всех ручьях
Непрядву узнавал.
Крови своей, своим
 святыням верный
Слова старинные
 я повторял, скорбя:
- Россия, мати!
Свете мой безмерный.
Которой мезтью мстить
 мне за тебя!»

В книге Кондратенко предстает самая разнообразная палитра изданий, выходивших на территории Орловщины в военные годы. Наряду с фронтовыми, армейскими, дивизионными, газетами, издавались партизанские газеты, отдельные номера которых могли быть напечатаны вместо традиционной бумаги ... на бересте. Весьма любопытной представляется история местной оккупационной печати, которая до сих пор не получала достойного отражения в отечественной литературе. По наблюдениям А. Кондратенко, язык, заголовки, структура газет, издававшихся при германском оккупационном режиме, очень напоминали советские издания. Так статьи, публиковавшиеся на страницах «Голоса народа», печатного органа Локотского округа, образованного оккупантами на части Орловской области, носили следующие заголовки: «Хозяйственный план», «Передовые ста-

росты», «К новой жизни». Писатель отмечает: «Точно так же, как советские газеты писали о Сталине, германские изобиловали дифирамбами в адрес «освободителя» Адольфа Гитлера». Так же в качестве сильного воздействующего средства используется поэзия. В стихотворении «Историческая параллель», опубликованном в оккупационной орловской газете «Речь» приводится «монолог» Сталина, который сравнивает себя с Петром Великим:

Мы с ним сторонники
реформ:

Он резал головы, я – шеи!

.....

Он учредил Святой Синод

И патриарха сбросил с плана.

Я сделал то же, в свой черед,

Дав православию

Губельмана!¹

.....

Как свидетельствуют материалы книги А. Кондратенко, возвращение к мирному времени для орловской журналистики стало возвращением к такому положению, при котором печать выступала, прежде всего, как рупор партии, как «передаточное звено для трансляции принятых наверху решений». Даже малейшие намеки на самостоятельность, даже самые робкие попытки говорить без указки сверху, без согласования с вышестоящим начальством были чреватые суровыми санкциями. Так, за опубликование безбидной басни «Лучи-

¹ Речь идет о Емельяне Ярославском (Губельмане) - председателе Центрального совета **Союза воинствующих безбожников**.

на», посвященной теме несвоевременного завоза керосина на село, автор ее, сотрудник краснозороенской районной газете «Сталинец» В.И. Поляков, получает строгий выговор по партийной линии. В результате конфликта с областным партийным начальством, редактор «Орловской правды» Н.Ф. Патенков попадает с сердечным приступом в больницу и через несколько дней умирает от стенокардии. В своих комментариях к словам советских вождей о том, что печать должна быть сильной, острой и боевой, о свободе прессы в социалистическом обществе А.И. Кондратенко не без иронии замечает: «Множество книг советской журналистики, опубликованных в последующие десятилетия, и были посвящены этой неразрешимой задаче скрещиванию партийности со свободой».

В главах, посвященных послевоенным десятилетиям развития орловской печати А.И.Кондратенко очень большое внимание уделяет персоналиям, описанию жизни и деятельности тех, благодаря кому происходило возрождение орловской журналистики, превращающейся к началу 70-х годов прошлого века в ведущий фактор культурной и общественной жизни Орловщины. Среди этих имен – И.М. Патенков, Н.Е. Пашенцев, С.В. Коробков, А.И. Логутков, В.И. Фефелов и другие. В недрах орловской журналистики зарождается Орловская писательская организация, формируются такие яркие самобытные таланты, как Дмитрий Блынский, Василий Катанов, Иван Рыжов, Виктор Дронников и многие, многие другие.

«Ходить бывает склизко / По камешкам иным. / И так, о том, что близко, / Мы лучше умолчим» — гласит окончание знаменитой сатирической поэмы «История государства Российского от Гостомысла до

Тимашева». В отличие от графа А.К. Толстого, автор летописи орловской журналистики дерзает ходить по «склизким» камешкам, посвящая печати 1990-х годов целую главу. В этой части книги мы наблюдаем частичное изменение образа автора, который выступает теперь уже не только в роли бесстрастного летописца, но и в роли вовлеченного в бурные события очевидца. Весьма выразительно в книге описывается раскол редакции газеты «Орловская правда», сотрудником которой А.И. Кондратенко работал в те годы. При этом автор все-таки не дает эмоциям вырваться наружу, оставаясь верным своей обычной сдержанной манере. Не давая открытых оценок, он показывает всю бесплодность и моральную несостоятельность популизма и политиканства в журналистской среде. При этом А. Кондратенко раскрывает незаурядный творческий потенциал орловской журналистики, которая выдержала испытание на прочность в лихие девяностые, сохранила свои лучшие традиции, прежде всего традиции организации культурной жизни родного края.

Документальный материал, сконцентрированный в книге «Два века и один день», включает в себе огромные возможности для творческого развития и развёртывания. Об этом свидетельствуют, в частности, последние очерки А.Кондратенко и его замечательная книга «Свет далеких звезд». Очерк «Пройдут дожди, пройдут снега...» («Подъем», 2010, №3) посвящен романтическим отношениям поэта-песенника Алексея Фатьянова и звезды киевских театров актрисы Анны Николаевой. Это история о том, как пересеклись перед войной в Орле линии судьбы двух очень красивых и талантливых людей и о том, как суровое время и жесткие обстоятельства не дали

сложиться песне любви: «Алексей провожал Анну в эвакуацию. Рано утром пришел на вокзал прямо к вагону. И принес фиалочку: «Это тебе» (его фиалку, желтую с синими краешками, засушенную, Анна хранила в записной книжке много лет) Они не плакали и почти ничего не говорили, они думали, что война долго не продлится («еще пару недель, не больше»). Поэтому, прощаясь, не расставались навсегда, надеясь, что когда-нибудь, после войны, будут вместе навсегда». Увы, этим мечтам не суждено было сбыться. Беспощадный реализм войны внес свои коррективы в сию романтическую историю: Анна Николаева зимой 1944 года, живя в Орле, лежащем в развалинах, голодном и холодном, принимает предложение редактора «Орловской правды», Ивана Батова. В своем интервью журналистке киевской газеты Анна Николаева через много лет скажет: «Наверное, то, что предложил мне Иван Георгиевич после страшной войны, было для меня важнее всего. Он защитил меня, спас от нищеты...».

В романе Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» приводится любопытный монолог следователя Романа Львовича Штерна (прототипом его был известный писатель и юрист Лев Романович Шейнин, один из ведущих участников политических процессов 30-х годов прошлого века): «Я теперь случаи из практики описываю, "Записки следователя", и все охают. Такой гуманный! Такой человечный! Такой тонкий! И монета кругленькая идет! Еще бы - "Записки следователя"! Это же все равно что мемуары бабы-яги. Все хотят знать, как там у нас кипят котлы чугунные...»

Герой очерка Кондратенко «Петрищев, сын Петрищева» («Литературный Брянск». 2010, №1(8)) также пишет рассказы о жизни

следователей НКВД, но, в отличие от Льва Романовича Шейнина, писательская деятельность заканчивается для него трагически. 17 сентября 1941 года, за 16 дней до вступления немцев в Орел, военный трибунал Орловского военного округа по статье 58 пункт «а» УК РСФСР¹ приговорил В.А. Петрищева к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, с поражением в правах на 5 лет, «без конфискации имущества, за отсутствием такового»². Однако, как показывает в своем очерке А. Кондратенко, писательская деятельность была не главной причиной репрессий по отношению к Василию Афанасьевичу Пертищеву, автору ряда книг, изданных в Орле в предвоенное время. С коммунистической пропагандистской точки зрения эти книги были безупречны. Так, в частности, писатель клеймит дореволюционных предпринимателей-орловцев как пауков-кровососов, опутывавших рабочих паутиной «произвола и угнетения, пишет «урпатриотические» стихи. Корни трагедии В.А. Петрищева уходят в его родословную. Этот советский орловский писатель был сыном Афанасия Борисовича Петрищева, одного из видных революционно-демократических деятелей начала века, принимавшего активное участие в борьбе против самодержавной власти, являвшегося одним из основателей партии народных социалистов («энесов»). В июле 1922 года В.И. Ленин в письме к ЦК партии потребовал решительно искоренить всех энесов» и в числе первых четырех назвал А.Б. Петрищева. Основателя партии народных социалистов вскоре арестовывают, а затем высылают из страны на знаменитом «философском пароходе»

¹ Статья 58 предусматривала наказание за контрреволюционную деятельность. Пункт «а» данной статьи гласил: «Изнамена Родине: расстрел с конфискацией имущества, или 10 лет с конфискацией имущества».

за границу, где он мирно заканчивает свои дни на восьмидесятом году жизни (1952). Указание вождя было буквально исполнено по отношению к Петрищеву-сыну¹. Не спасли никакие способы выражения лояльности по отношению к власти, ни активная пропагандистская деятельность, ни стихи-агитки, ни рассказы о гуманистах-следователях...

Название последней книги Алексея Кондратенко – «Свет далеких звезд» исполнено грустного символического значения. Интеллигенты-просветители второй половины XIX- начала XX века сравниваются с далекими угасшими звездами, свет которых идет до земли десятками, сотнями лет. Так сложилось, что мы долгое время не знали имен этих людей, которым столь многим обязана культура Орловского края, а ряде случаев и культура всей России. Благодаря книге Кондратенко свет этих людей дошел до нас, преодолев тьму забвения.

Литература критического реализма и отечественная историография прошлого века немало сделала для «разбрасывания камней», изображая «небокоптителей», разоблачая угнетателей, показывая «свинцовые мерзости жизни» в русской провинциальной среде. Но мы до сих пор очень мало знаем о созидательной деятельности провинциальных интеллигентов, о тех предпосылках, благодаря которым Орел стал в конце XIX века одним из самых значимых культурных центров России. Книга «Свет далеких звезд» - это шаг на пути «собираания камней», на пути восстановления исторической справедливости и нашего собственного очищения от греха неблагодарности, забвения и поругания памяти предков.

¹ Василий Петрищев посмертно был реабилитирован прокуратурой Орловской области 18 ноября 1992 года

Воссоздавая перед нами картину подлинного цветения культурной жизни Орловской губернии, показывая масштабные и разнообразные дела своих героев в области исследования животного и растительного царства, природных богатств, определения перспектив экономики, предпринимательства и торговли родного края, в области просвещения, краеведения, книгоиздательства, художественной литературы, благоустройства и украшения окружающей среды, автор заставляет нас делать сопоставления между прошлым и настоящим, побуждает задаться вопросом: а насколько мы, ныне живущие, соответствуем тем высоким меркам требовательности к себе, какими жила дореволюционная орловская интеллигенция, сможем ли мы предъявить истории что-либо достойное, хоть в какой-то мере соотносящееся с тем, что было сделано нашими предшественниками, сможем ли сами стать источником света для потомков...

В книге «Свет далеких звезд» оживают картины далекого прошлого, вновь звучат умолкнувшие голоса. «Вот, голубушка, Христовым именем побираюсь! Не стыдно мне это, старику, а хорошо... Господь сподобил принять подвиг, в людях Христа бужу!». Это слова бывшего директора Орловской гимназии Ивана Михайловича Белоруссова, последние дни которого описаны Иваном Шмелевым в его книге-реквиеме «Солнце мертвых». Алексей Кондратенко рассказывает о жизни этого подвижника отечественного просвещения и ревнителя русского слова в очерке «Учитель словесности». В советской историографии его называли карьеристом и реакционером, обвиняя в стремлении поднять в гимназии «религиозный дух». Но сказано: судите о дереве по плодам его. Орловскую гимназию в годы директор-

ства Белоруссова окончили многие выдающиеся деятели отечественной культуры и науки, среди них - Леонид Андреев, известные специалисты в области архивного и музейного дела братья Лукомские и др. Из-под пера Ивана Михайловича Белоруссова выходит «Словарь Ломоносовского языка», удостоенный премии Академии наук, он является автором ряда учебников, книг и статей по русской словесности, получивших большую популярность в России и многократно переиздававшийся. В последние дни своей жизни, умирая от голода в Крыму, старый учитель словесности работает над новой книгой, при крайней телесной немощи являя пример силы и бодрости духа.

Воскрешая память об ушедших, давая возможность услышать их голоса, Алексей Иванович Кондратенко делает нас участниками важнейшего дела – восстановления исторической справедливости, отдания должной дани тем, благодаря которым была создана великая русская культура, наука и искусство.

«Вещи и дела, аще не написании бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написаннии же яко одушевлениии» - эти слова, с которых начинается роман И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева», можно поставить эпиграфом как к главной книге А.И. Кондратенко «Два века как один день», так и ко всему его творчеству, представляющему собой заметную страницу в современной литературе Орловского края.

Поэзия Геннадия Попова

*Помнишь, плыли вечерние тени,
Сквозь деревья в свеченье зари
Сад безумствовал в юном цветенье
Пересвистывались соловьи.*

Это строки из последней книги орловского поэта Геннадия Попова «Дороги утреннего света»¹, состоящей из 11 циклов стихотворений. Вышедший сборник в полной мере дает возможность оценить всю неповторимость и обаяние творческой индивидуальности автора.

Ощущение глубины и силы поэтического дыхания возникает уже с первых страниц и не оставляет вас до конца:

*И жду, когда обратно потечет
Мой путь сюда как ручеек весенний,
Заранее теряя суткам счет,
На каждый звук выскакиваю в сени.*
(«Молчание»)

*Пора... свой тост передаю другим,
Сдвигает время годы, как бокалы
И от костров в ущельях светлый дым
Летит, летит за наши перевалы.*
(«Осетинский тост»)

*Счастливый пудель осторожно
В пушистый снег по грудь залез.
И совершенно невозможно
Не слышать голоса небес*
(«Февральский день»)

Интонации поэта пронзительны и искренни:

*От пожарища красок немею,
Безоглядно в огонь их иду.
На холодном ветру пламенею*

¹ Попов Г.А. Дороги утреннего света. Циклы стихотворений. – Орел: Вешние воды, 2009.

И сгораю у всех на виду.

(Вот и снова тепло на исходе)

Этот появляющийся на первых страницах парадоксальный круг образов возникает в книге вновь и вновь.

*Полыхает листва и не гаснет
На деревьях в замкнутом окне,
Словно годы горят в одночасье
В ненасытном холодном огне*

(«Снова небо исходит дождями»)

*Никого... только звезды немые
Не ответят, кричи не кричи
Снятся руки твои снеговые,
Как студёный родник горячи*

(«Никого в мире ночи не вижу»)

*Земля горела под ногами:
Душа сгорала без огня,
Тень одиночества, как пламя,
Сжигала заживо меня*

(«Судный час»)

Стремясь к безоглядной открытости во всем – в словах и делах, в отношениях с любимой и друзьями, поэт при этом оказывается «на ветру», беззащитным и уязвимым для мира. Вместе с тем за этой внешней беззащитностью и уязвимостью скрывается внутренняя сила, незаурядная творческая воля и поэтический темперамент. Истоки этой силы – в связи с корнями, исконной рязанской и орловской землей, глубококом чувстве Родины.

Одно из центральных мест в книге занимает оратория «Евпатий Коловрат», которая посвящена прославленному в веках подвигу рязанского богатыря, в неравном бою с захватчиками явившего всю мощь и негибаемость русского духа. В оратории возникает мотив единства исторической судьбы России, утверждается идея сопричастности живущих ныне русских людей к славному прошлому нашей

Родины. Нет, не распалась связь времен, мы живы и едины, у нас есть не только великое прошлое, но и великое будущее – утверждает поэт:

*И нашим судьбам быть на свете
Под знаком негасимых звезд,
Как вековечный на планете
Реки Оки рязанский плес.*

Мотивы и интонации, возникающие в книге «Дороги утреннего света» в связи с образами Родины, ее мученической и великой судьбы поражают разнообразием и неповторимостью. При этом интонации плача, молитвы, увещаний сменяются нотами обличения, гнева, грозного предупреждения:

*Нет, довольно уже здесь свинцовые косы косили
И взращенная злоба по душам хлестала, как плеть,
Мы с любовью идем по нахмуренным пашням России,
Но, наверное, сможем опять за нее умереть*
(«На осенней охоте»)

*Давно уготованы цепи и плети
Для тех, кто поднимет взыскующий глас.
И впредь не придут нерожденные дети
За нас поквитаться и вспомнить о нас...*
(«Воскресенье»- из триптиха «Апокалипсис»)

*Нельзя, словившись в тяжелой доле,
Сорваться прочь с родимых мест,
Пока стоит, как ратник в поле,
Поклонный крест – Дозорный крест»*
(«Поклонный крест»)

*Страшнее бомб и автоматов
Бывает время топора*
(«Священная война»).

В стихотворении «Клич» появляется мотив неразрывной связи судьбы русского народа с судьбою родного языка и отечественной

*Играет детвора
Я был зеленым кленом
Но...далеко вчера.*

(Август)

Очень важной для поэта является связь с творчеством Бориса Пастернаком, переключка с образами которого присутствует в ряде стихотворений. Строки Пастернака: «Когда строку диктует чувство, Оно на сцену шлет раба. И тут кончается искусство. И дышит почва и судьба», – отзываются в книге Геннадия Попова серией запоминающихся выражений и образов. В этой связи следует назвать, прежде всего, стихотворения «Аз воздам» и «Двойник», где творчество предстает как высший дар и, одновременно, как крест:

*Но чувство шлет раба на сцену
И сердце выжжено дотла.*

(«Аз воздам»)

*Опять надеюсь на удачу,
безумной страсти вольный раб.
И ничего уже не значу.
И самому себе не рад.*

(«Двойник»)

Элегический настрой пронизывает страницы книги, посвященные любви. Рефреном здесь проходит мысль о хрупкости и уязвимости земной красоты, о невозвратимости счастливых мгновений земного бытия.

*Ничего говорить не спеши:
Что, любимая, скажешь словами,
В непроглядной эфирной тиши
Только Бог и судьба между нами.*

(«Наконец в телефонных шумах»)

...Любимая не надо.

*Не оживить цветов в пылающих плодах
В тенистой глубине заброшенного сада
русалок хоровод резвится на прудах...*

(«Туман, туман... Я ничего не вижу»)

Стихотворения Геннадия Попова о любви исполнены тихой му-

ЗЫКИ:

Бабье лето...

Лежат облака

На верхушке лохматого стога.

Здесь речная волна глубока

И накатана ветром дорога.

Здесь дрожащие ветки осин

Так светлы, что забыть невозможно,

Паутина на солнце висит...

И тревожно, тревожно, тревожно...

Даже птицы и те не вольны...

Миг прощанья мучительно нежен.

На ветру гребни волн, как челны,

Чередою выходят на стрежень.

Их уносит холодный поток

К горизонтам морозным и снежным.

И кружится осенний листок

На отчаянных крыльях надежды.

(Из цикла «Наталья»)

Эти поэтические строки не могут не вызвать сердечного отклика у всех любителей и ревнителей русской поэзии...

Надо сказать, что символика названия книги Геннадия Попова получает разнообразное развитие и отражение в ее содержании: тема огня и света пронизывает лирическую стихию сборника, не давая взять верх возникающим порою мотивам мрака и «дерзкого уныния».

В небе высоком, в небе печальном,

Солнце, промчавшись стремглав надо мной,

Словно кивнуло мне на прощанье

Огненноликой своей головой

(«Закатное»)

*Не ночь, а факел очищенья
От клятв, обманов и обид
Горячий пепел всепрощенья
На землю стылую летит*
(«А. Загороднему»)

*Щемящий миг...
Застынет изумленно
И распахнется сердцу на свету.
А над листвою огненного клена
Светило набирает высоту.*
(«Памяти Николая Рубцова»)

Григорий Свиридов в своей книге «Музыка как судьба» пишет: «Николай Рубцов – тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый».

Эти слова Григория Свиридова приоткрывают тайну души русского народа, скрывающей в своей глубине источники тихого негасимого света и неисследимой силы.

Эти слова могут быть отнесены и к современной поэзии срединной, исконной России, одним из ярких представителей которой является уроженец Рязанской земли, замечательный орловский поэт Геннадий Андреевич Попов.

Тема Родины в книге Григория Лазарева «Поющие холмы»

«Почитай отца твою и мать твою..., чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь Бог твой, дает тебе» (Вт.5:16). Эта библейская заповедь является краеугольным камнем нашей жизни. Почитание отца и матери неотделимо от любви к Родине, к земле, которую дал каждому из нас для жизни Бог. В основе патриотизма лежит не абстрактная идея, но живое разумно-сердечное чувство связи с отчим домом (отсюда – слово «отчизна»). Именно это живое одухотворенное чувство пронизывает недавно вышедшую в свет книгу орловских краеведов Григория Лазарева и Владимира Ананьева «На поющих холмах», придавая ей гармоничность и целостность, неповторимый запоминающийся облик и звучание.

Книга написана на основе уникальных, недоступных широкому читателю архивных материалов, отражающих жизнь наших земляков в прошлом. Внимание авторов останавливается и на драматичных моментах истории, и на строительстве храмов, и на организации народного просвещения и здравоохранения, и на экономических, хозяйственных вопросах, и на многом другом. При всей разнородности материала, он не распадается на части, не парализует читательское внимание и мысль своим объемом и обилием деталей. Центром притяжения всего этого необъятного корпуса разнообразных и разноплановых фактов выступает жизнь обитателей села Судбищи (Новодеревеньковский район Орловской области) на протяжении пяти веков рус-

ской истории. Имя этого села навсегда вошло в историю нашего Отечества в связи с Судбищенской битвой, которая произошла в начале июля 1555 года, когда семь тысяч русских ратников во главе с воеводой Иваном Шереметевым вступили в неравный бой с 60-тысячной ордой крымского хана Давлет-Гирея, вторгшегося на Русь. В результате этой битвы пало пять тысяч русских ратников и пятнадцать тысяч татар. После двухдневного кровопролитного боя хан был вынужден бежать со своей ордой в степи, опасаясь подхода войска царя Иоанна Грозного.

Судбищенская битва являет собой свидетельство силы духа русских людей, их освобождения от внутреннего рабства, их воли к победе, утверждению своего самостояния. И в этом отношении она сопоставима с великими судьбоносными сражениями – Мамаевым побоищем, Бородинской и Курско-Орловской битвами.

От рассказа о Судбищенской битве нити документального повествования тянутся к судьбам ее участников – воеводы Ивана Шереметева, окольного Льва Салтыкова, князя Юрия Лыкова и других. Важно, что имена этих людей, благодаря авторам книги, извлекаются из забвения. И они, несомненно, должны стать предметом поминовения и почитания, подобно именам героев всех других великих русских сражений.

Авторский взгляд охватывает многое, он обладает свойством панорамности и даже стереоскопичности. В книге получают освещение самые разнообразные факты, которые прямо не связаны с Судбищенской битвой, но при этом воссоздают картину жизни русских людей в этих краях на фоне жизни нашего Отечества в разные перио-

ды его истории. Каждый факт, каждая деталь исполнены живого значения, будят воображение читателя, обращают его мысль к современному состоянию нашей Родины – большой и малой. Это способствует росту народного самосознания и чувства личной ответственности за судьбу нашего Отечества.

Несколько характерных примеров.

Из главы «По родной Муравской дороге – в рабство» мы узнаем о драматичной участи наших земляков, угнанных татарами. Но, в то же время, обращает на себя внимание тот факт, что во времена Иоанна Грозного тем пленникам, которым удавалось бежать из рабства и вернуться на родину, государство выплачивало особую денежную «компенсацию» за понесенные лишения. Тем самым оно как бы брало на себя ответственность за то, что не смогло выполнить своей главной функции – обеспечить безопасность, защиту и охрану своих граждан. В комментариях к этому эпизоду приводятся контрастные факты из недавней истории, когда советское государство отправляло в тюрьмы и лагеря тех, кто попал в плен фашистам, стал объектом их надругательства на оккупированных территориях.

Не менее выразительны авторские комментарии в конце раздела, посвященного некоторым страницам здравоохранения нашего края. Отмечая непосредственную зависимость распространения эпидемий, повышения смертности народа от деятельности чиновников, определявших в прошлом уровень оплаты труда врачей, авторы распространяют свое обобщение и на современность:

«Сравним наше время. Стоило «рачительным» чиновникам только подумать о платном здравоохранении для народа, как в Рос-

сии, в которой забыли названия смертельных зараз, кое-где уже наблюдаются вспышки некоторых эпидемических болезней».

Факты преобладают в книге, но авторы не могут позволить себе сохранять бесстрастную позицию стороннего наблюдателя. Боль и сопереживание бедственной судьбе русского крестьянства в пореволюционные годы звучат в строках: «... правители нового пролетарского государства (как и все предыдущие российские государи!) все свое крайне опасное внимание сосредоточили на селе».

К числу лучших в книге относятся станицы, посвященные народному просвещению. Большой заслугой авторов является воскрешение памяти народных просветителей – учителей, смотрителей училищ, благодетелей, усилиями которых создавались и поддерживались школы, организовывалась сеть народных училищ в Новосильском крае. Среди них – Иосиф Николаевич Шатилов, Симон Давидович Мачавариани, Мария Федоровна Ридель и многие другие.

Сегодня в России особенно остро стоит вопрос об идеале отечественного образования. Основной проблемой современной педагогики является проблема идеала, без решения которой бессмысленными и мертвыми являются все проекты по модернизации образования, все продуманные до мелочей стандарты и планы, все самые современные методы обучения. К.Д.Ушинский пишет: «Этот идеал надобно внедрять детям с детства, этот идеал – Христос. Каждый христианин рожден для высшего совершенства».

Материалы книги «На поющих холмах» убедительно свидетельствуют о силе и действенности этого идеала, вдохновлявшего деятельность народных просветителей Орловщины. Наиболее показате-

тельными в этом отношении является деятельность и высказывания зрителя народных училищ Симона Давидовича Мачавариани. Так, в тексте адреса, направленного Новосильским уездным земством Симону Давидовичу, мы читаем такие слова: «Со свойственной Вам чуткостью Вы оказывали на учителей в высшей степени благотворное воспитывающее влияние и направляли их деятельность в том духе любви к церкви, к родине, преданности делу, которым Вы всегда были воодушевлены». В ежегодных отчетах же самого Мачавариани, замечательных по своему стилю и духу, учитель сравнивается с пастырем: «Люди, вооруженные пламенем любви, больше влияют на общество, чем люди с громадным запасом знаний, но равнодушные к судьбе ближних». И далее говорится о божественных истоках этой созидательной, ободряющей и возвышающей душу любви: «Чтобы земля цвела, ей нужны блага, свет и теплота; чтобы дух радовался, развиваясь, ему нужен вдохновенный взгляд окрыленного Духом Святым Евангелиста Богослова – «Бог есть любовь». Этой любви вселенная обязана жизнью своей и красотой той, которая окрыляет воображение астронома, вдохновляет певца лиры и мыслителя, погруженного в царственные думы о судьбе мира, и артиста, извлекающего чудные звуки, говорящие о неведомом, но желанном мире, мире том, где идеальность с действительностью сочетаются обаятельно». Это цитаты не из поэтического произведения, но из официального отчета. Так жили, чувствовали и писали педагоги-просветители Орловского края в сравнительно недавнем прошлом...

Сегодня, в условиях все обостряющейся информационной войны против России, когда явственно проступает стремление поставить

под вопрос исторический смысл существования нашей страны, посеять в русском народе настроения уныния, разочарования, неверия в свои силы, книга «Поющие холмы» приобретает особое звучание. Она имеет просвещающее, ободряющее и вдохновляющее значение. В истории села Судбищи, как в капле, отражается, история страны, история великого и мужественного народа.

В Судбищенской битве видится прообраз современной битвы за Россию. Бой ведется с превосходящими силами противника, и ратников не так много, но, как не раз свидетельствовала история, исход сражения зависит не от числа воинов, но от их духовной силы.

Сим победиши!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТИХОН ЗАДОНСКИЙ КАК ВОСПИТАТЕЛЬ¹

Выдающийся русский просветитель Тихон Задонский (1724-1783) внес выдающийся вклад в развитие теории и практики воспитания в России. Этот вклад стал результатом его целожизненного подвига, посвященного осуществлению христианского идеала. По словам схиархимандрита Иоанна Маслова, воспитав своего внутреннего человека на высочайших духовно-нравственных образцах, представленных Священным Писанием, святоотеческими и подвижническими творениями, святитель предлагал их всем ищущим спасения [1,336].

I

Формирование Тихона Задонского как педагога проходило в стенах Новгородской духовной семинарии, где он обучался с 1740 по 1754 г. Будучи еще учеником богословского класса, он с сентября 1750 года начинает преподавать в семинарии греческий язык. Как преподаватель греческого языка будущий святитель должен был уделять особое внимание изучению греческой святоотеческой литературы. Это давало возможность молодому преподавателю проникнуться духом христианства, спасительными истинами, глубоко запечатленными в книгах святых отцов. Схиархимандрит Иоанн Маслов подчеркивает: «Прекрасному знанию греческого языка, глубокому пониманию Священного Писания, всестороннему знакомству с святоотеческой письменностью — всеми этими сокровищами святитель Тихон обязан исключительно своему пребыванию в семинарии» [1, 25-26]. По окончании семинарии будущий святитель остается в ней учителем. Он преподает здесь сначала греческий язык и риторику, затем, уже в сане иеромонаха, назначается преподавателем философии. В 1759 возводится в сан архимандрита и становится ректором Тверской духовной семинарии.

Обучение христианской вере святитель Тихон с первых своих шагов на педагогическом поприще рассматривает как краеугольный камень образования и воспитания юношества. В этом отношении он предстает как продолжатель древнерусской традиции образования и воспитания [2, 161]. С большой яркостью это проявляется в ректор-

¹ Составлено по книгам: Схиархимандрит Иоанн Маслов. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. – М.: «САМШИТ», 1995; Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского./ Репринтное воспроизведение 5 издания 1889 – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994;. Схиархимандрит Иоанн Маслов. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. - М.: ООО «САМШИТ-ИЗДАТ», 2000.

ский период педагогической деятельности Задонского подвижника. «Он старался воздействовать на сердца слушателей, излагая православное учение о догматах веры ясно и понятно. Основываясь на Священном Писании и святоотеческом учении и не вдаваясь в сухую, отвлеченную от жизни схоластику, он стремился возбудить в учениках любовь к святой истине и делал все, чтобы эти знания легли в основу их христианской жизни и деятельности» [1, 31].

В 1763 году святитель Тихон назначается епископом Воронежским. В епархиальной деятельности святителя его дар как воспитателя раскрывается в полной мере. Столкнувшись с малообразованностью духовенства, отсутствием в народе знаний основ православной веры, святитель Тихон ставит своей задачей исправить сложившееся положение. Он видел прямую зависимость между образованием пастырей и моральным состоянием паствы.

В первый год своего пребывания в Воронеже, святитель Тихон написал книгу под названием «Должность священническая о семи Святых Таинствах» и разослал ее по всем монастырям и духовным правлениям для раздачи священникам. В этом сочинении святитель дал понятие о сущности каждого Таинства, об образе совершения, о лице совершающем и лицах, приемлющих Святые Тайны. Заканчивая объяснение каждого Таинства, святитель обращается с внушением к священникам, призывая благоговейно совершать Таинства и быть достойным посредником между Богом и людьми.

Святитель Тихон Задонский, зная наизусть почти все Писание Нового Завета, требовал того же и от священнослужителей. В указе от 9 августа 1763 г. святитель пишет о том что «не читая Нового Завета, нельзя знать воли Отца Небесного, а не зная, невозможно исполнять, а от неисполнения воли Его святой следует явная гибель» [1, 50].

Святитель Тихон не ограничивался стремлением просветить подведомственное ему духовенство. Он также заботился об исправлении нравственных недостатков: пастырь должен воздействовать на порученных ему «словесных овец» не только и не столько словом, сколько личным примером своей жизни. С этой целью он написал и разослал по всей епархии наставления в виде окружного послания, в которых он подробно разъясняет обязанности священника. Эти наставления отличается необыкновенной простотой и ясностью и в то же время проникнуты духом истинно отеческой попечительности и братской любви. Он не грозит, но советует, просит, умоляет. Можно

сказать, подчеркивает схиархимандрит Иоанн Маслов, что в своих распоряжениях и судебных определениях святитель предстает не как судья, равнодушно определяющий наказание, а как мудрый пастырь, который отечески заботится об исправлении виновного и наказанием хочет пробудить в виновных сознание вины и желание исправиться [1, 51].

Святитель обращает серьезное внимание на систематическое образование кандидатов в священники, Он учреждает ряд духовных школ в воронежской епархии, возрождает в г.Воронеже духовную семинарию, которая была закрыта при его предшественнике. При этом святитель принимает самое деятельное участие в жизни семинарии. Все лежало на его плечах: и хозяйственная часть, и педагогические мероприятия, и административный надзор. Святитель внимательно следил за педагогическим процессом, посещая классы. Тех учащихся, которые отличались добронравием и прилежанием к учебе, он ободрял подарками, а провинившихся наказывал. При этом святой отец преследовал одну цель — воспитать оступившегося человека. Так, например, в 1764 году два школьника «домовой архиерейской школы» совершили тяжелые проступки и были отчислены из духовной школы. Однако святитель не оставляет провинившихся на произвол судьбы, проявляет отеческую заботу о них, продолжает беспокоиться об их судьбе. В дальнейшем, когда они достигли совершеннолетия, он определяет одного из них в работники при монастыре, а другого служителем при Острогужской семинарии. Из данного случая видно, заключает схиархимандрит Иоанн Маслов, что святитель Тихон действовал не только как великий христианин, но и как настоящий разумный педагог [1, 57].

Святитель составляет педагогические инструкции для преподавателей: «Как поступать учителям» (составлена для славянских школ в 1763 г.); «Что семинаристам должно наблюдать» (составлена для славяно-латинской семинарии в 1765 г.). В своих инструкциях святой отец более всего обращает внимание на нравственное и духовное воспитание будущих пастырей. Так, в инструкции для семинаристов сказано: «Помнить всякому, что от Бога к сему званию позван был ради общей пользы... Намерение учения простирать во славу Божию и общую пользу, — и так лучший будет успех. Ибо учение преподается в надежду просвещения разума и произведение в чин священства. Священник бо ученый способнее будет и должен искоренять злые нравы и пороки греховные, которыми имя Божие хулится. Учение без

жития доброго не сильно и не пользует». Доброе житие, согласно инструкции святителя, должно обнаруживаться посещением богослужения, прилежным вниманием к чтению и пению, проявлением почтительности к старшим словом и делом и братской любовью к товарищам. Учащимся следует избегать осуждения кого бы то ни было, ссор, злословия, драк, неприличных шуток и блюсти нравственную чистоту. Инструкция состоит из 28 пунктов и заканчивается увещанием прочитывать эти пункты ежедневно, «чтобы всякий знал и помнил, как ему должно жить». Схиархимандрит Иоанн Маслов указывает: «Этот документ характеризует святителя и как замечательного педагога, тонко понимающего детскую душу. Он заботился о том, чтобы воспитанников не привлекали к непосильному труду, чтобы воспитатели не обходились с ними грубо и каждый учащийся имел достаточно времени для отдыха» [1, 58].

Большую заботу проявлял святитель о христианском просвещении населения Воронежской епархии, духовном состоянии пасомых. Чтобы довести до сознания народа основные христианские истины, святитель организовал катехизические поучения в кафедральном соборе и неоднократно призывал народ к посещению этих бесед. Считая своей священной обязанностью учить народ христианской вере, святитель Тихон очень часто проповедовал. Он поучал народ примером жизни, страданий и смерти Господа Иисуса Христа, разъяснял заповеди и обличал пороки. Некоторые свои проповеди святитель тщательно продумывал, переписывал и заставлял прочитывать в других храмах. Некоторые увещания святитель Тихон распорядился повесить на видном месте в храме, чтобы все могли читать, а желающие и переписывать.

Среди разосланных по епархии особенно выделяются 5 сочинений. Одно из них — «Краткое увещание, что всякому христианину от младенчества до смерти в памяти всегда содержать должно» т.е. обеты, данные при крещении, вездусущее Божие, страдания Христовы за нас, а также смерть, Страшный суд, ад и вечное блаженство. Именно это увещание было вывешено в церквях на стенах. В «Кратком наставлении, как подобает себя в христианской должности содержать» святитель внушает христианам соблюдать различные нравственные правила и прежде всего проявлять ревностную заботу о спасении души. «Наставление о должности христианской, родителей к детям и детей к родителям» дает краткое объяснение десяти заповедей Моисея. В сочинении «Примечания некая из Святого Писания выбранные,

возбуждающие грешника от сна греховного и к покаянию призывающие...» святитель восстает против тех, кто беззаботно откладывает свое покаяние и исправление. Сочинение святителя «Плоть и дух» представляет собой «собрание неких нравоучений из Святаго Писания и толкователя его св. Златоустаго, великаго вселенскаго учителя, с рассуждением в пользу духовную сочиненное». В этом увещании святитель дает характеристику наиболее распространенных среди его паствы пороков и страстей и приводит советы о том, как их избежать и вести борьбу с ними (эти советы называются святителем, в истинно педагогическом духе, «пособиями»: например, «Пособие по убежению от осуждения», «Пособие к убежанию от гордости и к снисканию смирения» и пр.) [3, кн. I, 120-185] Разосланные по епархии книги святитель заставлял священников читать народу как можно чаще.

Святитель Тихон в своей воспитательной деятельности не ограничивался увещаниями, но также прибегал иногда для вразумления народа к принудительным мерам, к взысканию за неблагоговеиное и небрежное отношение к храму и богослужению. Он также иногда налагал на людей всеобщие посты – с целью поднять нравственность и укрепить паству в вере во время каких-либо общенародных бедствий. Это порой вызывало ропот, однако народ не дерзал нарушить заповедь святителя, оскорбить непослушанием любимого и уважаемого пастыря, недовольные подчинялись его распоряжениям, говоря: «Нельзя не послушаться – Богу пожалуется».

Много сил положил святитель на борьбу с укоренившимися в народе неблагочестивыми привычками, разгульным поведением во время праздничных дней. Он разослал по всем приходам указ, где предписывалось, чтобы священники внушали прихожанам воздерживаться от посещения в воскресные и праздничные дни питейных домов, но проводить эти дни в благоговении и добрых делах, ибо предающиеся пьянству и праздности в часы богослужений являются преступниками заповедей Божиих, постановлений церковных и гражданских, и за это их ожидает гнев Божий и страшный неизбежный суд. Кроме этого, святитель потребовал от губернского начальства запретить продажу спиртных напитков в указанные дни до окончания церковной службы и крестного хода. Он способствовал тому, что в Воронеже было уничтожено навсегда народное гулянье, посвященное празднику Ярило, и надолго было прекращено разгульное празднование масленицы. Обращаясь с пламенным словом к народу по поводу масленицы, святитель обличает бесчинное поведение пьяных ком-

паний во время этого празднования: «Не держится зло между стенами, не сокрывается в домах, выходит на публику... Стыд лицо мое покрывает, когда я празднование сие на средину привожу»[1, 62]. Сильную обличительную речь к народу, возбудившую стыд и раскаяние людей, святитель произнес 30 мая 1765 г во время народного гулянья, приуроченного к празднику Ярило. Въехав в средину бесчинствующих, одушевленный пастырской ревностью, епископ обличал, умолял, советовал и, наконец, с угрозой отлучения от Церкви, повелел прекратить это позорное игрище. На следующий день он обратился к жителям Воронежа с увещанием в кафедральном соборе. С убедительностью доказав, что праздник этот есть идолопоклоннический, бесовский и неприличный, он с истинно отеческой скорбью умолял их отказаться от него. Слово святителя произвело сильное впечатление на слушателей. В церкви все собрание рыдало, и частые стоны иногда заглушали слова пастыря. Раскаяние было всеобщим, все искренно решились оставить бесчинный праздник. [1, 63].

В своих словах и проповедях святитель призывал богатых и власть имущих быть христианами не на словах, а на деле. Он с силой обличает славолубие, властолюбие, неправедные приобретения, называет хищниками тех, кто не подают руку помощи ближним, находящимся в крайней нужде, во время голода продают хлеб не иначе, как за самую высокую цену, у слабых и беззащитных нагло отнимают имение, дома, рабов, волю, самовольно употребляют чужие вещи, или за работу и службу удерживают плату и вознаграждение.

Общая картина морального состояния воронежской паствы представлялась святителю Тихону в образе «большого пожара», на котором «человеческие души беззаконием, как пламенем, поядались» Причина всяких заблуждений и пороков в жизни христиан, по учению святителя Тихона, состоит, прежде всего, в незнании слова Божия. Святитель пишет: «слово Божие нужно есть к знанию тому, кто хочет по воле Божией жить, и пороки свои усмотрит, и так их очистит» [3, 51].

Подводя итог епархиальной деятельности Задонского подвижника, схиархимандрит Иоанн Маслов особо подчеркивает ее воспитательную сторону: «Глубокий смысл и характер всех указов и распоряжений ревностного архипастыря, тонкое понимание им человеческих слабостей и обилие способов их врачевания говорят именно о знании святителем человеческой души и человеческого сердца» . [1, 68].

Уход святителя Тихона на покой не означал уход его от служения, обучения и руководства паствы. Воспоминания келейников святителя рисуют яркую картину его воспитательной деятельности в период пребывания в Задонской обители. Особое внимание он уделяет детям, стремясь укоренить в них христианские начала и через детей оказать влияние на остальных членов семьи.

Святитель, бывая в храме почти каждый день, не возбранял детям подходить под благословение. Дети, заметив такую его благосклонность, сначала по праздникам, а потом и каждый день начали во множестве приходить в церковь к службе с тем, чтобы получить что-либо от него. Келейник святителя Иван Ефремов пишет: «Идет он из церкви в келлии свои идут за ним... и малые дети. Невзирая на его архиерейский сан, толпою, прямо за ним, с смелым лицом войдут в зал, где из своих рук оделит их деньгами и начнет обучать их молиться. Которые посмышленее, читали Иисусову молитву, а которые годов по три, по четыре были, те, бывало, что есть сил кричат, творя молитву с земными поклонами так: «Господи, помилуй! Господи, пощади!» Другие: «Пресвятая Богородица, спаси нас! Все святии, молитесь Бога о нас!» И нередко таковых молитвенников собиралось по многу» [1, 105].

При общении с детьми святитель Тихон наблюдал их характер, склонности и расположения. При этом он старался добрые черты характера укреплять, а дурные искоренять. Например, если ему случилось дать одному из детей больше, а другому меньше, то такое неравенство давало возможность видеть в одних скромность, кротость и незлобие, а в других — зависть, гнев и другие отрицательные проявления. Некоторые из тех, кто получал поменьше, начинали гневаться на Преосвященного, завидовать другим детям, иногда даже начинали отнимать, и дело доходило до ссоры, драки и слез. Святитель старался пристыдить виновных, возбудить в них раскаяние и расположить к братолюбию. Он учил детей сознавать свою вину и просить друг у друга прощения. [1, 105].

Как осмотнительный и рассудительный педагог являет себя святитель и по отношению к взрослым. В своих беседах с посетителями он учитывал возраст, положение каждого собеседника, его духовные запросы, которые не могли скрыться от его прозорливого взгляда. С молодыми он говорил о силе и губительности страстей и светских увлечений; со старыми — о совершенном отречении от мира и упражнении в богомыслии; с отцами семейств — о богобоязненном воспи-

тании детей; с детьми — о почитании родителей; с купцами — о добросовестной торговле; с начальниками и господами — о кротком и человеколюбивом обхождении с подчиненными и крепостными, — словом, каждому посетителю давал соответствующие наставления. Святитель подчеркивал, что мысли, чувства, желания, намерения, действия и жизнь христианина должны соответствовать вере и учению христианскому. Эти благодатные беседы имели особую убедительность и действенность на души слушателей. [1, 106].

Строго относился святитель к тем, кто допускал грех осуждения, празднословия и неумеренного смеха. Если кто-нибудь в его присутствии начинал осуждать ближнего, то он прекращал беседу и делал выговор, хотя бы это был и самый близкий ему человек, и при этом предупреждал, чтобы впредь таких разговоров больше не допускать. Но особенно сильно вооружался святитель Тихон против зла гордости. С болью в сердце он обличал тех, кто с презрением смотрел на бедные и низшие слои народа, кто считал себя созданным для счастья и не признавал такого права за другими людьми, считая их недостойными уважения и братского почитания. «Слышим, — пишет святитель, — что один другому... говорит: «Я-де не твой брат». Чудно, что человек человеку говорит, и не стыдится говорить: «Я-де не твой брат»... Когда ты не его брат, то чей же? Он человек, а тебя как назвать — Ангелом или бесом? Скажи, скажи, пожалуй, ибо сам ты говоришь человеку: «Я не твой брат...» [1, 107-108].

Педагогический дар святителя Тихона в наибольшей степени раскрывается в его творениях. Как указывает схиархимандрит Иоанн Маслов, «самое действенное служение ближним святитель Тихон проявил своими письменными трудами» [1, 109].

II

Особенностью педагогики святителя Тихона, является стремление действовать на ум и сердце христианина не силой отвлеченного рассуждения, но внутренней силой христианского учения. Эта черта в полной мере проявляется в его трудах.

Человек, по учению святого Тихона Задонского, по своему происхождению от Бога и высокому достоинству является не чем иным, как отражением славы Божией, Его образа. И потому, живя в этом мире, он должен развить все свои духовные силы, направить их к Богоуподоблению, быть постоянно в общении с Богом, прославлять Его премудрость, святость и милосердие. Вот смысл и цель жизни человека [1, 169]

После грехопадения образ Божий, вложенный Творцом в человека, о затемнился и перестал быть господствующим в душе человека. Падший человек, по мысли святителя, хотя и жив телом, но душой уже мертв. Падение первого человека привнесло в его природу порчу, которая отразилась на всех свойствах и способностях души, нарушило гармонию, отравило и расстроило все существо. Извратились все познавательные силы и способности, утратилась ясность и проникаемость ума. Таким образом, «зло неисцельно заразило душу со всеми ее силами» [1, 172]

Природа человека, зараженная грехом, была неспособна к добродетельной жизни, и поэтому греховные склонности и страсти в человеке проявлялись и проявляются с младенческих лет. Грех так тесно слился с природой человека, что стал его вторым естеством; освободиться от него человек сам уже не мог.. Для восстановления поврежденной грехом природы человека «надобно было прийти Самому Создателю к Своему созданию». Сын Божий, Христос, Своим крестным подвигом принес человеку искупление и спасение, воссоздал человека, не нарушив в то же время его свободы. **Искупитель мира преподавал людям совершеннейший закон веры и нравственности.** Христос сделал все то, что должны были сделать люди для своего спасения. Они должны были порвать связь с грехом, отречься от него, потому что он именно и явился причиной удаления от Бога. Но этого сделать не мог никто из людей по своей греховности. И только во Христе человечество осознало всю губительность греха. Сын Божий воспринял на Себя грех с внутренним усвоением, с осознанием и переживанием вины за него [1, 173-193].

Оставляя землю после Своего искупительного подвига, Иисус Христос основал на ней благодатное Царство — Церковь Свою, которая является, по словам святителя Тихона, «духовным Христовым Телом». Спасение человека совершается только в Церкви Христовой. Посредством семи святых Таинств, преподаваемых Православной Церковью, христианину сообщается благодатная сила Святого Духа, освящающая и укрепляющая его на всех путях земного странствования, начиная от колыбели и до могильного холма. Человек по своей природе бывает удобопреклонен ко греху; победить же немощь своего естества он может только при помощи **благодати** Святого Духа. Благодать Божия стучится в дверь сердца каждого человека, призывая лежащего во грехах к покаянию. Эти спасительные призывы благодати проявляются различным образом; то через укорение совести, то

через слышание слова Божия или же через жизненные испытания. Так постепенно благодать Божия ведет христианина к нравственному совершенству [1, 201-219]. . Очень важное значение для привлечения благодати в душу человека имеет его **самопознание**, которое именуется у святителя Тихона началом спасения. Человек не в состоянии себя исправить надлежащим образом, если он не познает кроющегося в сердце зла, ибо как неопознанная болезнь пребывает неисцельной и приводит к смерти, так и скрытое зло, подобно смертоносному яду, грозит вечной гибелью.

Святитель Тихон указывает, что жизнь временная дана человеку для того, чтобы ею он приобрел вечную жизнь. Вопрос о спасении должен постоянно стоять в центре внимания христианина. Он обязан всегда и везде помышлять о вечности. Истинно христианская жизнь возможна при наличии нераздельного взаимодействия Божественной благодати и человеческих усилий. От воли каждого зависит — откликнуться на зов Божий или пренебречь им. Божие дело — ниспослать благодать, а со стороны человека - проявить согласие и готовность принять ее полной сердечной **верой** [1, 220-221].

Согласно Божественному Откровению, святитель Тихон учит, что «вера... есть дар Духа Святого» Господь дарует людям веру как средство восприятия Божественных истин, непостижимых для человеческого разума. Святитель Тихон называет веру «оком души», созерцающим истинное, безотрадное состояние падшего человека. Согласно учению Задонского подвижника, вера необходимо предполагает знание – принятие разумом евангельских истин, знание же переходит в веру. Однако знание христианского вероучения и вера в истинность Божественных догматов сами по себе не могут даровать человеку спасение. Уверовавший должен принять благовестие Христово всеми силами своей души, истины веры должны запечатлеться не только в его уме, но и в сердце. Как движущая сила нравственного роста христианина, вера непременно проявляется во всех его внешних действиях и поступках, и, прежде всего, в добрых делах, которые называются святителем плодами живой веры. Святитель подчеркивает, что каждый христианин должен проявлять постоянные усилия для укрепления веры. Средствами укрепления веры являются **совесть, страх Божий, глубокое сознание своей греховности**. Важным средством, укрепляющим веру, по учению святого отца, является также **чтение Священного Писания**, которое должно соединяться с **молитвой**. Особенным, благодатным средством укрепления живой ве-

ры, по учению Задонского чудотворца, является **причащение Святых Христовых Тайн**. Святитель говорит, что без причащения животворящих Тайн Христовых «вера быть и сохраниться в сердце человеческом не может». Вера возвышает разум христианина, управляет его волей, освящает его чувства и является одной из главных и основополагающих христианских добродетелей, так как без веры во Христа невозможно спасение человека [1, 222-227].

Вера является основанием, на котором строится здание христианских добродетелей. Первой добродетелью, главным руководствующим началом христианской нравственности является **любовь к Богу и ближнему**. Все другие добродетели, по словам святителя, вытекают из любви подобно тому, как ручьи вытекают из своего источника [1, 227-228].

Любить Бога побуждает христианина, прежде всего, Его благодать, превосходящая всякий разум и понятие, а также множество благодеяний Божиих, проявленных к роду человеческому. Уже одно имя «Отец», учит Задонский подвижник, должно возбуждать в каждом человеке огонь любви. И если дети по плоти неизменно любят своего отца, то с какой же любовью должны христиане любить Того, Кого они называют своим Отцом. Любовь к Богу проявляется вовне своими плодами. Это - ревностное исполнение воли Божией, отвращение к греху, искреннее покаяние и постоянное памятование о Боге, которое заключается, по мысли святителя, в непрерывном благодарении за Его бесконечные милости к падшему человеку. Неблагодарность, указывает святой отец, является тяжким грехом, который свидетельствует об отсутствии любви к Богу и вопиет к небу, прося отмщения. Согласно святителю Тихону, следствием истинной любви к Богу является безропотное перенесение христианином всех скорбей и жизненных испытаний, попускаемых по благой воле Божией.

Самым существенным признаком, плодом и следствием любви к Богу является любовь к ближним. Кто не любит ближнего, тот и Бога не любит, заключает святитель. Истинной христианской любви бывают чужды зависть, гордость, самолюбие. Для достижения такой совершенной любви нужен целожизненный подвиг, полное напряжение всех сил и способностей, самопожертвование и принуждение, посредством которых христианин сможет достичь с помощью Божией высшего дара любви не только к своим доброжелателям, но и к тем, кто бывает злобно настроенным против него. Истинно любящему христианину свойственна любовь к врагам. По словам святого отца,

христианин, воспитывающий в себе любовь к врагам, и сам от этого духовно возрастает, так как враждебное отношение недоброжелателей приводит его к познанию немощей, а это в свою очередь способствует искоренению гордости, тщеславия, самомнения и т. д. Чтобы стяжать любовь, необходимо очиститься от греховной порчи, необходимо, чтобы все мысли, чувства, намерения и вся деятельность христианина соответствовали воле Божией.

Таким образом, **любовь** как союз совершенства непосредственно связана с благодатным устроением духовной жизни человека, со всеми добродетелями, которые, развиваясь и совершенствуясь, в свою очередь, заканчиваются любовью [1, 237].

Согласно святителю Тихону, любви, неизменно сопутствует христианское **милосердие** – «как теплота огню». Как учит святой отец, добродетель милосердия не должно понимать в узком смысле, как только лишь оказание материальной помощи нуждающимся; она включает в себя и духовную поддержку ближнего, ибо человек состоит из двух частей: души и тела. Следовательно, и милость, ему оказываемая, также должна быть двойкой: душевной и телесной. Дела милосердия, относящиеся к телесной жизни, выражаются в том, чтобы напитать алчущего, одеть нагого, утратить больного, помочь человеку в нужде, трудах и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах и т. д.¹ А дела милостыни духовной могут проявляться в том, чтобы наставить на путь истины заблуждающегося, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, снисходить к немощам слабых, но без потворства страстям и порокам, прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении. Святитель подчеркивает, что добро необходимо делать без ожидания от этого выгоды или похвалы, и притом делать с усердием и сердечным расположением. Оказывая милость людям, христианин должен всячески остерегаться самомнения, тщеславия и превозношения, потому что эти страсти могут обесценить эту добродетель в очах Божиих [1, 237-239].

Одним из главных условий плодоносности христианского воспитания является **страх Божий**. Как учит святой отец, общий путь усвоения человеком дара страха Божия и развития его в спасительную добродетель должен состоять в том, чтобы человек постоянно

¹ Однако святитель Тихон не относит к разряду нуждающихся тех лиц, которые сами могут трудиться, но по своей лености удаляются от этого и даже тратят полученную помощь на пьянство. Всех их он называет обманщиками, ворами и хищниками и говорит, что таковых ожидает за гробом не утешение, но суд Божий, если не принесут в этом истинного раскаяния

осознавал свою греховность перед Богом и стремился к исполнению Его святой воли. Являясь мудрым педагогом, святитель обращает внимание на то, что страх Божий может восприниматься и развиваться в душе человека любого возраста, но наиболее благоприятным временем для этого являются детские годы. Детская душа не обременена еще житейскими попечениями и мирской суетой. Она чутко воспринимает добрые наставления и увещания старших, стремится ко всему доброму и возвышенному. Об этой особенности детского возраста необходимо помнить родителям; по своему христианскому долгу они должны прилагать все усилия для воспитания детей в страхе Божиим, наставляя их на спасительный путь. В одной из инструкций учителям воронежских школ святой отец обязывает преподавателей и наставников обучать детей не только грамоте, но и честной жизни, страху Божию, так как «грамота без страха Божия есть не что иное, как безумному меч». Страх Божий, указывает святой отец, является путеводителем человека ко Христу и воспитателем его в Боге. [1, 237-245].

Процесс духовного роста человека, путь восхождения к Богу, по свидетельству святителя Тихона, начинается со **смирения**. Без добродетели смирения совершенно невозможно религиозно-нравственное совершенствование человека. Стремление стать лучше, совершеннее может возникнуть только у того, кто глубоко осознал свою греховность и духовную нищету. Истинно христианское смирение человека есть живое чувство и глубокое сознание того, что он сам по себе ничего не значит и ничего доброго сделать не может, а если и делает что-то доброе, то только с помощью Божией, Его силой и любовью. Смиранный человек считает себя недостойным милости Божией, но достойным всякого наказания.

Важнейшим средством спасения и духовно-нравственного совершенствования христиан, согласно учению святителя Тихона Задонского, является **молитва**, которая, по определению святого отца, есть всецелое обращение ума и сердца человека к Богу. Молитва, как свет, указывает человеку путь духовного восхождения, просвещает все его духовные силы: ум озаряет истиной боговедения, сердце наполняет святыми желаниями и стремлениями, волю утверждает на пути истинного богоугождения. Душа и сердце молящегося всегда чутко реагируют на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждая его зорко следить за чистотой собственной совести пред Богом и всеми людьми. Сердце истинного молитвенника преис-

полнено христианской верой, надеждой и любовью; без них и не может быть богоугодной молитвы. Христианин должен дорожить временем молитвы и помнить, что погибает тот день и час, в которые человек не призывает своего Господа. Однако, усердно упражняясь в молитве, необходимо помнить, что истинная и богоугодная молитва есть дар Божественной благодати. Поэтому тот, кто желает приобрести эту добродетель, не должен надеяться только на свои силы, но просить Господа о ниспослании ему этого бесценного дара [1, 251-259].

Как христианский воспитатель Тихон Задонский особое внимание уделяет **послушанию**, которое святитель рассматривает как проявление долга христианина перед Богом, а не как особую заслугу, за которую христианин может получить преимущественное право или гарантию спасения. Христианское послушание состоит в том, чтобы полностью покорить «волю свою воле Божией», совершенно повиноваться Богу и безропотно выполнять все повеления Его, причем, делать это как должное, а не ради награды. Святитель Тихон показывает теснейшую связь, единство между христианскими добродетелями: послушанием, верой и любовью. Послушание христианина, оказываемое Богу с искренней верой и глубокой любовью, бывает приятно Богу, и вместе с тем оно водворяет в душе человека небесную, благодатную радость и способствует получению жизни вечной. Самым действенным средством, утверждающим христианина в послушании, является его деятельная богоугодная жизнь. Утверждать себя и совершенствоваться в послушании Богу человек может во всякое время и во всяком возрасте. Он должен в течение всей своей жизни стремиться к Богу и оказывать Ему истинное послушание. Но лучшим и благодатнейшим временем для посева и выращивания семян послушания Богу является детский возраст, хотя утверждать себя в послушании человек должен в продолжение всей своей жизни [1, 260-262].

На пути духовно-нравственного восхождения человека большую роль помощь оказывает ему **надежда**. Как учит святой отец, под именем христианской надежды следует понимать такое чувство христианина, когда он и умом своим, и сердцем, и волею полагается на одного Бога, на Его высочайшую премудрость, на Его всесовершенную любовь к человеку, на Его всемогущество и правосудие. Говоря о том, что истинные христиане имеют в своем сердце надежду не на получение временных благ, но на вечное упокоение в Боге, святитель приводит умилительные слова пророка Исая: «Еда забудет жена от-

роча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь» (Ис. 49, 15). Наиболее тесно христианская надежда связана с верой и любовью. Именно в этих трех добродетелях заключается почитание Бога человеком: без веры и надежды невозможно Богочитание. Спасительная сила истинной надежды проявляется во всех сторонах христианской жизни. Без надежды на Бога спастись невозможно, ибо, по словам святителя, христианская надежда есть жизнь вечная [1, 263-267].

Благодать Божия стучится в дверь сердца каждого человека, призывая лежащего во грехах к **покаянию**. Сердечная печаль «по Бозе», по словам святителя Тихона, не только очищает душевную скверну, но и удерживает от поползновения к греху, а слезами, проливаемыми при этом, «сетующая и скорбящая душа прохлаждается, как дождем воздух». Действенным средством, помогающим прийти к спасительному сокрушению сердца, служит сопоставление своей греховной жизни с законом Божиим, которое, как «молотом, печалью сокрушает сердце», а к сокрушенному сердцу не замедлит прийти и Евангельское утешение. Познав, таким образом, свои немощи, грешник, естественно, придет к самоуничижению перед Богом и людьми, увидит, что и ум его помрачен грехами, и душа осквернена, и тело растленно, и потому «вменяет себя как дом или град опустошенный и разграбленный, или как путника, впадшего в разбойники» Имея в себе такие чувства, грешник начинает понимать, что и на слово обличительное не должно ему никогда гневаться, потому что оно направлено не с целью унизить его человеческое достоинство, но против его греховных привычек. Отсюда покаяние есть полный духовно-нравственный переворот в человеке, кардинальная перемена его внутренних настроений, стремлений и самой жизни. Богоподобные свойства души, освободившиеся от гнета греха, начинают действовать во всей своей силе. Человек становится сострадательным, терпеливым, милостивым. Он никогда не дозволяет себе осуждения согрешающих, но, вспоминая свое окаянство, жалеет и прилежно молится о них Богу. В очищенное от грехов и сокрушенное печалью сердце его приходит Христос со Своим утешением, которое состоит в отпущении грехов, даровании благодати Святого Духа и обетовании вечной жизни.

Покаяние и смирение человека являются источниками **терпения**. Самоукорение помогает человеку великодушно, без ропота и терпеливо переносить все жизненные испытания и скорби, ибо доб-

родетель смирения «без терпения быть не может, и где терпение истинное, тамо и смирение». Все встречающиеся в жизни христианина искушения, скорби и испытания, учит святитель, есть не что иное, как проявление любви и милосердия Божия к падшему человеку. Как отец оставляет сына без наказания и попускает ему жить по своей воле, свидетельствуя тем самым, что он отринул его от себя, так и Господь, когда оставляет человека без наказания, через то показывает ему, что лишает его Своей милости. **Именно в терпении, по учению святителя Тихона, состоит христианский подвиг.** Добродетель терпения не ограничивается в своем благотворном влиянии на одного, отдельного человека, но распространяется на семью и общество в целом. Ни один человек не свободен от каких-либо немощей, но более всего эти немощи заметны и сказываются в семейном кругу. Поэтому терпение и снисхождение к немощам друг друга следует прежде всего приобрести супругам. Только в этом случае могут сохраняться в семье мир и согласие. Подобным образом терпение оказывает свое спасительное действие и в обществе. Если от нетерпения происходят в мире всевозможные нестроения, ссоры, войны и убийства, то посредством терпения «все сие зло отвращается. Ибо где терпение, тамо нет ссоры и брани». По словам святителя, терпение более сохраняет общество, нежели оружие, и более сохраняет города, нежели стены.

Святитель как мудрый воспитатель подводит своих читателей к выводу о том, что духовно-нравственное совершенствование человека возможно только при наличии **нераздельного взаимодействия Божественной благодати и человеческих усилий.** Благодать, вселившаяся в сердце, обновляет его и, украшая плодами добродетелей, делает храмом Духа Святого. Человек с таким обновленным сердцем становится чутким к восприятию слова Божия, призывающего его на всякое доброе дело. Переоценка прежних духовных ценностей, перенесение центра стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, освобождение от всего греховного, что отдаляет от Бога, доставляют человеку истинную свободу и очищение сердца, духовную целеустремленность, сосредоточенность, способность ко всякому доброму делу как в Церкви Христовой, так и в обществе.

III

Раскрывая содержание спасительных добродетелей, святитель Тихон Задонский освещает также и препятствия на пути к спасению.

Святой отец помогает понять истоки, природу этих препятствий и указывает средства их преодоления. Как подчеркивает святитель, спасение — это длительный постоянный процесс внутренней борьбы и работы над самим собой. Человек рождается в этот мир уже растленным и поврежденным грехом. Последователь Христов с помощью Божией может выйти из этого состояния только тогда, когда увидит пагубность и мерзость греха. В духовной брани святитель советует христианину иметь в виду самое важное - не ослаблять усилий в борьбе с искушениями, какими бы они ни казались трудными или непреодолимыми. Надежным оружием в непрестанной духовной борьбе с искушениями и греховными соблазнами является **молитва**. Путем молитвы, совершаемой от всего сердца и с полной преданностью Богу, из души исчезает все нечистое и водворяется в ней Божественная сила, одухотворяющая и возрождающая все существо человека. Сильным и действенным оружием против нечистых помыслов святой отец также считает **страх Божий** и **чтение Священного Писания**. Христианин, упражняясь в постоянном чтении слова Божия, становится умудренным и просвещенным. Весьма действенным средством в борьбе с грехом является также **сознание своей греховности**. Оно возбуждает в человеке чувство раскаяния и влечет его к богоугодной жизни.[1, 306-316]..

Большую нравственную воспитательную ценность имеют советы задонского подвижника о путях и средствах борьбы со страстями. Под страстями святитель Тихон понимает некоторые особые грехи, в полной мере господствующие в душе человека. Таковыми, по его мнению, являются: гордость, зависть, гнев и злоба, клевета и осуждение, ложь и лукавство, праздность, пьянство, сребролюбие и честолюбие. Святой отец считает, что страсти имеют глубокие корни в поврежденной грехом человеческой природе. Человек, попавший под влияние какой-либо страсти, становится неспособным владеть самим собой: она парализует все силы его души. Объектом ума человека, подверженного страстям, становятся неверные и искаженные понятия. В нем постепенно угасают духовные порывы к Богу, душа перестает бодрствовать и, наконец, умирает.[1, 317-318]

Наиболее опасной страстью, препятствующей человеку в деле его спасения, является *гордость*, которая ведет свое начало от падения ангелов. Гордость родилась не на земле, а на небе, в высших сферах бесплотных духов. Ни один порок так не подвергается суду Божию, как гордость. Это не просто грех, удаляющий человека от Соз-

дателя, но это грех — страсть, которой человек служит вместо Бога, которая таит в себе противление, вражду и дерзость по отношению к Богу. Сильнейшим оружием «против гордого духа» святой отец считает **смирение** без которого в деле спасения напрасен всякий другой подвиг. Как гордость бывает «гнусна и мерзка» Богу, так смирение «благоприятно и любимо». На протяжении всей жизни христианин должен всячески хранить свое сердце в смирении и самоукорении, приписывая все свои добрые дела единому Богу. Другим действенным средством в борьбе с зловредной страстью гордости, по учению святого отца, является **рассудительность**. Христианин должен постоянно представлять своему мысленному взору высочайший образ Христа, Его смирение, воплощение, страдание за грехи всего рода человеческого и в этом источнике черпать силы для приобретения смирения и для искоренения в самом существе безумной гордыни. Не менее эффективным средством, способным отрезвить душу от страсти гордости и привлечь к ней благодатные силы, служит также постоянное **памятование о смерти**, будущем суде и вечных мучениях. Наконец, самым действенным духовным оружием против гордости является **молитва**, которая укрепляет духовные силы человека, избавляет его от высокоумия, врачует все прочие душевные язвы и направляет по руслу нравственного совершенствования.[1, 318-321].

Не менее зловредной, чем гордость, страстью является *зависть*. Святитель приводит слова блаженного Августина: «Зависть есть дочь гордыни; умертви мать, и дочь ее погибнет». При этом он говорит, что человек, подверженный зависти, в то же время бывает одержим и гордостью. Зависть, по мысли святого отца, приводит подвластного ей человека в плачевное состояние. Страсть зависти, разгораясь в душе человека, становится ненасытной. И если человека, подверженного другим порокам, вразумляют оказанные со стороны других благодеяния, то завистника они еще больше раздражают и приводят его душу в озлобление. Зависть есть начало и источник зложелательства по отношению к ближнему. Христианину необходимо бороться с этим врагом спасения, притом упорно и продолжительно. Наилучшим средством в борьбе является **слово Божие**, которое приводит блуждающий ум в собранность и, подобно мечу, умерщвляет зависть в ее зародыше. Окончательное же искоренение зависти, по мысли святителя, принадлежит **любви**, которая является мощным и верным средством, противодействующим этой злой страсти. В ком господствует любовь к Богу и людям, в том никогда не сможет найти

для себя прибежища зависть [4, 378-382].

Не менее опасной страстью, непосредственно вытекающей из зависти и препятствующей человеку в достижении им спасения, является *гнев*. Гнездящаяся в человеке страсть эта ослепляет его духовные очи, и он не может иметь правильного суждения о путях спасительной жизни. Под действием этой злой страсти попираются любовь и все родственные и дружеские связи, а вместо них господствуют зло и ненависть. Но самое страшное и губительное действие гнев производит в человеке тогда, когда он переходит в *памятозлобие*. Человек, подверженный этой страсти, замыкается в себе, становится скрытным, желчным и подвластным духу злобы, который день ото дня ожесточает его, омрачает и делает своим послушным орудием. Человек еще на земле начинает испытывать в себе самом «адское мучение. Для того чтобы удалить из своего сердца эту злую страсть, по мысли святителя, следует прежде всего воздерживаться от ответных обвинений и в самом начале приступа гнева и раздражительности не произносить обидных слов и грубостей, потому что эта страсть побеждается не злом, но противоположными ей добродетелями — **любовью, кротостью и смирением** [1, 323-324; 4, 217-220].

Святитель Тихон показывает, как одна страсть порождает другую. Так, гнев и памятозлобие открывают вход в душу христианина *клевете* и *осуждению*. Человек, одержимый страстью *клеветы*, прежде всего наносит величайший вред своей душе, умерщвляя ее и предавая вечному суду Божию. Но человек, имеющий в сердце эту зловредную страсть, может, если того пожелает, с помощью Божией искоренить ее. В первую очередь для этого со стороны человека требуется **контроль над самим собой** и, в частности, над своим злым языком, который следует направлять не на зло и вред людям, а на **прославление Имени Божия** и охранение чести ближних. Далее, в деле избавления от этого порока христианину может помочь **смирение**, которое способно удалить из души все греховное и привлечь к ней милость Божию. Благодаря осознанию своего ничтожества человек вновь становится на спасительный путь. Необходимые для искоренения страсти клеветы духовные силы святитель советует черпать из евангельских примеров, и прежде всего из жизни и подвига Божественного Страдальца — Христа. Родственная клевете страсть *осуждения* свое пагубное начало берет также из гордости, зависти, и злобы, которая, по словам святого отца, существует в мире не для созидания мира и благополучия, но для смут и раздоров, приносящих многие

бедствия и страдания людям. Осуждая своего ближнего, пишет святитель, человек поносит создание Божие, искупленное Спасителем мира дорогой ценою, не сознавая того, что в лице своего ближнего он уничтожает Царя Небесного и наносит Ему оскорбление. Все люди составляют единое целое во Христе Иисусе, и поэтому человек должен не ближними своими гнушаться, но тем грехом, который живет в их сердцах. Действенным средством, искореняющим страсть осуждения, служит, по мысли святого отца, **познание своих грехов** и тех мерзостей, которыми душа бывает омрачена и извращена. Поступая так, человек не станет обращать внимание на чужие недостатки, но займется уврачеванием собственных греховных язв. [1, 325-327; 4, 423-424].

Задонский подвижник наглядно раскрывает также пагубность и коварство таких страстей, как *самолюбие* и *славолюбие*. Он пишет о том, что эти страсти корнями своими имеют гордость. Самолюбивый человек, замыкаясь в области узких личных интересов, не сочувствует общественным нуждам, равнодушно смотрит на горе и несчастье своих ближних, всегда бывает раздражителен и обидчив, когда ему напоминают о помощи нуждающимся собратьям. При этом одержимый страстью самолюбия крайне снисходительно смотрит на свои грехи и пороки, извиняет их не только перед другими, но и перед своей совестью, после чего она уже ни в чем его не обличает. Для избавления от самолюбия святой отец убеждает христиан стремиться не к поискам собственной славы или выгоды, но **все делать во славу Божию**: с искренним сердцем служить и помогать ближним, защищать их и утешать. Указывая на тесную связь самолюбия и славолюбия, святитель говорит о ненасытности последней страсти, сравнивает ее с адским огнем. Христианин, подверженный славолюбию, начинает всем льстить, лукавить, преследуя единственную цель — войти в их доверие. Ради этого он соглашается со всеми мнениями своих собеседников и даже одобряет их греховные поступки. Говоря словами святого Иоанна Златоуста, святитель подчеркивает, что суетная слава все добрые дела христианина и даже богоугодные намерения делает бесплодными, разносит их, подобно ветру, и иссушает. Святитель призывает вести жестокую борьбу со страстью славолюбия, умерщвляя ее **самоукорением** и **смирением**.

Святой отец предостерегает, что неукротенное славолюбие при своем развитии может породить другую труднопреодолимую страсть - *сребролюбие*. «Сребролюбие zde разумеется не токмо единого среб-

ра любление, но всякого земного имения, стяжания и богатства ненасытное желание» [4, 983]. Всякая другая страсть доходит до некоторого пресыщения, а иногда при определенных обстоятельствах и ослабевает, но при сребролюбии человек не удовлетворяется даже и тогда, когда имеет уже множество материальных благ. Одержимый страстью сребролюбия далек от любви, снисходительности и милосердия. Ради умножения богатства сребролюбец не замедлит прибегнуть к злоречию, лжи, клевете, воровству и т. д. Именно поэтому страсть эту апостол Павел называет корнем всех зол (1 Тим. 6, 10). Всякий порок бывает противен Богу и нарушает гармонию души человека, но ни один из них так не овладевает сердцем, как сребролюбие. Находясь под властью этой страсти, человек незаметно может придти к внутреннему отречению от Бога. Это непременно обнаружится как в словах сребролюбца, так и на деле; в определенный момент его жизни, когда пред ним будет поставлен вопрос: спасение или богатство, то безусловно такой человек выберет последнее. подчеркивает Святитель подчеркивает, что не обладание материальными благами является греховным, а полное порабощение человека ими, т. е. такое состояние, когда человек в материальных благах видит цель и смысл всей своей жизни. По учению святителя Тихона, освободиться от страсти сребролюбия можно только **самоотречением, искоренением самолюбия и путем исполнения заповеди Христовой о любви к ближним, а также постоянным памятованием о смерти и Страшном суде.**

Заграждает путь к спасению и такие страсти как *лесть и лукавство*, которые, по мысли святителя Тихона, ведут свое происхождение от источника зла и коварства — дьявола. Лесть и лукавство, пленяя душу христианина, делают его двоедушным и лицемерным. Лукавых людей Задонский святитель, подобно Иоанну Златоусту, называет страшнее всякого зверя, потому что зверь не меняет своей натуры, но пребывает таким, какой он есть; коварный же льстец, внутри дышащий злостью и скрывающий это под видом дружелюбия, бывает опаснее врагов, носящих скрытно оружие. Для избавления от этой внутренней скверны наилучшим средством, по мысли Отца Церкви, является исполнение слов пророка Давида: «Удерживай язык твой от зла, и уста свои от лъстивых слов.» (Пс. 33, 14)

Задонский святитель обращает внимание на большую опасность, которую таит в себе страсть *праздности*, которая появляется в человеке на почве *лености и беспечности*. По мысли святителя, сердце

человека никогда не может быть свободным от восприятий или чувств: либо добрых, ведущих в жизнь вечную, либо плохих, умерщвляющих душу. Живущие в праздности склоняются больше всего к последним и этим открывают двери сердец своих диаволу и злу, исходящему от него. Святитель Тихон, а вслед за ним и схиархимандрит Иоанн Маслов называют праздность матерью всех грехов [4, 983]. Святой отец призывает одержимых этой страстью опомниться и дорожить временем, не тратить его на незаконные дела, не зарывать данные Богом таланты, но умножать их своей святой жизнью, т. е. **пребывать в богоугодных делах, упражняться в чтении спасительных книг, молитве, богомыслии или в полезном рукоделии** [1, 331-332].

Значительное внимание святитель Тихон уделяет борьбе со страстью **пьянства**. Он пишет о том что ее истоком является праздность. Чем больше человек предается страсти пьянства, тем больше у него растет потребность к ее удовлетворению. Указывая средства к искоренению пьянства как страсти, Задонский подвижник, прежде всего, обращает внимание на необходимость воспитания человека в трезвенности, начиная с юного возраста, и в связи с этим возлагает большую ответственность на родителей, говоря, что они должны предостерегать детей от употребления спиртных напитков, так как навыки, приобретаемые ими в эти детские годы, остаются в их сердцах на всю жизнь. Немаловажным средством, ограждающим от пьянства, служит также **удаление от порочных сообществ** и от всех пиршеств. Пленившимся этой страстью святитель советует бороться против нее **покаянием и слезным молитвенным призыванием Божественной помощи, а также путем рассуждения о ее пагубности, памятования о внезапной смерти, о суде Христовом и вечной участи, ожидающей грешников.**

Еще большие усилия, указывает святитель, необходимо приложить, чтобы избавиться от страсти *блуда*. Когда человек предается гнусному пороку, высшие силы его души подавляются, дверь к молитве закрывается и душа, словно ядом, отравляется и умирает. Во всех своих видах и проявлениях блудная страсть приносит существенный вред человеку не только тем, что расстраивает здоровье, омрачает душу, терзает совесть, но и тем, что она полностью лишает его вечного спасения. Поскольку грех есть путь к смерти, то противоположный ему путь к жизни состоит в стяжании чистоты как телесной, так и душевной. И первым, самым важным условием обретения этой

чистоты должно быть **господство духа над плотью**, состояние, при котором человек отвращает свой взор от всего соблазнительного и пагубного, тщательно охраняет свои чувства и приучает их служить только **целомудрию**. Для искоренения и угашения плотской нечистоты, действующей в человеке, святитель советует также пребывать в труде, «часто молиться, мало есть и пить и мало спать» [1, 334].

Как замечает Задонский подвижник, после совершения всякого греха у человека появляется томление духа. Это внутреннее гнетущее состояние бывает подчас настолько мучительным, что даже превышает возможность человеческих сил противостоять ему. И нередко оно приводит человека к печали, унынию и даже к отчаянию. Овладев человеком, печаль и уныние способны полностью расстроить силы его души, отвлечь его от богоугодных занятий и вообще уничтожить все духовные плоды и тем самым привести свою жертву к смерти душевной. Святитель не только указывает на губительность печали и уныния, но и дает совет, как можно противостоять им и какими средствами преодолевать их. . Прежде всего, христианин должен постоянно принуждать себя к духовному подвигу, и особенно к **молитве**. Немалую роль в этой борьбе играет **размышление о смерти, о Страшном суде Христовом**, о вечных мучениях грешников и блаженной жизни праведников. И наконец, весьма спасительно действуют и отрезвляют душу, впавшую в уныние, слова Псалмопевца: «Потерпи Господа, мужайся и да крепится сердце твое, и потерпи Господа» (Пс. 26, 14)

Таким образом, как учит святитель Тихон Задонский, основой воспитания и образования является обучение христианской вере, просвещение человека Словом Божиим, приводящим блуждающий ум в собранность, помогающим восстановить утраченную в результате грехопадения целостность существа человека. Приобретение дара рассуждения является условием стяжания всех добродетелей и преодоления препятствий на пути спасения. Постоянная бдительность к своему внутреннему миру, согласно, святителю, помогает христианину в самосовершенствовании и осуществлении своего предназначения - жить в Боге и для Бога.

Источники

1. Схиархимандрит Иоанн Маслов. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. – М.: «САМШИТ», 1995.
2. Маслов Н.В. Основы русской педагогики. – М.: ООО «САМШИТ-ИЗДАТ», 2007.
3. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского./ Репринтное воспроизведение 5 издания 1889 – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.
4. Схиархимандрит Иоанн Маслов. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. - М.: ООО «САМШИТ-ИЗДАТ», 2000.

Научное издание

Бобылев *Борис Геннадьевич*

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ
ОСНОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных трудов

Печатается в авторской редакции
Технический редактор Л.П. Ивентьева

Орловский государственный технический университет
Лицензия ИД № 00670 от 05.01.2000 г.

Подписано к печати. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. . Усл. печ. л. . Тираж 500 экз.
Заказ № _____